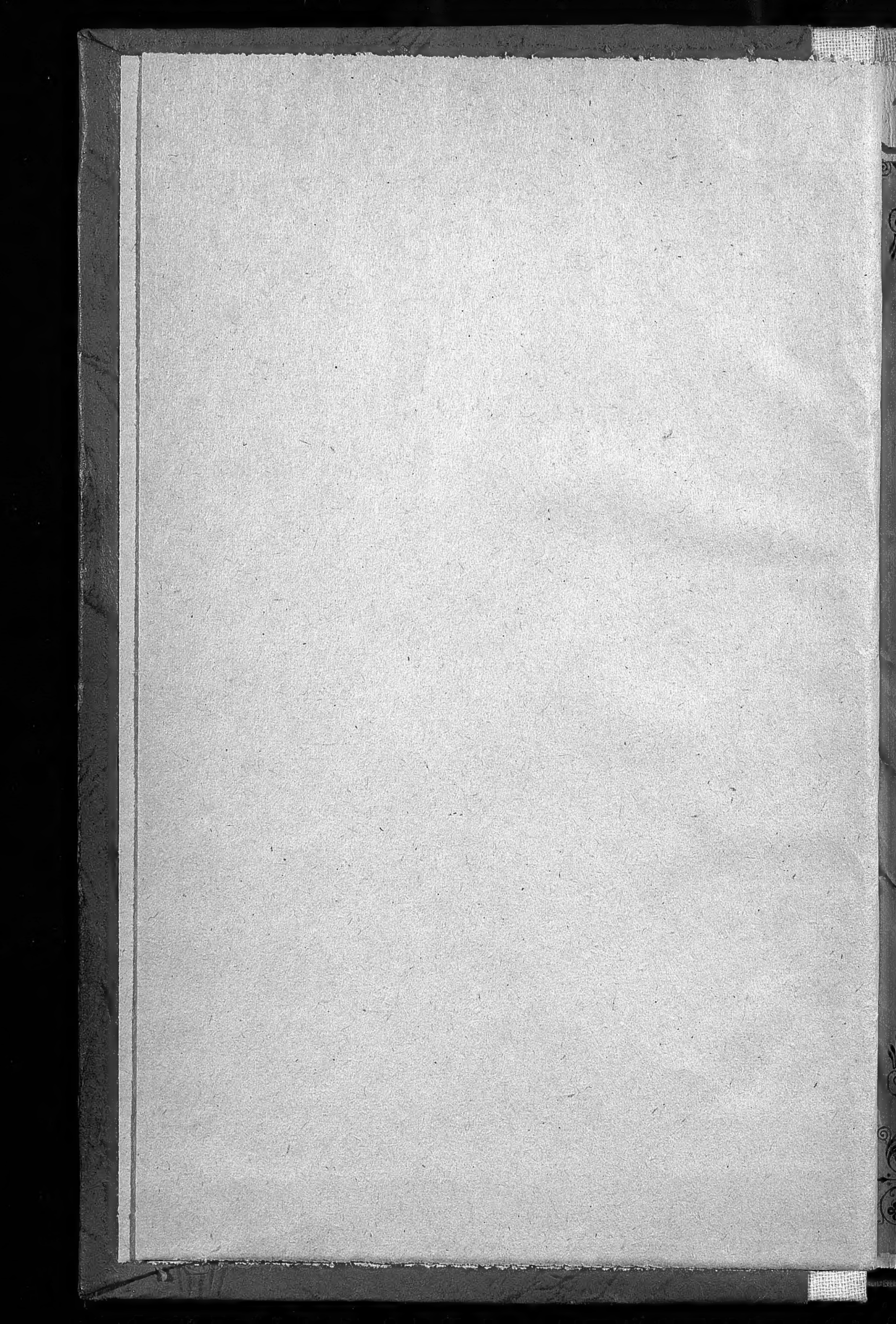

ОЧЕРКЪ

исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича.

СЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ.

Составилъ учитель Костромскаго реальнаго училища
И. Шиловидовъ.

КОСТРОМА.
Типо-литографія Ф. А. Фалькъ. Сусанинская площадь.
1886.

ОЧЕРКЪ

исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Θеодоровича.

СЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ.

Дозволено цензурою. Москва. 1886 г. января 28 дня.

Составилъ учитель Костромскаго реальнаго училища

И. Миловидовъ.

КОСТРОМА.
Типо-литографія Ф. А. Фалькъ. Сусанинская площадь.
1886.

Дозволено цензурою, Москва, 1886 г. января 28 дня.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію предлагаемаго очерка исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Өеодоровича, авторъ прежде всего имѣлъ цѣлію критически провѣрить всѣ имѣющіеся въ печати очерки исторіи Костромы. Какъ видно, основой для тѣхъ историческихъ очерковъ, которые въ сокращенномъ видѣ помѣщены: «въ Матеріалахъ для географіи и статистики Костромской губерніи Крживоблоцкаго, въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, послужилъ трудъ князя Козловскаго: «Взглядъ на исторію Костромы» 1840 г. Трудъ этотъ, хотя и почтенный, по настоящему состоянію и развитію исторической науки, не можетъ быть названъ вполнѣ удовлетворительнымъ; въ немъ помѣстамъ есть невѣрности и неточности. На выдержку приведемъ нѣкоторыя мѣста. Такъ начальныя строки труда: «страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, обитаема была народами *славянскаго* поколѣнія, именовавшимися Меря» содержатъ очевидную историческую неправильность, такъ какъ меряне были не славяне, а финны. Затѣмъ построеніе Костромы кн. Козловскій приписываетъ Юрію Долгорукому, не подтверждая этого очевиднымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. Вообще видно, что о бытѣ первоначальныхъ насельниковъ въ Костромскомъ краю кн. Козловскому мало было извѣстно, очевидно, по той причинѣ, что русская археологія была въ его время еще въ зачаткахъ. Названіе г. Костромы кн. Козловскій производитъ совершенно произ-

вольно отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, не далеко отъ нынѣшняго Дерпта, или замка Кострума, гдѣ послѣ построенъ Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума кн. Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы произвести не только отъ замка или города въ Ливоніи, а пожалуй откуда нибудь и подальше, даже изъ Африки. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожиловъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Очевидно, что кн. Козловскому не извѣстна была древне-русская миѳологія, изъ которой мы узнаемъ о божествѣ весны у языческихъ славянъ, называвшемся прямо Костромою. Въ нашемъ очеркѣ мы обстоятельно изложили по вопросу о названіи города Костромы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи кн. Козловскаго, особенно по древнему періоду, встрѣчается не мало неправильностей и даже иногда существенныхъ, вошедшихъ и въ другіе сокращенные очерки, перечисленные нами раньше. Всѣ эти неправильности и неточности и вызвали насъ на провѣрку имѣющихся очерковъ по первоисточникамъ — лѣтописямъ и на основаніи позднѣйшихъ трудовъ по русской исторіи и археологіи. Кромѣ неправильностей въ очеркахъ оказалась и неполнота, очевидны пробѣлы, которые мы восполнили, и, какъ результатъ нашей работы, предлагаемъ читателямъ настоящій очеркъ исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича. — Авторъ не дерзаетъ претендовать на полную удовлетворительность и его труда потому особенно, что онъ не могъ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему пришлось работать, воспользоваться всѣми списками лѣтописей, хотя главнѣйшіе списки были у него подъ руками, и особенно не могъ воспользовать-

ся всѣми архивными данными и всѣми трудами по древне-русской исторіи. Поэтому на законченность и совершенную полноту настоящаго труда авторъ не можетъ претендовать. Тѣмъ не менѣе тѣми матеріалами, которые возможно было имѣть подъ руками, авторъ воспользовался внимательно и извлекъ изъ нихъ все, касающееся предмета своего труда. Авторъ можетъ надѣяться, что на основаніи имѣющагося и изложеннаго матеріала, историческое значеніе Костромы и Галича уяснится читателю, такъ какъ всѣ историческія событія, касающіяся Костромы и Галича, изложены обстоятельно.—Что же касается самаго древняго періода исторіи Костромы, то здѣсь авторъ высказываетъ свой личный взглядъ на этотъ періодъ, не высказанный доселѣ никѣмъ изъ изслѣдователей. По недостатку прямыхъ историческихъ данныхъ взглядъ этотъ больше проблемматическій, тѣмъ не менѣе имѣющій за себя много вѣроятности. Авторъ будетъ очень радъ, если на его взглядъ на начальную исторію Костромы будутъ сдѣланы возраженія, подкрѣпленныя очевидными историческими данными. Они послужатъ лишь къ уясненію начальнаго періода исторіи Костромы.—Авторъ счелъ нелишнимъ иллюстрировать свой трудъ видами святынь и нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ мѣстностей костромскихъ.

Въ заключеніе авторъ не можетъ не выразить глубокой признательности г. редактору Костромскихъ губернскихъ вѣдомостей В. Г. Пирогову за его просвѣщенное вниманіе къ этому труду и за дѣятельное участіе въ 1-мъ изданіи его.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

I. Установка взгляда на начальную исторію г. Костромы.

Очерки исторіи г. Костромы помѣщены въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, Костромская губернія, Я. Крживоблюцкаго, 1861 г. (*), въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г., составленной Костромскимъ губ. статистическимъ комитетомъ, въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, Костромская губернія, 1877 г., въ книгѣ: Волга отъ Твери до Астрахани, 1862 г., и въ нѣкот. другихъ изданіяхъ.

Очерки эти сходны между собою, за исключеніемъ разницы въ большей или меньшей полнотѣ. Сходство во взглядѣ прежде всего на начальную исторію Костромы объясняется тѣмъ, что очерки составлялись въ зависимости одинъ отъ другаго и всѣ на основаніи данныхъ историческихъ, приведенныхъ въ исторіи Карамзина. Только въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи и въ частности Костромской губерніи мы находимъ обстоятельное изслѣдованіе о народонаселеніи Костромской губерніи въ древнѣйшее доисторическое время—финскомъ племени Мери, о колонизированіи Костромскаго края славянскихъ племенъ, потомъ небезосновательныя гипотезы о началѣ и основаніи города Костромы.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ касаться доисторическаго быта области, занимаемой нынѣ Костромскою губерніей. Мы постараемся прослѣдить начальный, историческій періодъ исторіи

(*) Г. Крживоблоцкій пользовался, между прочими источниками и изслѣдованіями, историческимъ описаніемъ г. Костромы кн. Козловскаго и историческимъ же описаніемъ Костромы Васькова.

г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ, на основаніи данныхъ, извлеченныхъ нами изъ лѣтописей, придавъ имъ объясненіе, которое служило бы установкой правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда на начальную исторію г. Костромы, Костромскаго и Галицкаго княжествъ. Правда, что и имѣющіеся очерки исторіи Костромы изложены на основаніи тѣхъ же лѣтописныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ Карамзинымъ, тѣмъ не менѣе послѣднія излагаются въ очеркахъ или безъ удовлетворительнаго поясненія ихъ или даже съ историческими и хронологическими неправильностями. Поэтому мы должны возстановить вѣрность и точность историческихъ фактовъ, касающихся исторіи Костромы, и придать имъ надлежащій смыслъ и объясненіе.—Прежде мы коснемся въ краткихъ чертахъ начала и распространенія славянской колонизаціи въ томъ краѣ, который извѣстенъ былъ въ старину подъ названіемъ Ростовско-Суздальской земли, скажемъ о древнѣйшихъ (старыхъ) и позже возникшихъ (новыхъ) городахъ въ ней. При этомъ, по недостатку прямыхъ лѣтописныхъ сказаній о началѣ г. Костромы, мы должны будемъ по необходимости ограничиться одними предположеніями о времени и мѣстѣ построенія г. Костромы, подкрѣпленными, впрочемъ, лѣтописными же и нѣкоторыми другими данными и мнѣніями нашихъ историковъ. Вопросъ о возникновеніи г. Костромы представляетъ интересъ для изслѣдователя и въ этомъ случаѣ приходится дорожить всякимъ косвеннымъ намекомъ, всякимъ вещественнымъ памятникомъ или устнымъ преданіемъ, такъ какъ Кострома одинъ изъ тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, о началѣ которыхъ нѣтъ прямыхъ извѣстій въ лѣтописяхъ. Скажемъ сначала о распространеніи славянской колонизаціи въ Ростовско-Суздальской землѣ, на основаніи научныхъ изслѣдованій.

Въ области верхней Волги и ея притоковъ коренными, или точнѣе, древнѣйшими обитателями были финны, а славяне явились среди нихъ только позднѣйшими поселенцами: на Бѣлѣозерѣ сѣ-

дять Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ (Плещеево, Переяславское) Меря же. По Окѣ рѣкѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ.... Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на Весѣхъ... И прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ.. и тѣмъ градомъ суть находници Варязи, а перьвіи насельници въ Новѣ-городѣ Словене... въ Ростовѣ Меря... и тѣмъ всѣмъ обладаше Рюрикъ" (*). Финское племя Меря обитало на лѣвой сторонѣ верхней Волги, за тѣмъ на берегахъ озеръ Неро и Клещино и вообще на всемъ пространствѣ отъ устьевъ рр. Мологи и Шексны приблизительно до р. Унжи. Восточная граница Мерянской области, начиная съ лѣсистой мѣстности Устюжскаго уѣзда, шла рѣками: Межею, Унжею, до впаденія послѣдней въ Волгу. На сѣверѣ граница Мерянской области, вѣроятно, шла рѣкою Сухоною чрезъ густые лѣса и болотистыя мѣстности Тотемскаго и Вологодскаго уѣздовъ до южной части Кубенскаго озера и верховьевъ р. Шексны. Восточная оконечность южной границы не опредѣляется никакимъ точнымъ рубежемъ, наравнѣ съ южною оконечностью восточной границы, потому что мерянскія поселенія встрѣчаются за Окою на Тешѣ; затѣмъ граница держится праваго берега Теши, Оки, Клязьмы, поворачиваетъ на югъ и идетъ по Муромскому и Судогодскому уѣздамъ до встрѣчи съ Окою, переходитъ Оку и только при поворотѣ Оки на сѣверъ держится этой рѣки и восточнаго берега рѣки Москвы до впаденія рѣки Нерской. Рѣка Нерская доказываетъ, что Меряне по теченію ея дошли до р. Москвы, а Москвою и Окою проникли въ Рязанскій и Пронскій уѣзды; даже въ Алексинскомъ уѣздѣ встрѣчается рѣка Нерская. Западная граница, начинаясь у впаденія р. Нерской или Мерской въ р. Москву, шла на сѣверъ по теченію р. Москвы по Коломен-

(*) Лаврент. лѣтоп., стр. 10 и подъ 858 г. и слѣд.

скому, Бронницкому, Богородскому и Клинскому уѣздамъ, поворачивая на западъ въ Зубцовскій уѣздъ, проходила восточною оконечностью Новоторжскаго уѣзда по р. Тверцѣ, затѣмъ шла къ Великому озеру въ Корчевскомъ уѣздѣ до верховьевъ рѣкъ Каменки и Сити, примыкая на западъ отъ р. Сити къ р. Мологѣ. Мерю окружали съ трехъ сторонъ единоплеменныя съ нею финскія народности: Мурома, Мордва, Черемисы и Весь. Съ одной только западной стороны граничили съ нею племена чуждой ей народности славянской: Славяне (новгородскіе), Кривичи, Вятичи. Къ границамъ трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы ранѣе всего направилась колонизація славянская.

Въ теченіе IX, X и XI вѣковъ славянская колонизація только еще стремилась занять верховье Волги, направляясь къ ней по ея притокамъ. Историки наши полагаютъ (*), что движеніе славянской колонизаціи на бассейнъ верхней Волги могло направляться двумя путями: съ Ю. З. изъ земли Вятичей по р. Окѣ и съ С. З. по р. Мстѣ на р. Тверцу, по р. Тихвинкѣ, по рр. [illegible] годощѣ и Мологѣ или чрезъ Бѣлоозеро и р. Шексну. Ес[illegible] примемъ въ расчетъ съ одной стороны замкнутость и ді[illegible] Вятичей, съ другой—дѣятельный, промышленный духъ [illegible] родцевъ, то станетъ очень вѣроятнымъ, что область ве[illegible] Волги и ея притоковъ заселилась преимущественно съ [illegible] предпріимчивые новгородскіе повольники должны были проло[illegible] пути движенія, а слѣдомъ за ними должна была пойти и [illegible] низація земледѣльческая, которая одна могла повести къ проч[illegible] занятію новыхъ земель.

Имѣя въ виду эту колонизацію, предполагаютъ даже, [illegible] имена финскихъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи Вар[illegible] вмѣстѣ съ Новгородцами и Кривичами, означаютъ не с[illegible] венно финновъ, а славянскихъ поселенцевъ среди того или др[illegible]

(*) Замысловскій. Историческій атласъ по Рус. исторіи, стр. 9.

финскаго племени. Это подтверждается славянскимъ происхожденіемъ названій, а стало быть и самыхъ городовъ: Бѣлоозера и Ростова (т. е города Роста, Ростъ—имя собственное), построенныхъ довольно далеко среди финскаго населенія. Въ Бѣлозерскій край велъ прямой водяный путь изъ Ладоги и изъ Новгорода. Утвердившись на Бѣломъ озерѣ, славянскіе поселенцы могли спуститься внизъ къ Волгѣ по р. Шекснѣ, далѣе внизъ по Волгѣ и, свернувъ въ р. Которость, въ ту пору болѣе многоводную и болѣе способную къ плаванію, достигли озера Неро, на берегу котораго и поставили г. Ростовъ, старшій городъ въ этой сторонѣ. Понынѣ въ окрестностяхъ Ростова встрѣчаются селенія и урочища съ древне-славянскими названіями (Рослово, Рославлево, Мирославка, Вышеславское, Уславцево, Переяславцево и др.). Это можетъ служить доказательствомъ того, что здѣсь находились и другія древнія славянскія поселенія. Западная граница мерянскаго народа не имѣла никакихъ естественныхъ преградъ и, по свойству, мѣстности оставалась открытою и удобною для вторженія въ самую средину мерянскихъ поселеній. Съ этой стороны втекали рр. Москва, Клязьма и Волга, изъ которыхъ двѣ послѣднія рѣки отличаются многочисленностію береговыхъ поселеній. Нѣтъ сомненія, то по этимъ именно рѣкамъ произошли и первыя вторженія славянскихъ племенъ и Варяговъ въ мерянскія земли. Смѣшеніе племенъ прежде всего должно было произойти въ пограничныхъ мѣстностяхъ; при чемъ постепенно сглаживались отличительныя черты ихъ родовыхъ обычаевъ. Здѣсь прежде всего исчезли своеобразныя особенности каждаго отдѣльнаго племени и появились первые слѣды слитія Мерянъ съ славянскими сосѣдями.

Такое пограничное смѣшеніе различныхъ народностей было первою ступенью къ скорѣйшему и ближайшему ославяненію всего Мерянскаго народа, которое, по свидѣтельству лѣтописей, началось почти въ доисторическія времена. Съ началомъ лѣтописи

начипается и тѣсная связь Мери съ славянскими племенами и соучастіе ея въ призывѣ Варяговъ.

Быстрое обрусѣніе Мерянъ фактически подтверждается курганными раскопками. Въ курганахъ, находящихся близь поселеній съ названіями чуждыми духу славянскаго языка, изслѣдователи находили слѣды обоихъ обрядовъ погребенія, т. е. сожиганія и простаго погребенія безъ сожженія. Между тѣмъ какъ въ могилахъ второй эпохи, находящихся близь поселеній съ славянскими названіями, слѣдовъ сожиганія тѣлъ уже не встрѣчается (*). Поэтому, намъ кажется, нѣтъ никакой нужды предполагать, что племя финское Меря будто переселилось куда-то въ другое мѣсто, какъ нѣкоторые думаютъ, что будто вмѣстѣ съ Уграми оно ушло въ Паннонію, въ IX в. Мы полагаемъ, что оно оставалось на своемъ мѣстѣ и ранѣе другихъ племенъ финскихъ или одновременно съ двумя одноплеменными народностями.—Весью и Муромою ославянилось. Мы уже раньше имѣли случай упомянуть, что славянская колонизація изъ новгородской области прежде всего, еще до призванія Варяговъ, направилась въ область трехъ финскихъ племенъ: Веси, Мери и Муромы, чему яснымъ подтвержденіемъ служатъ славянскія названія древнѣйшихъ городовъ и селеній въ въ этой области: Ростовъ, потомъ Суздаль (Суждаль) и др. вышеприведенныя названія. Быстрому ославяненію этихъ финскихъ племенъ могло способствовать и сходство въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ финновъ съ славянами: „и здѣсь и тамъ напр. выкупъ приданнаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ; также свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня, молодой называется княземъ или королемъ, вѣрятъ въ домовыхъ, русалокъ, приносились жертвы подъ деревьями. Такое сходство обычаевъ и вѣрованій съ осторожностью нужно приписывать заимствованію

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ“, стр. 11.

у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно (*). Нужно полагать, что славянская колонизація быстро шла не только по направленію отъ Волги къ Ростову, но и по теченію Волги къ землѣ Болгарской и въ XII вѣкѣ, въ области ославянившихся финновъ: Веси, Мери, частію Черемисовъ и Муромы образуется обширная область Ростовско-Суздальская. Бѣдная, непривлекавшая къ себѣ первыхъ князей Рюриковичей, область Ростова Великаго, изъ которой въ XII в. образовалось обширное и могущественное Владиміро-Суздальское княжество, постепенно распространялась: 1) на в. отъ устья р. Которости внизъ по р. Волгѣ и ея притокамъ къ устью р. Оки, 2) на югъ двумя путями: а) по р. Нерли, а отсюда на в. по р. Клязьмѣ къ ея устью; б) по р. Москвѣ, къ которой шелъ путь чрезъ Переяславль и Дмитровъ. Большая часть городовъ Суздальской земли, основаніе которыхъ относится преимущественно къ XII и къ началу XIII в., была расположена по рр. Волгѣ и Клязьмѣ, по главнымъ изгибамъ этихъ рѣкъ и при впаденіи большихъ притоковъ. Такъ по Волгѣ были города: Зубцовъ, Тверь, Углече поле, Ярославль (основанный еще въ XI в. Ярославомъ Мудрымъ), Кострома, Городецъ (нынѣ село на Волгѣ, Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда; упоминается въ лѣтописяхъ, еще въ XII в.), Нижній-Новгородъ (основанный при устьи Оки въ Волгу въ 1221 г. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ, въ землѣ Мордовской, по притокамъ Волги: Галичъ Мерскій, Унжа, Ростовъ и Нерехта; по Клязьмѣ: Владиміръ, Стародубъ и Гороховецъ. Въ княженіе Юрія Долгорукаго были основаны несомнѣнно города: Дмитровъ (1154 г.), Боголюбовъ (1155 г.), Юрьевъ Польскій 1152 г.). Еще упоминается въ лѣтописяхъ объ основаніи Юріемъ Долгорукимъ г. Константина (Ксиятинъ) 1134 г., при впаденіи большой Нерли въ Волгу. Юрій Долгорукій основалъ, по сказанію

(*) Исторія Соловьева, т. 1, примѣчаніе 125.

лѣтописца, и Москву, которая была пограничнымъ городомъ Суздальскаго княжества на пути съ юга. Въ тверской лѣтописи подъ 1156 г. говорится: „Юрій Володимеричъ заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше р. Аузы". Какъ селеніе Москва упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1147 г. Г. Бѣляевъ предполагаетъ, что гг. Стародубъ на Клязьмѣ, Городецъ и Галичъ Мерскій были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Въ самой возвышенной части города Галича, называемой Столбище, по словамъ г. Самарянова, (см. Списки населенныхъ мѣстъ Костромской губ. стр. LVI.), донынѣ сохранились остатки княжескихъ хоромъ, построенныхъ, предполагаютъ, въ XII в. и недалеко отъ нихъ видны слѣды вала. Впрочемъ, княжескія хоромы могли быть построены въ XII в. кѣмъ нибудь изъ князей, но городъ могъ существовать и раньше этого времени. Юріемъ Долгорукимъ былъ перенесенъ на новое мѣсто Переяславль Залѣсскій. О времени построенія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли, какъ мы видѣли, есть прямыя извѣстія въ лѣтописяхъ. О другихъ упоминается въ лѣтописяхъ по поводу какихъ нибудь событій подъ годами, нужно полагать, близкими къ времени ихъ основанія, напр. о Ярославлѣ упоминается въ лѣтописи въ 1071 г., по поводу возмущенія, произведеннаго здѣсь волхвами по случаю голода. О времени основанія другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли нѣтъ въ лѣтописяхъ ни прямыхъ указаній, ни даже упоминаній о нихъ въ ближайшее время ко времени ихъ основанія. Къ числу такихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, время основанія которыхъ въ точности остается неизвѣстнымъ, относится и Кострома. За неимѣніемъ прямыхъ и приблизительно точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ о времени основанія Костромы, приходится основывать мнѣніе объ этомъ на догадкахъ и аналогичныхъ предположеніяхъ.

Историкъ Соловьевъ, какъ извѣстно, предложилъ теорію о

такъ называемыхъ старыхъ и новыхъ городахъ. Затѣмъ въ русской исторической наукѣ существуетъ теорія о двоякой колонизаціи Руси: княжеско-военной и монастырской, т. е. о построеніи городовъ князьями, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ противъ враговъ и о возникновеніи заселенныхъ мѣстъ около монастырей, основанныхъ отшельниками и привлекшихъ къ себѣ торговое населеніе. Г. Соловьевъ говоритъ: (*) „одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьи Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ: города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: *такъ построена Кострома* при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи“. Итакъ Соловьевъ глухо говоритъ о построеніи Костромы во время стремленія сѣверныхъ князей распространить славянскую колонизацію внизъ по Волгѣ. Самымъ дѣятельнымъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли былъ Юрій Долгорукій. Но приписываетъ ли Соловьевъ построеніе Костромы этому князю, объ этомъ онъ умалчиваетъ, очевидно по недостатку лѣтописныхъ на то данныхъ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, есть прямыя извѣстія о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только слѣдующихъ городовъ: Дмитрова, Юрьева Польскаго, Кснятина (Константина) при устьи большой Нерли въ Волгу, Москвы,

(*) Исторія, I т., стр. 31.

Боголюбова, о перенесеніи Переяславля отъ Клещина на другое мѣсто и о заложеніи этого города больше прежняго. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (*), Г. Соловьевъ, перечисливъ города, упоминаемые въ XI в. и ранѣе, присовокупляетъ: нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ, нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ. Въ числѣ послѣднихъ г. Соловьевъ разумѣетъ, можетъ быть, и Кострому, упоминающуюся въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ началѣ XIII вѣка.

Обратимся къ другимъ историкамъ. Карамзинъ въ своей исторіи нигдѣ не высказываетъ даже и глухаго предположенія, подобно Соловьеву, о времени построенія тѣхъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, объ основаніи которыхъ лѣтописи не говорятъ. Онъ приписываетъ Юрію Долгорукому построеніе только тѣхъ городовъ, о которыхъ мы раньше упоминали, за исключеніемъ даже Константина или Ксонятина; такого города, по мнѣнію Карамзина, не было въ Ростовско-Суздальской землѣ, но въ лѣтописи есть прямое извѣстіе о построеніи его Юріемъ Долгорукимъ 1134 г. (Никоновская лѣтопись). Татищевъ въ своей Россійской исторіи, въ кн. III, на стр. 76, говоритъ о Юріи Долгорукомъ: „и зачалъ Юрій строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюда, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли". Была ли, въ числѣ этихъ многихъ городовъ, построена Кострома, ясно не говоритъ здѣсь Татищевъ. Итакъ въ нашихъ полныхъ исторіяхъ нѣтъ не только прямыхъ свѣдѣній, но даже въ нѣкоторыхъ не приводится и предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ о началѣ построенія г. Костромы, по неимѣнію на то достаточныхъ лѣтописныхъ основаній. Но вопросъ остается все таки интересный:

(*) I т., стр. 257.

когда возникъ г. Кострома? Для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія его, мы должны опять возвратиться къ древнѣйшему періоду русской исторіи.

Графъ Уваровъ въ своемъ изслѣдованіи о бытѣ Мерянъ по курганнымъ раскопкамъ (Москва, 1872 г.), откуда мы взяли приведенныя раньше свѣдѣнія о Мерянахъ, говоритъ, что „*Городища*, находящіяся вблизи мерянскихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т. е. Мерянъ. Найденные въ городищахъ желѣзные предметы неоспоримо пріурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ. Впрочемъ, присовокупляетъ графъ Уваровъ, мы не считаемъ обычай насыпать городища обыкновеніемъ, исключительно принадлежащимъ Мерянамъ или вообще финскимъ племенамъ; мы думаемъ, что обычай воздвигать городища былъ такимъ же общенароднымъ обычаемъ у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. Городища находятся большею частію возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потомъ самое наименованіе: „городище“ перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи“ (*).

Далѣе, говоритъ гр. Уваровъ: „мы полагаемъ, что городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее возвышенное мѣсто посрединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. *Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами* какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Переяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье Трубежа, Суздаль тоже вѣрно находился прежде у сельца, или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка.

(*) Стр. 47.

Замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами; но какого они были рода: были ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Раскапывая городища, мы находили только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси, или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были ли то Варяги, Славяне или обрусѣвшіе Финны (Меря, Мурома, Весь и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Доста разсказываетъ, что холодъ въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни до высшей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны (*). Городищъ разбросано много въ области, занятой въ старину Мерянами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, также называемыхъ Городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпи. Пять селеній съ такими насыпями и названіями представляютъ цѣпь по берегамъ Волги въ Калязинскомъ уѣздѣ (Тверской губ.), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ. Но костромскія и нижегородскія городища не изслѣдованы или мало извѣстно о нихъ,—говоритъ графъ Уваровъ.

Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу

(*) Изслѣдованіе гр. Уварова, стр. 95.

Волги, на возвышенномъ холмѣ расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанныя съ нею, узнать не найдено ли здѣсь какихъ нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгломъ осмотрѣ мѣста, можно замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного старожила этого сельца, что когда онъ рылъ подъ горой, по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой то *срубъ въ родѣ погреба*, находилъ черепки (остатки посуды), каменья и наконецъ, когда распахивалъ поле по юговосточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противоположной имѣютъ какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ всадникъ—Георгій Побѣдоносецъ. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ явственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранились остатки какъ будто имени князя Юрія Даниловича и на другой царя Озбяка (ханъ Узбекъ, нач. XIV в.). Любопытно бы было видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись; онѣ по его словамъ, были размѣромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близь нынѣшняго сельца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людомъ. Находка же здѣсь въ землѣ сруба въ родѣ погреба (*) и череп-

(*) Конечно подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ это было древнѣйшее сооруженіе, но

ковъ, на основаніи сказанія арабскаго писателя Ибнъ-Досты, приведеннаго нами изъ изслѣдованія гр. Уварова о мерянахъ, даетъ основаніе предполагать, что это Городище такое же было, можетъ быть, мерянское, о какихъ говоритъ и графъ Уваровъ. Предположеніе о тождествѣ этого селенія съ упоминаемыми граф. Уваровымъ подкрѣпляется и самымъ теперешнимъ названіемъ его „Городище". Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городище, такъ напр.,—что будто городъ назначался здѣсь первоначально, т. е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагалъ основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно находившагося здѣсь, что церковь нынѣшняго сельца Городища очень древняя, хотя записей, къ какому времени восходитъ ея древность, не имѣется. Въ городищенской церкви на одномъ церковномъ старомъ блюдѣ мы видѣли надпись: „сіе блюдо города Костромы церкви св. Иліи, что на городищѣ". Между тѣмъ городищенская церковь не причисляется къ городскимъ церквамъ. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и бѣгломъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ сельцомъ Городище противъ г. Костромы, по сходству нѣкоторыхъ изъ нихъ съ тѣми, о которыхъ упоминаетъ гр. Уваровъ, даютъ поводъ думать, что прежде основанія города Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ, въ древности былъ городокъ, можетъ быть мерянскій, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ сельцомъ Городище. Эта мѣстность, вѣроятно, оставалась населенною и торговымъ народомъ продолжительное время и селеніе сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее свое мѣсто. Иначе, какъ объ-

---

въ виду того, что оно очень подходитъ къ описываемымъ Ибнъ-Достою постройкамъ, требуетъ изслѣдованія.

яснить присутствіе въ землѣ близь сельца Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему мнѣнію, возвышенная мѣстность, занятая сельцомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы.

Изслѣдованія археологовъ свидѣтельствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности въ большей ея части мерянами. Г. Журавлевъ въ Ярославской губерніи насчитываетъ 12 городковъ и при этомъ замѣчаетъ, что ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину верстъ на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Г. Журавлевъ полагаетъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ (*). Во Владимірской губерніи также много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „По нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ; подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей.“ Болѣе ясное упоминаніе о существованіи городовъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверозападной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ 854 г.: „всташа же Новгородци и Кривичи и *Меря* и Чюдь на Варяги, и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ *и городы ставити* и бысть межю ими рать, *градъ на градъ* и не бяше правды.“ У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша *городы ставити*“, но выраженіе „*градъ на градъ*“ замѣняется другимъ: „*родъ на родъ*“, такъ какъ первоначально эти племена жили отдѣльными родами, что не могло препятствовать

(*) Плещеево и Неро.

имъ ставить и города, тѣмъ болѣе, что, по изслѣдованіямъ, родомъ была община.

Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи города. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи о мерянахъ предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ ней губерніяхъ донынѣ въ народѣ употребителенъ языкъ, непохожій на славянскій или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ, подъ названіемъ въ Нерехтѣ элтонскаго (отъ слова «элтышъ»-безмѣнъ, языкъ безмѣнниковъ). Этому языку одолжены названія здѣшнихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга—городъ. Съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго *масъ*—красивый, образуется названіе города Костромы—красивый городъ.

Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города „Кострома" изъ двухъ словъ: одного изъ языка такъ называемаго теперь элтонскаго, другаго мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ, принадлежащихъ двумъ отдѣльнымъ народностямъ. Обратимся лучше къ древне-русской миѳологіи.

Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соотвѣтствовавшее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ *похоронъ Костромы, Лады, Ярилы*. По всему вѣроятію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ игрищамъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами,

клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ. Тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы.

Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: прутъ, розгу и ростущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи Костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ новый годъ (*). О. Ѳ. Миллеръ въ христоматіи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности говоритъ (**): «Кострубонькой въ Малороссіи назывался Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчіи Кострубъ значитъ Нечесъ, Кудлай, что заставляетъ предполагать, что Веснякъ изображался кудрявымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Ко-

---

(*) Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 3, стр. 726.

(**) Стр. 6.

стромы.—Хотя графъ Уваровъ и говоритъ (*) въ изслѣдованіи о бытѣ Мерянъ, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костромино—деревня въ Александровскомъ уѣздѣ, недалеко отъ р. Дубны, Костромиха—Суздальскаго уѣзда по р. Нерли и Кострочиха въ Городецкомъ (Гороховецкомъ?) уѣздѣ и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Меря) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣже имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто изъ лѣтописи по Ипатіевскому списку, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище *Коструга*: «онѣмъ же (Литвѣ) притекшимъ супротивъ *Кострузѣ*, сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратишася». Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубоньки или Костромы—божества весны были распространены какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ (**). Упоминаемыя гр. Уваровымъ поселенія во Владимірской губерніи съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же купанія дѣвушки, изображавшей Кострому или потопленія и сожженія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или при рѣкахъ. На этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами ранѣе, Костромою или именемъ одного съ нею

(*) Стр. 12.

(**) Мы уже раньше говорили, что въ Саратовской губерніи Костромою называется куча соломы, сожигаемая на новый годъ.

корня славянское въ честь именно этого языческаго божества весны или Весняка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія русскаго государства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краю совершались въ старину празднованія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Купалы, Ярилы, Костромы, яснымъ подтвержденіемъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранявшіеся долгое время спустя послѣ принятія христіанства языческіе праздники и обряды. Народъ чтилъ боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ, русалокъ. Въ честь каждаго изъ этихъ миѳическихъ существъ учреждены были праздники, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 г. былъ уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представлялъ избранный міромъ человѣкъ, котораго, передъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали разными цвѣтами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по городу. Въ Костромѣ и до сихъ поръ всѣхсвятское заговѣнье и праздникъ извѣстны подъ названіемъ—Яриловки. Въ Галицкомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ по преданію стоялъ идолъ Ярилы, праздновать и гулять. Гулянье въ честь Ярилы или на Ярилину бываетъ въ Кинешмѣ—въ рощѣ по р. Кинешемкѣ, близь Нерехты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехотскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Купалы (отъ корня куп, кип, отсюда кипѣть, олицетвореніе лѣтняго жара), около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 іюня городскіе жители гулять на берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ дру-

га водою и купаньемъ въ озерѣ (*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественныя, то сродныя, олицетворявшія однѣ и тѣже живительныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ здѣшнемъ краю и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы" получилъ названіе и самый городъ, жителями котораго этотъ обрядъ совершался.

Принимая въ соображеніе мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что Новгородцы, Кривичи, Чюдь, Меря по изгнаніи Варяговъ 854 г., начали ставить *городы* и управляться сами, но всталъ *градъ на градъ*, мы приходимъ къ тому выводу, что городокъ, получившій названіе Костромы, который существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если мерянами, то въ пору слiянія этого племени съ славянскимъ, или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мнѣнія и г. Журавлевъ о городищахъ Ярославской губерніи. Онъ относитъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ сліянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, извѣстнаго подъ именемъ Дѣева Городища, служитъ какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣпи городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, по обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же еще лѣвый берегъ могъ

(*) Крживоблоцкій. Матер. для геогр. и статистики Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

быть затопляемъ и впадающею въ Волгу р. Костромою. Итакъ о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первоначально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища на правомъ берегу Волги, въ пору начавшагося сліянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ—Костромы. Приблизительно время возникновенія этого городка можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка.

Переходимъ къ дальнѣйшей исторіи г. Костромы. Къ какому времени слѣдуетъ относить основаніе г. Костромы на лѣвомъ берегу Волги и кого слѣдуетъ считать основателемъ нынѣшняго города Костромы? На эти два вопроса нѣтъ положительныхъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ. Есть предположенія изслѣдователей объ основаніи Костромы въ XII в. Юріемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній не только объ основаніи Костромы въ XII в., но даже вообще нѣтъ упоминаній о Костромѣ при изложеніи событій XII в. О нѣкоторыхъ городахъ Ростовско-Суздальской земли если не объ основаніи ихъ, то по крайней мѣрѣ есть упоминанія о нихъ въ XII в., напр. о Городцѣ Радиловѣ (нынѣ село Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда): «бывшю же князю Мстиславу на Городьци, совокупльшуся со братома своима на усть Оки и ждаша дружины двѣ недѣли» (Лавр. лѣтоп., 1172 г.). Кстати здѣсь скажемъ: нѣкоторые предполагаютъ, что при устьи Оки, гдѣ нынѣ Нижній Новгородъ, былъ въ старину городокъ мордовскій. На это какъ будто немного наводитъ и настоящее лѣтописное сказаніе, что князь Мстиславъ съ братьями здѣсь ждалъ дружины двѣ недѣли. Въ лѣтописяхъ въ XII в. упоминаются и выше по Волгѣ города, напр. Углече Поле, о началѣ которыхъ тоже неизвѣстно опредѣленно. О Костромѣ же нѣтъ даже и упоминаній въ лѣтописяхъ до начала XIII в. Чѣмъ же объяснить такое упорное молчаніе лѣтописцевъ о Костромѣ? Не наводитъ ли это умалчиваніе

лѣтописцевъ о Костромѣ въ теченіи XII в. на вопросъ: была ли Кострома въ это время? Лѣтописцы не преминули сказать ясно о перенесеніи Юріемъ Долгорукимъ Переяславля Залѣсскаго отъ Клещина на другое мѣсто, объ основаніи имъ городовъ: Константина (Ксятинъ при устьи большой Нерли въ Волгу), Дмитрова на р. Яхромѣ, Юрьева Польскаго, Боголюбова, Москвы. По этому едвали бы они оставили безъ упоминанія такой важный фактъ, какъ основаніе Юр. Долгорукимъ городовъ: Костромы, Галича. На основаніи, такъ сказать, отрицательномъ, т. е. на основаніи молчанія лѣтописцевъ о построеніи этихъ городовъ Юріемъ, мы вправѣ заключить, что города эти не были основаны Юріемъ Долгорукимъ. Они, по нашему мнѣнію, существовали еще раньше Юрія Долгорукаго, равно какъ и Городецъ на Волгѣ и нѣкоторые другіе города выше по Волгѣ. Юрій Долгорукій могъ только возобновить ихъ, распространить и увеличить ихъ народонаселеніе. Галичу же могъ дать настоящее его названіе, перенеся послѣднее на этотъ городъ съ Галича южнаго. Предположеніе о томъ, что Кострома и Галичъ существовали въ XII в., въ видѣ городковъ, подкрѣпляется такимъ соображеніемъ: трудно предположить, чтобы такое большое разстояніе, какъ между Ярославлемъ и Городцомъ, не имѣло еще какихъ нибудь городовъ, особенно на такихъ важныхъ пунктахъ для сношеній, каковы: соединеніе р. Костромы съ Волгой и верховье р. Костромы, соединяющей сѣверовосточный уголъ Ростовско-Суздальской земли съ Волгой. Затѣмъ, такъ какъ въ самомъ началѣ XIII в. о Костромѣ уже упоминается въ лѣтописяхъ, то можно полагать, что она и въ XII в. уже существовала, но какъ старинный городокъ, можетъ быть только болѣе устроенный Юріемъ Долгорукимъ, но не основанный имъ и не перенесенный еще на лѣвый берегъ Волги, иначе объ этомъ непремѣнно упомянули бы лѣтописцы подобно тому, какъ о другихъ городахъ, ранѣе нами перечисленныхъ. Присоединимъ еще соображеніе. Въ XII в. лѣтописцы при разсказѣ о событіяхъ упоминаютъ чаще о городахъ приволжскихъ

верхнихъ, кончая Ярославлемъ. Это объясняется тѣмъ, что напр. во время походовъ изъ Новгорода въ Ростовско-Суздальскую землю князья доходили только до Ярославля или даже выше его сворачивали съ Волги въ Ростовско-Суздальскую землю, такъ что мѣстность, занимаемая Костромою и Галичемъ, оставалась въ сторонѣ отъ этихъ движеній и лѣтописцы потому не имѣли случаевъ упомянуть объ этихъ городахъ. О Городцѣ въ XII в. упоминается по случаю остановки здѣсь кн. суздальскаго во время похода его на Болгаръ и второй разъ по случаю кончины здѣсь кн. Михаила владимiро-суздальскаго. Пространство же между Ярославлемъ и Городцемъ оставалось внѣ района этихъ историческихъ событій. Потому и въ лѣтописяхъ нѣтъ упоминаній о находившихся здѣсь, по всему вѣроятію, городахъ и въ XII в. И такъ мы допускаемъ только фактъ существованія Костромы и Галича при Юріи Долгорукомъ, но какъ городовъ, вѣроятно, незначительныхъ въ Ростовско-Суздальской землѣ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ они были основаны, по всему вѣроятію, въ начальный періодъ колонизаціи мерянской области славянами изъ Новгорода. Только уже въ началѣ XIII вѣка въ лѣтописяхъ являются извѣстія о Костромѣ съ 1213 года (*). Съ этого года и начинается уже вполнѣ достовѣрная исторія Костромы по лѣтописнымъ сказаніямъ. Но лѣтописныя сказанія, касающіяся начальной исторіи Костромы, требуютъ объясненій тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ нами очеркахъ исторіи Костромы они или остаются безъ поясненій или неправильно толкуются и приводятся съ хронологическими невѣрностями. Въ очеркѣ Крживоблоцкаго, а затѣмъ и въ Памятной книжкѣ Костромской губерніи на 1862 г. говорится, что будто Карамзинъ упоминаетъ о Костромѣ и Галичѣ во времена владимірскаго великаго Князя Всеволода Георгіевича (сынъ Юрія Долгорукаго)

(*) Въ очеркахъ исторіи Костромы неправильно показанъ годъ перваго упоминанія въ лѣтописяхъ о Костромѣ—1214.

1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ въ исторіи этого не упоминаетъ и не могъ упоминать, не имѣя на то основаній въ лѣтописяхъ. Онъ согласно съ сказаніями лѣтописей говоритъ только, что 1212 г. Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новгорода, назначилъ ему въ удѣлъ Ростовъ *съ пятью городами*. Г. Крживоблоцкій и Памятная книжка толкуютъ, что въ числѣ пяти городовъ Константинъ получилъ Кострому и Галичъ. На какомъ основаніи, въ числѣ полученныхъ Константиномъ къ Ростову пяти городовъ, въ очеркахъ разумѣются Кострома и Галичъ, неизвѣстно. По нашему мнѣнію, Константину Всеволодовичу къ Ростову были приданы отцемъ пять городовъ такихъ, въ числѣ которыхъ Костромы и Галича не было. Иначе отъ сбивчиваго толкованія лѣтописнаго сказанія, гдѣ вообще говорится о пяти городахъ, приданныхъ Константину къ Ростову, безъ перечисленія ихъ, произойдетъ сбивчивость и противорѣчіе въ дальнѣйшей исторіи Костромы, что и замѣчается въ очеркахъ. Мы полагаемъ, что Константину отецъ его Всеволодъ придалъ къ Ростову города, находившіеся въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли и съ этого времени начинается раздѣленіе ея на двѣ половины: юго-восточную и сѣверо-западную. Константину къ Ростову были приданы, нужно думать, слѣдующіе пять городовъ: Ярославль, Бѣлозерскъ, Углече Поле, Кснятинъ (Константинъ) и городокъ на Мологѣ или еще какой—нибудь изъ приволжскихъ городовъ, о существованіи которыхъ мы узнаемъ изъ Тверской лѣтописи подъ 1149 г. Вотъ что здѣсь повѣствуется: «пойде князь великій Изяславъ на своего дядю Юрія Володимерича Долгорукаго къ Суждалю и Ростову за Новгородскую обиду, съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоляны и Новгородцы и Псковичи и Корѣляне, и совокупишася на Волгѣ на устьи Медвѣдици... И поидоша къ Снятину (Кснятинъ, Константинъ) и къ Углечю Полю и къ Молозѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ даже и до Ярославля по Волгѣ и взяша шесть городовъ и воюючи и жгучи.»

Итакъ отъ Кснятина до Ярославля включительно было взято по Волгѣ шесть городовъ, хотя перечислено только четыре. Изъ этихъ шести, съ присоединеніемъ еще Бѣлозерска, пять и были приданы Константину къ Ростову несомнѣнно. Кострома же и Галичъ оставались *во власти Всеволода* князя владимірскаго. Мы полагаемъ, что Кострома приходилась на границѣ или близь границы волости владимірскаго князя съ волостью ростовскою Константина, данной ему отцомъ въ удѣлъ. Съ установкой такого взгляда на дѣленіе Ростовско-Суздальской земли становится понятною и дальнѣйшая исторія Костромы и Галича. Всеволодъ Юрьевичъ, какъ мы сказали, раздѣлилъ обширную волость свою, выдѣливъ изъ нея на сѣверо-западѣ значительный удѣлъ Ростовъ съ пятью городами старшему сыну своему Константину. Предъ смертью Всеволодъ послалъ за послѣднимъ въ Ростовъ, назначая ему по своей смерти Владиміръ, а Ростовъ Юрію. Константинъ же не поѣхалъ во Владиміръ, желая взять Владиміръ къ Ростову. Отецъ вторично зоветъ Константина, но тотъ не поѣхалъ къ нему и на этотъ разъ, настаивая на своемъ желаніи получить Владиміръ къ Ростову. Князь Великій Всеволодъ созвалъ всѣхъ бояръ своихъ *съ городовъ* и *съ волостей*, духовныхъ и купцовъ и дворянъ и всякихъ людей и далъ сыну своему Юрію Владиміръ и всѣхъ заставилъ цѣловать крестъ ему и приказалъ ему всѣхъ братьевъ его, по выраженію лѣтописца. Константинъ, продолжаетъ лѣтописецъ, слышавъ то, воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братію свою, паче же на Георгія. По смерти Всеволода начинается усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ изъ за великаго княженія. Первый походъ Юрія къ Ростову противъ Константина, начавшаго искать подъ нимъ великаго княженія, кончился примиреніемъ между братьями. Но въ 1213 г. Константинъ началъ опять замышлять рать противъ Юрія и братьевъ его. Юрій Всеволодовичъ вмѣстѣ съ братьями: Ярославомъ, Святославомъ, Іоанномъ и Давыдомъ Муромскимъ пошелъ на Константина къ Ростову. Кон-

стантинъ же, услышавъ о походѣ сильной рати противъ него, *послалъ полкъ свой на Кострому*. Кострома была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца, а жители были взяты въ плѣнъ. Вотъ первое упоминаніе лѣтописей о Костромѣ и то не во всѣхъ спискахъ; въ большей части списковъ о походѣ на Кострому не упоминается. Сказаніе же объ этомъ находится въ Воскресенской и Тверской лѣтописяхъ и еще въ нѣкоторыхъ. Тѣмъ не менѣе сказаніе весьма правдоподобное. Если мы вникнемъ въ смыслъ его, то оно послужитъ намъ къ лучшему уясненію начальной исторіи Костромы. Изъ хода изложенныхъ событій какъ нельзя болѣе ясно видно, что Кострома принадлежала не къ волости Константина Ростовскаго, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, а къ волости Юрія Владимірскаго. Иначе какая была бы цѣль Константину жечь свой городъ и въ плѣнъ уводить его жителей? (*) Но цѣль похода на Кострому была та, что, такъ какъ Кострома, по нашему заключенію, была пограничнымъ городкомъ между волостями Юрія и Константина, то Константину нужно было истребить ее и жителей ея увести въ плѣнъ не по одной только злобѣ на брата, но чтобы, въ случаѣ неуспѣха въ въ войнѣ съ Юріемъ и его союзниками братьями, очистить себѣ свободный путь для вторженія въ Владиміро-Суздальскую волость и идти къ Владиміру. Усобица между братьями Константиномъ и Юріемъ кончилась, какъ извѣстно, пораженіемъ рати Юрія на р. Липицѣ 1216 г. Константинъ сѣлъ на великое княженіе владимірское, а Юрій ушелъ въ Городецъ на Волгѣ. Чрезъ нѣсколько времени Константинъ утѣшилъ своего брата и далъ ему Суздаль. Дѣтямъ же своимъ старшимъ онъ отдалъ: Васильку (Василію) Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль. Младшій сынъ его Владиміръ, при крещеніи названный Димитріемъ, получилъ въ удѣлъ

(*) Г. Крживоблоцкій и Памятная книжка, дабы избѣжать противорѣчія, даютъ объясненіе этому такое, что Кострома осталась вѣрна Юрію. Гораздо проще дѣло объясняется тѣмъ, что она принадлежала къ волости Юрія.

Угличъ. Здѣсь очевидно намѣреніе Константина раздѣлить между своими сыновьями ту волость, которую ему далъ отецъ и которою онъ по лишеніи его великокняжескаго стола, долженъ былъ владѣть по волѣ отца. Въ очеркахъ исторіи Костромы здѣсь допущена крупная неправильность. Во первыхъ говорится, что будто Константинъ старшему сыну Василію отдалъ Ростовъ и Кострому. Въ лѣтописяхъ же говорится объ одномъ только Ростовѣ. Костромы уже ни въ какомъ случаѣ Константинъ не могъ отдать Василію потому во 1-хъ, что она, какъ мы ясно доказали, не принадлежала къ Ростовской волости; во 2-хъ и потому, что ея въ это время еще вѣроятно не существовало въ видѣ города, потому что не за долго предъ тѣмъ она была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца. Можетъ быть она только начинала теперь вновь строиться, когда жители только что успѣли возвратиться изъ плѣна ростовскаго. Вторая крупная неправильность въ очеркахъ та, что будто Константинъ младшему сыну Дмитрію далъ въ удѣлъ *Галичъ*. Неправильно это потому во 1-хъ, что Галичъ, какъ и Кострома, принадлежалъ къ Владиміро-Суздальской волости и, во 2-хъ, неправильность этого ясно изобличается лѣтописнымъ сказаніемъ; изъ лѣтописи извѣстно, что Димитрій Константиновичъ, какъ и другіе князья, имѣлъ два имени: „1214 г. родися сынъ Константину Володимерь, а въ святомъ крещеніи нарекоша имя ему Димитрій“ (*). Далѣе въ лѣтописяхъ ясно говорится, что онъ былъ князь не Галицкій, а *Углецкій* (**): „1249 г. представися Володимерь Константиновичъ *Углецкій*“. Затѣмъ есть болѣе позднія извѣстія о смерти сыновей Владиміра: Андрея 1261 г., Романа 1285 г. *въ Угличѣ же*. Ясно, что удѣломъ Димитрія и его потомковъ былъ *Угличъ*, а не *Галичъ*. Галичъ, равно какъ и Кострома, въ пору княженія Димитрія Константиновича еще не имѣли князей. Они были

(*) Лавр. спис., стр. 416.
(**) Тамъ же, стр. 419.

только городами, принадлежавшими искони къ Владиміро-Суздальской волости и не переходили никогда во владѣніе ростовскихъ князей.

Вскорѣ послѣ изложенныхъ событій наступило тяжелое время для Руси—нашествіе Батыя съ татарскими полчищами. Стольный городъ владимірскаго княженія—Владиміръ былъ опустошенъ татарами. Татары потомъ разсѣялись по Суздальской и Ростовской землѣ; одни пошли на великаго князя Юрія, стоявшаго съ своимъ и другихъ князей ополченіями на р. Сити, впадающей въ Мологу, другіе пошли къ Ростову, иные къ Ярославлю, а иные на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до Галича Мерскаго, по свидѣтельству лѣтописи Воскресенской. Въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской четвертой лѣтописи подъ 1237 г. говорится: «и тѣ поплѣнили все по Волгѣ и до *Галича Володимерскаго*». Въ Тверской лѣтописи сказано: «иные за великимъ княземъ погнались на Ярославль и на Городецъ и по Волгѣ всѣ грады поплѣнили и до Галича Мерскаго». Затѣмъ перечисляются нѣкоторые города въ Ростовско-Суздальской землѣ, опустошенные татарами. Не трудно замѣтить, что ни въ одномъ спискѣ лѣтописей въ разсказѣ объ этомъ страшномъ времени на Руси не упомянута Кострома. И въ дальнѣйшемъ перечисленіи городовъ Ростовско-Суздальской земли, опустошенныхъ татарами, Кострома не упоминается. Чѣмъ же это объяснить? Мы думаемъ тѣмъ, что Кострома не имѣла въ то время, такого значенія, какое имѣли упомянутые лѣтописцемъ города, разрушенные татарами. Она еще, вѣроятно, не успѣла и выстроиться вновь *въ прежнемъ видѣ* послѣ пожара 1213 г., истребившаго ее всю до тла. Вотъ почему лѣтописецъ тверской лѣтописи, не переименовывая такихъ незначительныхъ городовъ по Волгѣ, взятыхъ татарами, говоритъ вообще о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады поплѣниша и до Галича Мерскаго". Изъ умалчиванія лѣтописцемъ о Костромѣ мы опять можемъ заключить, что это не былъ городъ изъ числа основанныхъ Юріемъ Долгорукимъ; города, основанные этимъ княземъ и

имѣвшіе значеніе уже немалое въ Суздальской землѣ, какъ-то: Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ и Москва упомянуты лѣтописцами. Галичъ упоминается потому, что онъ былъ, вѣроятно, крайнимъ пунктомъ района, опустошеннаго татарами. Любопытно сказаніе лѣтописи по академическому списку и въ Новгородской четвертой лѣтописи, гдѣ говорится: „татары поплѣнили все по Волгѣ до Галича *Володимерскаго*", тогда какъ въ другихъ спискахъ говорится: до Галича Мерскаго. Мы думаемъ, что въ академическомъ спискѣ и въ Новгородской лѣтописи нѣтъ въ этомъ случаѣ ошибки. Напротивъ, сказанія этихъ списковъ лѣтописей точнѣе опредѣляютъ отношеніе Галича къ Владиміру, т. е. опредѣляютъ несомнѣнную принадлежность Галича къ волости владимірскихъ князей, а не ростовскихъ, какъ неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Допустивъ въ началѣ неправильность въ повѣствованіи о раздѣлѣ волостей Константиномъ между сыновьями, очерки исторіи Костромы повторяютъ ее и далѣе, говоря, что въ битвѣ съ татарами на р. Сити съ Георгіемъ участвовалъ и Василій Константиновичъ *князь Костромскій*, который былъ взятъ въ плѣнъ татарами, замученъ и брошенъ въ Шернскомъ лѣсу, какъ извѣстно. Такого *Костромскаго* князя не было и Кострома, какъ мы уже раньше упоминали, тогда еще не имѣла князей. Василій Константиновичъ, по сказанію лѣтописей, получивъ отъ отца Ростовъ, участвовалъ въ битвѣ на Сити только въ качествѣ князя Ростовскаго, даже и не Ярославскаго, такъ какъ Ярославль отданъ былъ брату его Всеволоду. Итакъ вопросъ о постоянной принадлежности Костромы къ волости владимірскихъ князей, кажется, нужно теперь считать рѣшеннымъ.

Теперь возникаетъ другой вопросъ: какой городъ Кострома былъ сожженъ Константиномъ Всеволодовичемъ и взятъ татарами: на правомъ или на лѣвомъ берегу Волги? Съ этимъ связывается другой вопросъ: когда и кѣмъ перенесенъ г. Кострома на лѣвый берегъ Волги? Мы раньше уже говорили, что этого факта при-

писывать Юрію Долгорукому не приходится потому, что объ этомъ молчатъ лѣтописцы, хотя бы ожидать извѣстія объ этомъ въ лѣтописяхъ мы должны были по аналогическимъ свидѣтельствамъ ихъ о другихъ городахъ, основанныхъ или перенесенныхъ на новое мѣсто Юріемъ Долгорукимъ. Мы полагаемъ, что Константиномъ ростовскимъ была сожжена и потомъ татарами взята не нынѣшняя Кострома, а старая, находившаяся на мѣстѣ древняго городка, гдѣ нынѣ сельцо Городище. Можетъ показаться смѣлымъ такое наше заключеніе, но мы постараемся подтвердить его нѣкоторыми данными.

Послѣ разгрома Батыя на велико-княжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ братъ Юрія Всеволодовича Ярославъ Всеволодовичъ. Что мы знаемъ о дѣятельности этого князя? Лѣтописецъ такъ повѣствуетъ о немъ: «Ярославъ, сынъ В. К. Всеволода Юрьевича, пришедъ.... сѣде на столѣ въ Володимери и *обнови землю суздальскую* и церкви очисти отъ трупія мертвыхъ и кости ихъ сохранивъ и пришельци утѣши и люди многа собра и бысть радость велика христіаномъ(*). Въ чемъ же состояло обновленіе земли Суздальской Ярославомъ? Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи читаемъ (**) „Ярославъ Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи пріиде съ дѣтьми своими (на Владимірское княженіе) и нача грады, раззоренные отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, *а напередъ того въ томъ мѣстѣ градъ не былъ*, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттолѣ наста великое княженіе Тверское“. Такое повѣствованіе лѣтописецъ дѣлаетъ предъ исчисленіемъ порядка тверскихъ князей. Поэтому, ему нужно было сказать о началѣ Тверскаго княженія и онъ даетъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, рав-

---

(*) Воскр. лѣтоп. подъ 1238 г., стр. 143.

(**) Стр. 245.

но какъ и объ основанiи Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ батыева раззоренiя г. Твери на новомъ мѣстѣ, на правомъ берегу Волги, гдѣ города прежде не было. Извѣстно, что древняя Тверь до нашествiя татаръ была на лѣвомъ берегу Волги, при впаденiи въ нее р. Тверцы. Совершенно тоже могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромою, которую онъ отдалъ самому меньшему изъ девяти своихъ сыновей Василiю. Всѣ старшiе сыновья Ярослава уже получили удѣлы и изъ нихъ *четвертый* Константинъ Ярославичъ *получилъ Галичъ*. Онъ и былъ *первымъ* Галицкимъ *княземъ*. По крайней мѣрѣ онъ первый изъ князей въ лѣтописяхъ именуется Галицкимъ. Для родившагося у Ярослава еще сына Василiя нуженъ былъ удѣлъ и вотъ Ярославъ Всеволодовичъ, какъ можно думать, устраиваетъ городъ Кострому, какъ нѣсколько раньше устроилъ Тверь для Ярослава Ярославича. Кострома послѣ погрома батыева второй разъ была въ развалинахъ. Ярославъ Всеволодовичъ могъ поступить такъ же, какъ и съ Тверью, т. е. назначивъ для Костромы болѣе удобное для рѣчныхъ сношенiй съ другими городами мѣсто на лѣвомъ берегу Волги, при впаденiи въ нее р. Костромы, устроилъ здѣсь городъ; строитъ здѣсь церковь соборную во имя Өеодора Стратилата и назначаетъ сюда княземъ меньшаго своего сына (Мизиннаго) Василiя, который первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Костромскимъ, и съ этого времени начинается княженiе Костромское, какъ нѣсколько раньше получило начало княженiе Тверское съ Ярослава Ярославича, который также первый изъ князей въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться Тверскимъ. Вотъ по нашему мнѣнiю аналогичный фактъ, дающiй основанiе думать, что какъ Тверь, такъ и Кострома на настоящемъ своемъ мѣстѣ основана послѣ разгрома батыева Ярославомъ Всеволодовичемъ, обновителемъ суздальской земли, этимъ княземъ Камилломъ въ сѣверо-восточной Руси. Опять могутъ сказать намъ, что мы дѣлаемъ слишкомъ смѣлое заключенiе на основанiи только аналогiи.

Но мы сейчасъ подтвердимъ наше заключенiе и очевиднымъ фактомъ. Мы упомянули о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ могъ построить древнѣйшую церковь въ Костромѣ во имя Θеодора Стратилата, хотя въ лѣтописяхъ объ этомъ нѣтъ извѣстiя. Почему же мы думаемъ, что Ярославъ Всеволодовичъ былъ строителемъ древнѣйшей церкви въ Костромѣ? Обратимъ вниманiе на то, почему древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ была во имя Θеодора Стратилата? Мы знаемъ изъ исторiи, что какъ князья, такъ позднѣе и цари русскiе, церкви, особенно первые при устроенiи городовъ, часто строили въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили. Такъ Юрiй Долгорукiй въ 1152 году во Владимiрѣ построилъ церковь во имя св. Георгiя, Михаилъ Александровичъ кн. тверской строилъ церкви въ честь Архангела Михаила; изъ новой русской исторiи мы имѣемъ примѣръ, что въ крѣпости, заложенной на о-вѣ Люстъ Эйландѣ Петромъ Великимъ, сооружена была церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла. Также могъ поступить и Ярославъ Всеволодовичъ. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что кн. Ярославъ при крещенiи получилъ имя Θеодора. Ярославомъ же онъ былъ прозванъ послѣ. Лѣтописецъ такъ повѣтствуетъ (*): „1190 г. родися у великаго князя Всеволода сынъ Θеодоръ, а прозванъ бысть Ярославъ, въ Переяславли, февраля 8-го". Θеодоромъ онъ былъ названъ очевидно въ честь св. великомученика Θеодора Стратилата, память котораго чествуется православною церковью 8 февраля. Вотъ основанiе, по которому мы заключаемъ, что древнѣйшая церковь въ г. Костромѣ Θеодора Стратилата, находившаяся на мѣстѣ нынѣшней Боготцевской, построена Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь святаго, имя котораго ему было дано при крещенiи. Какъ древнѣйшая церковь, она могла быть построена Ярославомъ при устроенiи города. Вотъ почему мы, имѣя еще аналогичный фактъ построй-

(*) Воскресен. лѣтопись.

ки Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новомъ мѣстѣ послѣ батыева разгрома, приходимъ къ заключенію, что и Кострома устроена на новомъ, нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ тѣмъ же Ярославомъ Всеволодовичемъ и въ тоже время, т. е. когда онъ обновлялъ землю Суздальскую послѣ нашествія татаръ на нее. Въ дополненіе къ сказанному о построеніи церквей во вновь устрояемыхъ городахъ князьями въ честь тѣхъ святыхъ, имена которыхъ они носили, приведемъ здѣсь выдержку изъ исторіи Костромы (примѣчаніе 7) князя Козловскаго объ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи Юрьевцѣ-Поволжскомъ: „основаніе Юрьевца положилъ благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ въ 1225 г., по явленіи ему на горѣ образа св. Великомученика Георгія, гдѣ и церковь деревянная во имя сего святаго построена на Георгіевской горѣ". Мы желали узнать, нѣтъ ли опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ была построена древнѣйшая церковь св. Θеодора Стратилата въ Костромѣ, но такихъ свѣдѣній не оказалось. Остается, слѣдовательно, единственное основаніе опредѣлить строителя церкви—князя—это имя св., въ честь котораго сооружена церковь. А имя въ честь Θеодора Стратилата носилъ не кто другой изъ древнихъ князей русскихъ, какъ Ярославъ Всеволодовичъ. Кромѣ церкви св. Θеодора въ древности, по сказанію, въ окрестности ея были и другія древнія церкви. Затѣмъ мѣстность, гдѣ эти церкви находились въ старину, была по преданію возвышеннѣе нынѣшняго уровня. Все это ясно говоритъ, что первоначальный городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ именно здѣсь при устьи р. Костромы. Если есть основаніе думать, что древнѣйшая церковь св. Θеодора Стратилата была построена Ярославомъ Всеволодовичемъ, то есть такимъ образомъ основаніе предполагать, что и городъ Кострома первоначально въ мѣстности близь впаденія р. Костромы въ Волгу былъ построенъ Ярославомъ же Всеволодовичемъ послѣ разгрома батыева, т. е. послѣ того, какъ старый городокъ Кострома на правомъ берегу Волги былъ разрушенъ та-

тарами.—Но естественно рождается вопросъ: почему же лѣтописецъ не упоминаетъ о построеніи Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ на новомъ мѣстѣ точно такъ же, какъ о построеніи Твери? Лѣтописецъ не имѣлъ повода говорить объ этомъ. О построеніи Твери онъ говоритъ, приступая къ перечисленію ряда тверскихъ князей отъ перваго князя Ярослава Ярославича. Костромское княжество не имѣло въ исторіи такого значенія, какъ тверское, и костромскихъ князей было гораздо меньше, чѣмъ тверскихъ, такъ какъ костромское княжество рано утеряло свое самостоятельное значеніе, и потому въ лѣтописи не приводится послѣдовательнаго ряда его князей.—Съ назначеніемъ самому меньшему сыну Василію удѣломъ вновь устроеннаго г. Костромы Ярославомъ Всеволодовичемъ, получаетъ начало удѣльное княжество костромское, *но неединовременно* съ галицкимъ княжествомъ, какъ ошибочно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Ярославъ Всеволодовичъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ орду 1240 г., назначилъ удѣлы каждому изъ своихъ сыновей, между прочимъ: Галичъ Константину, а Кострому Василію; такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Костромской губерніи явились два удѣльныхъ княжества: Костромское и Галицкое (*). Это очевидный анахронизмъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ говорится, что 1241 г. родися Ярославу сынъ Василій. Слѣдовательно 1240 г. Василія князя костромскаго еще не существовало на свѣтѣ. Константинъ былъ четвертый изъ девяти сыновей Ярослава. Слѣдовательно Константинъ нѣсколькими годами, можетъ быть десятью, ранѣе Василія получилъ въ удѣлъ Галичъ и значитъ галицкое княжество образовалось немного раньше костромскаго. Послѣднее, нужно думать, образовалось въ самой половинѣ XIII вѣка.

Нашъ взглядъ на начальную исторію г. Костромы мы мо-

(*) Крживоблоцкій. Матеріалы, стр. 2.

жемъ резюмировать въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося слiянiя финскихъ племенъ съ славянскими, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ смѣшанное населенiе изъ мерянъ и славянъ, получившiй названiе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть онъ былъ болѣе укрѣпленъ и распространенъ Юрiемъ Долгорукимъ, и такимъ образомъ получилъ видъ городовъ Ростовско-Суздальской земли, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергался двумъ бѣдствiямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшiй къ волости его брата Юрiя и находившiйся, по всему вѣроятiю, на границѣ или близь границы ихъ волостей; во второй разъ опустошенъ былъ татарами, когда онъ еще не успѣлъ возобновиться вполнѣ въ прежнемъ своемъ видѣ послѣ перваго бѣдствiя. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель Суздальской земли послѣ разгрома батыева. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенiю, на новое мѣсто, болѣе удобное для сношенiй при слiянiи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ и Тверь, построилъ въ Костромѣ первую церковь во имя св. великомученика Θеодора Стратилата, имя котораго онъ получилъ при крещенiи, и затѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей Василiю отдалъ Кострому удѣломъ, и съ этого времени, съ половины XIII в., получило начало костромское княжество, нѣсколькими годами позднѣе галицкаго, отданнаго Ярославомъ 4-му сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣнiе, но можетъ быть коренными жителями опять здѣсь было устроено селенiе въ видѣ городка, которое было населено торговымъ народомъ и въ началѣ

XIV века, на что ясно указываютъ найденныя здѣсь при распашкѣ поля монеты, относящіяся по нашему мнѣнію къ XIV в.

Съ теченіемъ времени, съ явленіемъ Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, съ основаніемъ новой соборной церкви княземъ Василіемъ Ярославичемъ, когда нынѣшній городъ Кострома сталъ быстро распространяться, старый городокъ началъ болѣе и болѣе пустѣть и терять свое значеніе и наконецъ, можетъ быть послѣ пожара, которые часто въ древности истребляли цѣлые города и селенія на Руси, совсѣмъ опустѣлъ и вполнѣ уступилъ свое значеніе новому городу Костромѣ на лѣвомъ берегу Волги.

II. Періодъ владимірскій въ исторіи Костромы.

а) Княженіе Василія Ярославича Костромскаго.

У Великаго Князя Ярослава Всеволодовича было девять сыновей: Ѳедоръ, Александръ Невскій, Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Аѳанасій, Даніилъ, Михаихъ, Ярославъ Тверскій, Василій Костромскій (*) Послѣдній изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Василій Костромскій родился 1241 г., какъ единогласно свидѣтельствуютъ лѣтописи. Въ приведенномъ перечнѣ сыновей Ярослава Всеволодовича мы въ первый разъ встрѣчаемъ названія: Галицкій, Тверскій, Костромскій. Изъ этого заключаемъ, что при Ярославѣ Всеволодовичѣ образовались удѣльныя княжества: Галицкое, Тверское и Костромское. Въ предыдущей статьѣ мы уже приводили мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ говорится объ образованіи тверскаго княжества, даннаго удѣломъ Ярославу Ярославичу. Нѣсколько ранѣе, нужно думать, Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ удѣломъ четвертому сыну Константину Галичъ. Для послѣдняго сына онъ устроилъ Кострому и отдалъ ее удѣломъ Василію, который въ лѣтописяхъ именуется Мизиннымъ, т е. самымъ меньшимъ. Въ просторѣчіи онъ носилъ прозвище: «Квашня». Въ ростовской области княжила особая линія потомковъ Константина Всеволодовича и въ XIII в. одинъ изъ потомковъ его Глѣбъ Васильковичъ получаетъ удѣломъ Бѣлозерскъ. Такимъ образомъ Ростовско-Суздальская земля въ XIII в. раздробилась на многіе удѣлы между потомками Всеволода Юрьевича (Большое Гнѣздо).

Неизвѣстно опредѣленно, когда Василій Ярославичъ получилъ удѣломъ Кострому, но во всякомъ случаѣ до 1248 г.,—года смерти Ярослава Всеволодовича. Слѣдовательно Василій былъ назначенъ костромскимъ княземъ еще отрокомъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII в. Василій могъ уже прибыть въ Кострому и

(*) Воскр. лѣтоп., т. 7, стр. 236.

начать княжить здѣсь. Слѣдовательно образованіе самостоятельнаго княженія костромскаго слѣдуетъ относить къ началу второй половины XIII в. Образованіе новаго княжества костромскаго было освящено явленіемъ Василію Ярославичу чудотворной иконы Божіей Матери. Годъ явленія иконы вполнѣ опредѣленно неизвѣстенъ, но можно съ полной увѣренностью полагать, что это чудесное событіе, служившее санкціею для новаго города и княжества костромскаго, совершилось въ началѣ княженія Василія Ярославича, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII ст. Въ повѣсти о явленіи Ѳеодоровской иконы Б. М. повѣствуется слѣдующее объ этомъ событіи: (*) «князь Василій однажды отправился за городъ на охоту. Недалеко отъ города (егда бѣ внѣ града поприще едино) псы начали сильно лаять. Князь поспѣшилъ на то мѣсто и узрѣлъ пречудную икону Пречистыя Богородицы, стоящую на сосновомъ деревѣ. Сошедъ съ коня, князь хотѣлъ взять св. икону, но икона поднялась кверху и не далась ему въ руки. Князь началъ изливать теплыя молитвы со слезами предъ св. иконой и вторично покусился взять ее, но не получилъ желаемаго и второй разъ. Онъ поспѣшилъ въ городъ и повѣдалъ о чудесномъ явленіи протопопу, повелѣлъ ему съ крестами и священнымъ соборомъ идти немедленно на то мѣсто, гдѣ явилась ему икона, и самъ со множествомъ народа отправился туда. Послѣ молебствія священники взяли св. икону, принесли ее въ городъ и поставили въ соборной церкви св. великомученика Ѳеодора Стратилата. Чрезъ нѣсколько времени пришли жители изъ города Городца и, увидѣвъ въ церкви Ѳеодора св. икону, признали въ ней икону, бывшую въ ихъ городѣ; но, сказали они, икона эта не обрѣтается у нихъ со времени раззоренія Городца татарами". Далѣе въ повѣсти разсказывается о чудесномъ знаменіи отъ св. иконы Ѳеодоровской: «пріидоша поганіи татары на градъ Кострому и князь Ва-

(*) Истор. описаніе Костром. успен. собора свящ. Островскаго, стр. 1 и слѣд.

силій пойде противу ихъ. Икону же тую Богоматери повелѣлъ предъ собою носити. И тогда видѣша поганіи отъ иконы лучи огненные и видѣвше смутишася и на бѣжаніе устремишася. Князь же гнаше вслѣдъ ихъ и многихъ поби и живыхъ поима" (*) Потомъ кн. Василій повелѣлъ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія. Въ придѣлѣ соборной церкви князь повелѣлъ устроить церковь во имя Θеодора Стратилата. Первая древняя соборная церковь Θеодора Стратилата, куда вначалѣ была принесена св. икона, предъ тѣмъ сгорѣла, но „икона", какъ говорится въ повѣсти, „не вредимою пребысть отъ огня". Трудно опредѣлить, о какомъ нашествіи татаръ здѣсь повѣствуется. По крайней мѣрѣ на это нѣтъ точныхъ указаній въ лѣтописяхъ, но можно думать, что это было нашествіе не татаръ собственно, но бесерменскихъ купцовъ, которымъ татары отдавали на откупъ дань съ русскихъ областей. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что противъ Бесерменъ бывали возмущенія въ разныхъ городахъ ростовскихъ и суздальскихъ. Такъ подъ 1262 г. въ Воскр. лѣтописи повѣствуется: „избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго люди ростовскія земли молитвами св. Богородицы и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху бо терпѣти насилія поганыхъ и созвонивше вѣче и выгнаша ихъ изъ градовъ изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля. Человѣколюбецъ Богъ избави люди своя отъ великія бѣды". Подобное же событіе, или нападеніе Бесерменъ могло быть въ тоже время и на Кострому, которую также «избави Богъ отъ лютаго томленія бесерменскаго молитвами св. Богородицы», по выраженію лѣтописца. Изъ событій времени удѣльнаго княженія Василія Ярославича намъ извѣстны: во 1-хъ бракъ его въ 1266 г. Вѣнчанъ онъ былъ въ Костромѣ въ церкви св. Θеодора епископомъ ростовскимъ Игнатіемъ. Во

(*) Эта побѣда была одержана Василіемъ Ярославичемъ при озерѣ недалеко отъ Костромы, получившемъ отъ того названіе „Святое".

2-хъ—заступничество его за новгородцевъ предъ татарами по слѣдующему случаю: новгородцы за разныя притѣсненія и насилія изгнали В. Кн. Ярослава Ярославича и предложили княжить у нихъ кн. переяславскому Димитрію Александровичу, сыну Александра Невскаго. Но Димитрій отвѣчалъ новгородцамъ отказомъ, огорчившимъ ихъ. Въ это время они получаютъ отъ Василія Ярославича извѣстіе, что В. Кн. Ярославъ Ярославичъ готовится къ походу на нихъ съ полками монголовъ и съ союзными князьями. При этомъ Василій успокоивалъ новгородцевъ, говоря, „что св. Софія его отчина и онъ готовъ служить ей и имъ". Василій отправляется въ орду въ сопровожденіи бояръ: Петрила Рыгача и Михаила Пинящинича. Тамъ тысяцкій новгородскій Ратиборъ, преданный Великому Князю, успѣлъ уже вооружить хана противъ новгородцевъ. Онъ наговорилъ хану на своихъ соотечественниковъ, что они изгнали В. Князя и домы наши разграбили и даже хотѣли умертвить насъ за то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани. Ханъ, повѣривъ Ратибору, уже отправилъ полки свои на новгородцевъ наказать ихъ за ослушаніе, но Василій убѣдилъ хана, что новгородцы были правы, изгнавъ Ярослава изъ Новгорода, и успокоенный ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться въ орду. За эту услугу Василій Ярославичъ надѣялся получить отъ новгородцевъ себѣ ихъ княженіе. Новгородцы между тѣмъ приготовились къ отраженію враговъ. Кн. Ярославъ приближался уже къ Новгороду, но узнавъ, что новгородцы приготовились къ отчаянной защитѣ, отступилъ къ Русѣ. Здѣсь, при участіи митрополита Кирилла, новгородцы заключили съ В. Кн. миръ. Грамата этого мирнаго договора сохранилась и въ ней, между прочими условіями, говорится, „чтобы В. Князь пословъ и купцовъ новгородскихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ низовскихъ городахъ, выпустилъ съ ихъ имѣніемъ" (*). Отсюда мы

(*) Собр. гос. грам. и договор., ч. 1, № 3.

заключаемъ, что рать В. Князя Ярослава Ярославича была въ это время отправлена къ Костромѣ и къ другимъ низовскимъ городамъ съ цѣлію перехватить здѣсь пословъ и купцовъ новгородскихъ. В. Кн. Ярославъ былъ снова принятъ новгородцами. Но теперь онъ жилъ здѣсь только нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ уѣхалъ въ стольный городъ Владиміръ. В. Кн. Ярославъ Ярославичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, старался угождать хану и въ 1272 г. съ братомъ своимъ Василіемъ Ярославичемъ Костромскимъ и племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ отправился въ орду, но на возвратномъ пути оттуда скончался. На великое княженіе владимірское вступилъ теперь, по праву старшинства, слѣдующій за Ярославомъ Ярославичемъ братъ его Василій Ярославичъ Кн. Костромскій. Онъ не перемѣнилъ своей резиденціи, но, будучи и великимъ княземъ, продолжалъ жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ, хотя стольнымъ городомъ великокняжескимъ считался Владиміръ, но, такъ какъ В. Князь теперь жилъ въ Костромѣ, то фактически Кострома сдѣлалась столицею великаго княженія и всей тогдашней русской земли и оставалась съ этимъ значеніемъ въ теченіи пяти лѣтъ, т. е. въ продолженіи великаго княженія Василія Костромскаго отъ 1272 г. по 1276 г. включительно.

Вступивъ на великокняжескій престолъ, Василій Ярославичъ желалъ княжить и въ Новгородѣ, но здѣсь ему явился соперникомъ племянникъ его Димитрій Александровичъ переяславскій. Послѣдній прислалъ пословъ въ Новгородъ, желая самъ княжить здѣсь. Въ свою очередь прислалъ въ Новгородъ пословъ и Василій Ярославичъ „хотя сѣсти на столѣ". Послы отъ обоихъ князей сошлись на Ярославовомъ дворѣ. Посадникъ новгородскій Павша былъ на сторонѣ Димитрія и новгородцы, по совѣту его, дали свое княженіе Димитрію, отправивъ за нимъ своихъ пословъ. Кн. Димитрій прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Узнавъ объ отъѣздѣ Димитрія въ Новгородъ, Кн. Василій послалъ вслѣдъ

за нимъ воеводу своего Семена, а самъ пошелъ къ Переяславлю и отсюда къ Торжку. У Торжка онъ сжегъ посадъ, посадилъ намѣстника своего въ городѣ и пошелъ назадъ въ Кострому. Между тѣмъ тверской князь Святославъ Ярославичъ, дѣйствуя за одно съ дядей, началъ опустошать волость новгородскую. Димитрій Александровичъ съ новгородцами идетъ къ Твери, а къ князю Василію отправляетъ пословъ сказать: „зачѣмъ захватилъ волости новгородскія? Отдай ихъ назадъ, а со мной примирись“. В. Кн. Василій отпустилъ пословъ съ честію, но на миръ не согласился. Новгородцы съ княземъ Димитріемъ остановились въ Торжкѣ и здѣсь произошла перемѣна. Они пришли къ убѣжденію, что имъ необходима дружба Великаго Князя: „купцовъ нашихъ“, говорили они, „грабятъ теперь въ суздальской землѣ, въ Новгородѣ же вздорожалъ хлѣбъ“. Они рѣшили исполнить волю Василія и отдать ему свое княженіе. кн. Димитрій уступилъ новгородскій столъ дядѣ и ушелъ изъ Новгорода. Павша, вѣрный Димитрію, лишенъ былъ посадничества, которое было вручено Михаилу Мишиничю. Новгородцы послали за княземъ Василіемъ и съ посадникомъ Михаиломъ цѣловали на вѣрность ему образъ господень въ Торжкѣ. Лишенный посадничества, Павша бѣжалъ было сначала къ кн. Димитрію, но, боясь остаться изгнанникомъ, отправился къ В. Князю въ Кострому и прибѣгъ къ его милости. По предложенію великодушнаго В. Кн. Василія, новгородцы опять дали посадничество Павшѣ, возвративъ его изъ Костромы, и онъ былъ посадникомъ въ Новгородѣ до своей смерти въ 1274 г. Потомъ посадничество снова было отдано Михаилу Мишиничу. По случаю кончины Павши, В. К. Василій второй разъ былъ въ Новгородѣ въ 1274 г.

Время великаго княженія Василія Ярославича ознаменовано въ исторіи знаменитымъ духовнымъ соборомъ, составленнымъ во Владимірѣ въ 1274 г. подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла, прибывшаго въ это время изъ Кіева во Владиміръ. Мит-

рополитъ Кириллъ, узнавъ о разныхъ безпорядкахъ въ церковныхъ дѣлахъ, желалъ исправить ихъ и съ этою цѣлію созвалъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобъ сообща обсудить всѣ недостатки церковные и выработать церковныя правила (*) Въ составленныхъ на соборѣ правилахъ митрополитъ замѣчаетъ, что разныя бѣдствія, постигшія отечество наше, служили наказаніемъ за нарушеніе уставовъ церкви и за то, что донынѣ уставы церковные были омрачены облакомъ эллинской мудрости. Находя, что нравственность народа зависитъ отъ нравственнаго уровня духовенства, митрополитъ повелѣваетъ давать священный санъ людямъ съ безупречной нравственностью. Епископамъ строго запрещалось брать деньги съ новопоставленныхъ священниковъ, кромѣ опредѣленной пошлины; предписывалось священникамъ неуклонно исполнять свои обязанности. Еще митрополитъ вооружается противъ разныхъ языческихъ празднествъ, игрищъ и обрядовъ, остающихся въ народѣ и предписываетъ духовенству искоренять ихъ. Вообще митрополитъ Кириллъ соборными правилами хотѣлъ возвысить нравственность народа, ставя ее въ зависимость отъ нравственнаго уровня духовенства. Такое важное значеніе въ исторіи русской церкви и русскаго государства имѣлъ сборъ при Василіи Ярославичѣ въ 1274 г. Въ слѣдующемъ 1275 г. В. Кн. Василій предпринялъ путешествіе въ орду на поклонъ хану, по установленному тогда обычаю князей русской земли отправляться отъ времени до времени въ орду чествовать хана дарами. Можетъ быть это путешествіе имѣетъ связь съ вторичною переписью, произведенною въ это время чиновниками татарскими, или баскаками во всѣхъ россійскихъ областяхъ для сбора дани. По возвращеніи изъ орды въ началѣ 1277 г. въ январѣ мѣсяцѣ скончался В. Кн. Василій Ярославичъ на 37-мъ году жизни, пробывъ великимъ княземъ пять лѣтъ. Такъ какъ онъ постоянно жилъ въ Костромѣ,

(*) Исторія Карамзина, т. IV, гл. 4.

то и скончался здѣсь и былъ погребенъ въ церкви св. Θеодора. На погребеніе его съѣхались многіе князья: Борисъ и Глѣбъ ростовскіе, сынъ князя Іоанна Стародубскаго Михаилъ, кн. Димитрій Александровичъ, Θеодоръ Ростиславичъ ярославскій и множество бояръ. Погребеніе совершалъ Епископъ Игнатій съ игуменами и прочимъ духовенствомъ. Горесть народа по В. Князѣ была такъ велика, что за сильнымъ плачемъ не слышно было пѣнія. Лѣтописцы характеризуютъ кн. Василія милостивымъ и набожнымъ. Доказательствомъ первой черты его характера служитъ милость, оказанная имъ посаднику новгородскому Павшѣ, второй—упомянутый нами духовный соборъ, созванный въ его княженіе во Владимірѣ. Мѣсто, гдѣ погребенъ кн. Василій и гдѣ почиваетъ его прахъ, въ точности неизвѣстно теперь, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что прахъ его покоится донынѣ подъ теперешней церковью Богоотцевской, устроенной впослѣдствіи на мѣстѣ древней церкви св. Θеодора Стратилата. Мы слышали даже преданіе отъ прошлаго столѣтія, что, во время исправленія фундамента нынѣшней церкви, находили признаки гроба или склепа, гдѣ покоится очевидно прахъ достопамятнаго въ исторіи Костромы и въ русской исторіи В. Князя Василія Ярославича Костромскаго.

б) Событія въ Костромскомъ и Галицкомъ княжествахъ по смерти Василія Ярославича Костромскаго.

По смерти Василія Ярославича на великокняжескомъ владимірскомъ столѣ сѣлъ племянникъ его, сынъ Александра Невскаго, Димитрій. Новгородцы также признали Димитрія своимъ княземъ. Изъ лѣтописи не видно, чтобы тотчасъ по смерти Василія Ярославича (Квашни) Кострома была отдана кому либо изъ князей (*). Видно, что она опять на нѣкоторое время принадлежитъ исключи-

(*) Такъ какъ неизвѣстно, чтобы у Василія Ярославича были дѣти.

тельно В. Князю владимірскому Димитрію, который, подобно дядѣ своему Василію, жилъ не во Владимірѣ, но въ прежнемъ своемъ городѣ Переяславлѣ. Между тѣмъ въ Галичѣ княжила въ это время линія Константина Ярославича. По крайней мѣрѣ подъ 1280 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи (*) извѣстіе о кончинѣ князя Давида Константиновича галицкаго и дмитровскаго, внука Ярослава Всеволодовича. Онъ былъ вторымъ княземъ галицкимъ.

Вскорѣ по вступленіи на великокняжескій престолъ Димитрія, младшій братъ его Андрей Александровичъ городецкій, по совѣту боярина крамольника Семена Тонгліевича и другихъ бояръ, началъ искать подъ старшимъ братомъ своимъ, вопреки установленному порядку, великаго княженія у хана. Помощію лести и даровъ онъ успѣлъ получить ярлыкъ отъ хана на великое княженіе и привелъ съ собою на великаго князя рать татарскую подъ предводительствомъ Кавгадыя и Алчедая. Сначала онъ подступилъ къ Мурому и съ нимъ Семенъ Тонгліевичъ и другіе бояре крамольники, а затѣмъ пошелъ къ Переяславлю. Татары разсыпались по суздальской землѣ и опустошили въ ней много городовъ и волостей. Кн. Димитрій искалъ спасенія у новгородцевъ, но новгородцы не приняли его, вспоминая прежнія обиды. Они призвали къ себѣ на княженіе Андрея Александровича. Узнавъ объ уходѣ татаръ въ орду, кн. Димитрій возвратился въ свой Переяславль и началъ готовить рать на Андрея. Андрей поспѣшилъ въ орду, получилъ здѣсь снова отъ хана вспомогательное войско, которое опять опустошило суздальскую землю и направилось къ Переяславлю. Димитрій въ свою очередь прибѣгъ къ помощи татаръ и отправился къ хану Ногаю, господствовавшему въ это время въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Ногай возвратилъ великокняжескій престолъ Димитрію Новый ханъ золотой орды Туданъ Мангу, боясь Ногая, не могъ противиться его волѣ. На нѣкоторое время братья примирились и Андрей отказался отъ великаго кня-

(*) Воскресен. лѣтоп.

женія въ пользу брата Димитрія. Тогда въ Костромѣ была совершена смертная казнь надъ крамольникомъ бояриномъ Семеномъ Тонгліевичемъ. Этотъ льстивый бояринъ, по совѣту котораго Андрей началъ вражду съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, причинившую много зла суздальской землѣ, жилъ теперь въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ. Примирившись съ братомъ, в. кн. Димитрій послалъ въ Кострому своихъ бояръ Антона и Ѳеофана убить тамъ „крамольника льстиваго" Семена Тонгліевича. Повелѣніе в. князя было исполнено. Бояре, тайно схвативъ Семена, старались вывѣдать отъ него: не имѣетъ ли князь Андрей новыхъ замысловъ? Но Семенъ отвѣчалъ: „я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся, а мое дѣло вѣрно служить Государю". Не признавая себя виновнымъ въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ татаръ, онъ отвѣчалъ на всѣ угрозы бояръ: «и такъ великій князь не боится вѣроломства? Клялся быть другомъ Андрея и грозитъ казнію его боярамъ»! Очевидно, что Семенъ Тонгліевичъ считалъ безопаснымъ свое пребываніе въ великокняжескомъ городѣ Костромѣ, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Но посланные бояре умертвили его здѣсь по повелѣнію в. князя Димитрія 1283 г. Кн Андрей немогъ противиться волѣ хана и уступилъ Димитрію даже и Новгородъ, удовольствовавшись по прежнему Городцемъ. Но втайнѣ онъ продолжалъ питать злобу на брата и снова началъ снискивать расположеніе у татаръ. Сначала хитрыми происками онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, въ особенности Ѳеодора Ростиславича Ярославскаго. Андрей и Ѳеодоръ очернили Димитрія предъ Ногаемъ и Ногай отправилъ войско на помощь имъ подъ предводительствомъ Дюденя, брата хана Тогты. Это нашествіе татаръ было въ 1293 г. В. кн. Димитрій жилъ въ это время въ Переяславлѣ. Сыну же своему Іоанну Димитріевичу онъ далъ въ этотъ годъ въ удѣлъ Кострому, на что имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи

подъ 1293 г.: «сѣде на Костромѣ князь Іоаннъ Дмитріевичъ» (*). Этотъ князь очевидно былъ вторымъ самостоятельнымъ княземъ Костромскимъ. Между тѣмъ татары уже шли возвести Андрея на великое княженіе и начали опустошать землю суздальскую. Князь Димитрій изъ Переяславля бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы объявили Андрею, что они признаютъ его своимъ княземъ. Андрей прибылъ въ Новгородъ, а союзникъ его Ѳеодоръ Ростиславичъ взялъ себѣ Переяславль Залѣсскій 1294 г. По уходѣ татаръ, князь Димитрій спѣшилъ въ свой удѣлъ Переяславль, но былъ на пути захваченъ братомъ Андреемъ. Впрочемъ Андрей оставилъ въ своихъ рукахъ только казну брата, а Димитрій былъ освобожденъ и ушелъ въ Тверь. Онъ уступилъ Андрею великое княженіе и самъ шелъ въ Переяславль (**). Но на пути къ Переяславлю онъ умеръ, принявши монашество. По смерти Димитрія Андрей Александровичъ уже по праву вступаетъ на великое княженіе. Іоаннъ Дмитріевичъ Костромскій по смерти отца очевидно получилъ свой родовой Переяславль, а Кострома была отдана великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису, но не ранѣе 1299 или 1300 г. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ сказаній лѣтописныхъ: подъ 1299 князь Борисъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ качествѣ намѣстника великаго князя въ Новгородѣ; подъ 1302 г. въ лѣтописяхъ (***) находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Іоанна Дмитріевича въ Переяславлѣ, въ сказаніи же, относящемся къ февралю мѣсяцу слѣдующаго 1303 г. (****), находимъ извѣстіе о кончинѣ князя Бориса Андреевича *на Костромѣ*. Такой порядокъ преемственности князей въ Костромѣ: Бориса Андреевича, княжившаго послѣ Іоанна Дмитріевича чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, но еще до

(*) Лаврент. лѣтоп.

(**) Переяславль между тѣмъ былъ сожженъ предъ тѣмъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ, который по условію долженъ былъ оставить его.

(***) Воскр. лѣтоп.

(****) Лавр. лѣтоп.

смерти Іоанна Дмитріевича, получившаго очевидно по смерти отца Переяславль *вмѣсто* Костромы, гдѣ сѣлъ потомъ Борисъ Андреевичъ, гораздо естественнѣе, чѣмъ тотъ порядокъ, который приводится въ очеркахъ исторіи Костромы. Здѣсь говорится, что Борисъ Андреевичъ будто по смерти Іоанна Дмитріевича 1302 получилъ Кострому и что будто ранѣе Кострома была присоединена Іоанну къ удѣлу Переяславскому. Скорѣе здѣсь слѣдуетъ допускать замѣну одного удѣла другимъ, т. е. что Переяславль былъ данъ Іоанну Дмитріевичу вмѣсто Костромы, отданной потомъ великимъ княземъ Андреемъ сыну своему Борису. Борисъ Андреевичъ былъ такимъ образомъ третьимъ самостоятельнымъ Костромскимъ княземъ. Такой порядокъ полученія удѣловъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему обычаю такъ называемаго лѣствичнаго восхожденія князей, т. е. когда вступалъ на престолъ новый великій князь, остальные князья передвигались съ худшихъ на лучшіе удѣлы по старшинству. Итакъ въ Костромѣ княжили: 1-й князь Василій Ярославичъ Костромскій въ началѣ второй половины XIII в. и, со включеніемъ его великаго княженія, по 1277 г. Послѣ него Кострома находилась въ непосредственномъ владѣніи великаго князя владимірскаго до 1293 г., когда ее получилъ въ удѣлъ Іоаннъ Дмитріевичъ сынъ великаго кн. Димитрія Александнровича. Онъ княжилъ здѣсь до смерти своего отца, послѣ чего получилъ Переяславль какъ родовой удѣлъ послѣ отца, а Кострому чрезъ нѣсколько времени, можетъ быть въ 1300 г., получилъ кн. Борисъ Андреевичъ и княжилъ здѣсь до начала 1303 г.

Подъ 1304 г. въ лѣтописи (*) повѣствуется о слѣдующемъ событіи въ Костромѣ: іюля 23 была страшная гроза и туча велика нашла отъ востока, молнія ударила въ маковицу церкви св. Ѳеодора и зажгла ее, а до вечерни церковь сгорѣла.

По кончинѣ в. к. Андрея Александровича, великокняжескій престолъ, по праву старѣйшинства, долженъ былъ перейти къ

(*) Воскр. лѣтоп.

тверскому князю Михаилу Ярославичу, но усилившійся къ тому времени московскій князь, двоюродный племянникъ Михаила Ярославича, Юрій Даниловичъ началъ домогаться великаго княженія у хана подъ Михаиломъ. Съ 1304 г. начинается знаменитая усобица между этими князьями изъ за великаго княженія. Оба князя отправились на судъ къ хану. Города русскіе раздѣлились: одни были за Юрія, другіе за Михаила. Кострома была въ числѣ городовъ, преданныхъ Михаилу. По этому, когда Юрій Даниловичъ прислалъ въ Кострому княжить брата своего Бориса Даніиловича, граждане костромскіе схватили его и отправили въ Тверь. Во многихъ областяхъ и городахъ во время этой усобицы было безначаліе и неустройство; оба князя были въ ордѣ и искали у хана великаго княженія, а между тѣмъ бояре своевольничали по городамъ и вооружали тѣмъ противъ себя чернь. Извѣстно, что во время этого безначалія въ Костромѣ собралось вѣче противъ бояръ: Давида Явидовича, Жеребца и другихъ, вѣроятно, или бывшихъ на сторонѣ Юрія или своевольничавшихъ здѣсь, пользуясь безначаліемъ. Нѣкоторые изъ этихъ бояръ были казнены жителями Костромы. Подобная же ненависть черни противъ бояръ проявилась и въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ черные люди побили бояръ. Споръ между князьями на первый разъ былъ рѣшенъ ханомъ въ пользу кн. Михаила тверскаго, и послѣдній сѣлъ на великомъ княженіи владимірскомъ. — Изъ событій исторіи Галича, слѣдовавшихъ по хронологическому порядку, подъ 1310-мъ г., въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстіе о рожденіи у галицкаго князя Василія Константиновича, внука Ярослава Всеволодовича, сына Θеодора. Отсюда заключаемъ, что послѣ смерти галицкаго князя Давида Константиновича въ 1280 г., въ Галичѣ княжилъ братъ его Василій Константиновичъ, который такимъ образомъ былъ третьимъ галицкимъ княземъ.

Споръ изъ за великаго княженія чрезъ нѣсколько времени опять возобновился между Михаиломъ тверскимъ и Юріемъ мос-

ковскимъ. Юрій опять идетъ въ орду, чтобы очернить предъ ханомъ своего соперника и помощію даровъ получаетъ великое княженіе. Лѣтописецъ тверской повѣствуетъ, что въ 1317 г. возвратился изъ орды князь Юрій съ ханскимъ посломъ Кавгадыемъ. Князь Михаилъ встрѣтилъ ихъ съ князьями суздальскими у преданнаго ему города Костромы. Долго стояли князья съ своими ратями „о Волгу (*)“, по выраженію лѣтописца, и при посредствѣ Кавгадыя примирились, при чемъ кн. Михаилъ уступилъ Юрію великое княженіе, а самъ ушелъ въ Тверь. Князь же Юрій, соединившись у Костромы съ князьями суздальскими, пошелъ къ Ростову, потомъ къ Переяславлю и повсюду началъ производить опустошенія въ городахъ, очевидно преданныхъ Михаилу. Не смотря на уступку со стороны кн. Михаила, Юрій съ князьями суздальскими вторгся въ тверскія волости Михаила, началъ опустошать ихъ и подступилъ къ Твери. Михаилъ Ярославичъ выступилъ на бой съ нимъ и одержалъ надъ соперникомъ побѣду, взявши въ плѣнъ посла ханскаго Кавгадыя и жену князя Юрія, сестру хана Узбека, Кончаку, которая вскорѣ умерла въ Твери. Тогда Юрій Даниловичъ въ 1318 г. снова отправляется вмѣстѣ съ Кавгадыемъ, освобожденнымъ Михаиломъ изъ плѣна, въ орду возвести предъ ханомъ на Михаила тяжкія обвиненія, между прочимъ и въ отравленіи Кончаки. Въ этомъ году изъ орды прибылъ лютый ханскій посолъ именемъ Кочка, напалъ сначала на Кострому, какъ городъ преданный кн. Михаилу, и убилъ здѣсь 120 человѣкъ; затѣмъ подступилъ онъ къ Ростову и разграбилъ

(*) Это выраженіе лѣтописца можно понимать такъ, что князья съ ратями стояли на противоположныхъ сторонахъ Волги. Предлогъ о съ винительнымъ падежемъ употребляется въ означеніе смежности: жить объ стѣну, т. е. въ помѣщеніяхъ смежныхъ по ту и другую сторону стѣны. Понимая такъ выраженіе лѣтописца, мы можемъ догадываться, что въ описываемое имъ время и на другой сторонѣ Волги т. е. на правой, было селеніе, какъ остатокъ древняго городка Костромы, гдѣ стоялъ долго Юрій съ татарами. Не отъ этого ли времени сохранились здѣсь въ почвѣ раньше упомянутыя нами монеты?

его: ограбилъ церкви, пожегъ монастыри и людей взялъ въ плѣнъ. Споръ между князьями изъ за великаго княженія кончился трагическимъ событіемъ въ русской исторіи—казнью въ ордѣ кн. Михаила тверскаго. Великокняжескій столъ получилъ Юрій московскій. Слѣдовательно и Кострома, не имѣвшая теперь самостоятельнаго князя, волей неволей должна была подчиниться князю Юрію Даниловичу.

Подъ 1320 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о слѣдующемъ событіи въ Костромѣ: князь Константинъ Михаиловичъ (тверскій) вступилъ здѣсь въ бракъ съ дочерью великаго кн. Юрія Софіею и вѣнчанъ былъ въ церкви св. Ѳеодора, вѣроятно, устроенной вновь послѣ пожара 1304 г. (*) Почему этотъ бракъ состоялся въ Костромѣ, а не въ стольномъ Владимірѣ или не въ Москвѣ, неизвѣстно.

Въ то время, когда в. кн. Юрій Даниловичъ, примирившись съ другимъ соперникомъ своимъ княземъ тверскимъ Дмитріемъ Михаиловичемъ, сыномъ Михаила Ярославича тверскаго, былъ въ Новгородѣ, братъ его Іоаннъ Даниловичъ прибылъ изъ орды съ сильнымъ посломъ ханскимъ Ахмыломъ, который, желая водворить благоустройство въ великомъ княженіи, многія пакости чинилъ по низовской землѣ, по выраженію лѣтописца, взялъ Ярославль и многихъ христіанъ избилъ. По всему вѣроятію, этому бѣдствію въ 1322 г. подверглась и Кострома, какъ городъ въ низовской землѣ на пути къ Ярославлю. По кончинѣ в. кн. Юрія, убитаго въ ордѣ сыномъ Михаила тверскаго Дмитріемъ Грозныя Очи 1325 г., опять чрезъ нѣсколько времени начинается борьба за

(*) Мы не думаемъ, чтобы этимъ именемъ называлась новая соборная церковь Успенія, построенная Василіемъ Костромскимъ, какъ говорится въ Пам. книж. Костр. губ. на 1862 г., на стр. 220-й. Въ повѣсти о явленіи иконы Ѳеодоровской говорится, что древняя церковь св. Ѳеодора дважды сгорѣла, въ первый разъ вскорѣ послѣ явленія иконы, второй разъ очевидно 1304 г. отъ молніи. Слѣдовательно, послѣ перваго пожара она была возобновлена, гдѣ и погребенъ Василій Ярославичъ, и послѣ втораго пожара тоже, вѣроятно, была вскорѣ возобновлена, какъ видно изъ дальнѣйшей исторіи.

великое княженіе между московскимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ и тверскимъ Александромъ Михаиловичемъ. Борьба эта кончилась, подобно первой, трагическимъ же событіемъ—казнью въ ордѣ тверскаго кн. Александра Михаиловича съ сыномъ его Ѳеодоромъ. Великое княженіе получилъ Іоаннъ Даниловичъ кн. московскій. Законное право старшинства на великое княженіе имѣлъ теперь кн. суздальскій Александръ Васильевичъ, внукъ Андрея, старшаго брата Александра Невскаго; но онъ уступилъ право на великое княженіе Іоанну Даниловичу московскому. Въ одной лѣтописи синодальной библіотеки сказано впрочемъ, что царь Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе между Іоанномъ Даниловичемъ и Александромъ Васильевичемъ, утвердивъ Владиміръ за послѣднимъ: князю Іоанну Даниловичу Узбекъ будто бы далъ Новгородъ и Кострому, а суздальскому князю Владиміръ и Поволжье. По смерти уже кн. Александра суздальскаго въ 1333 г., Іоаннъ началъ свободно повелѣвать князьями и господствовать надъ ними, какъ глава Россіи.

Княженіе Іоанна Даниловича ознаменовано въ исторіи Костромы построеніемъ мурзой татарскимъ Четомъ, родоначальникомъ Годуновыхъ, Ипатьевской обители, сдѣлавшейся знаменитой впослѣдствіи. Приводимъ изъ историко-статистическаго описанія Костромскаго первокласснаго каѳедральнаго Ипатьевскаго монастыря протоіерея Островскаго (Кострома 1870 г.) свѣдѣнія объ основаніи Ипатьевской обители: „добрая слава в. кн. Іоанна Даниловича Калиты, повѣствуетъ нашъ исторіографъ (*), привлекла къ нему (1328—40 гг.) людей знаменитыхъ изъ разныхъ странъ, сосѣднихъ Россіи. Въ числѣ ихъ былъ мурза Четъ, выѣхавшій въ Москву изъ орды. На пути къ Москвѣ Четъ остановился для обычнаго роздыха у Костромы. Онъ ѣхалъ въ Россію не для грабежа, какъ дѣлали его предки, но для мирной жизни и службы

(*) Карамзинъ, т. IV стр. 14.

въ Россіи. И вотъ Пресвятая Владычица міра, силою огненныхъ лучей чуднаго лика своего сохранившая (1262—4 гг.) Кострому отъ татаръ, является ихъ потомку въ чудномъ видѣніи, чтобы снять съ него духовную слѣпоту и просвѣтить вѣрою Христовою. Божія Матерь Чету явилась съ св. Апостоломъ Филиппомъ, который нѣкогда просвѣтилъ вѣрою въ І. Христа знаменитаго царедворца эѳіопскаго, и священномученикомъ Ипатіемъ. Въ память чуднаго явленія и въ благодарность Господу Богу за даръ духовнаго свѣта, Четъ (въ св. крещеніи Захарія) воздвигъ на мѣстѣ видѣнія обитель во имя священномученика Ипатія Епископа Гагрнскаго. Эта обитель сдѣлалась колыбелью царственнаго дома Романовыхъ" (*). По сказаніямъ основаніе обители было въ 1330 г.... Если вѣрить сказанію лѣтописи синодальной библіотеки, приведенному нами раньше, то въ это время Іоаннъ Калита владѣлъ великимъ княженіемъ совмѣстно съ княземъ суздальскимъ Александромъ Васильевичемъ и при томъ владѣлъ Костромою. Послѣ смерти кн. Александра въ 1333 г. Іоаннъ Даниловичъ становится уже полновластнымъ великимъ княземъ. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра митрополичья. Владиміръ окончательно теряетъ теперь значеніе стольнаго города, которое на долгое время переходитъ къ Москвѣ. Съ этого времени, т. е. съ 30-хъ гг. XIV в., въ исторіи Костромы, входившей въ составъ великаго княженія Московскаго, начинается періодъ московскій.

(*) Стр. 3, 4.

III. Періодъ московскій въ исторіи Костромы и Галича.

Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328—40 г.), князь собиратель Руси, болѣе мирнымъ способомъ—куплею и мѣною, чѣмъ оружіемъ увеличивалъ свою наслѣдственную волость московскую. О владѣніяхъ Іоанна Калиты мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія изъ его завѣщанія сыновьямъ и княгинѣ. Здѣсь подробно исчисляются волости и села, купленныя и вымѣненныя Іоанномъ Калитою и предназначаемыя сыновьямъ его и княгинѣ. Между прочими здѣсь упоминается и то село, «что есмь купилъ на Костромѣ». Оно назначено было княгинѣ (*). Въ завѣщаніи Димитрія Донскаго упоминается въ числѣ купленныхъ городовъ Калитою Галичъ, проданный Калитѣ однимъ изъ потомковъ Константина галицкаго: «а сына своего Юрія благословляю куплею своего дѣда Галичемъ». Но Калита въ своемъ завѣщаніи не упоминаетъ о городахъ: Владимірѣ, Костромѣ и Переяславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана. Карамзинъ замѣчаетъ, что Іоаннъ Калита, располагая только своею отчиною Москвою съ волостями, не могъ эти города отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ хана (**). Поэтому въ очеркахъ исторіи Костромы не точно говорится, что изъ завѣщанія Калиты видно, что Кострома и Галичъ принадлежали къ его владѣніямъ (***) Изъ завѣщанія внука Іоанна Калиты Дмитрія Донскаго видно, что только Галичъ принадлежалъ къ владѣніямъ Калиты, но Кострома была городомъ вообще великокняжескимъ и если зависѣла отъ Калиты, то потому только, что Калита теперь былъ великимъ княземъ. Послѣ же него она могла перейти не къ по-

---

(*) Это Новое сельцо, или Селище на правомъ берегу Волги противъ Костромы, вмѣстѣ съ селомъ Павловскимъ,—покупкою бабки Калиты, жены Александра Невскаго.

(**) Ист., т. IV, стр. 151.

(***) Кстати замѣтимъ здѣсь любопытное свѣдѣніе, что слово Кострома въ это время служило фамиліей; завѣщательную грамату Калиты писалъ дьякъ великокняжескій Кострома.

томкамъ его, а въ зависимость отъ того князя, кто по волѣ хана сядетъ на великомъ княженіи. Послѣ Калиты на великое княженіе сѣлъ сынъ его Симеонъ Гордый. Лѣтописцы говорятъ, что вся Россія испытала при немъ гнѣвъ небесный, именно: болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ черной смерти, отъ которой скончался и самъ великій князь 1353 г. (*). Послѣ непродолжительнаго великаго княженія брата Симеона Гордаго Іоанна Іоанновича, въ 1359 г. ханъ отдалъ великое княженіе Димитрію Константиновичу суздальскому, который хотѣлъ возстановить значеніе великокняжескаго города Владиміра, бывшей столицы, но митрополитъ Алексѣй остался въ Москвѣ. Въ княженіе Димитрія Константиновича удѣльные князья явно начали стремиться къ самостоятельности и правнукъ Константина Ярославича галицкаго Димитрій Іоанновичъ получилъ въ ордѣ грамату на свой наслѣдственный удѣлъ Галичъ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ купленъ Калитою (**). Въ княженіе великаго князя Димитрія Константиновича въ 1360 г. въ Костромѣ былъ съѣздъ князей по слѣдующему случаю: какіе-то разбойники изъ русскихъ областей напали на болгарскій городъ Жукотинъ близъ устья Камы и разграбили его. Жукотинцы принесли жалобу хану. Ханъ отправилъ посла для суда по этому дѣлу и посолъ ханскій прибылъ въ Кострому, куда съѣхались: великій князь Димитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ ростовскій. Разбойники были отысканы и выданы болгарамъ, а посолъ ханскій возвратился въ орду. Непродолжительно было великое княженіе Димитрія Константиновича. Князь московскій Димитрій Іоанновичъ, еще будучи тогда отрокомъ, при помощи бояръ московскихъ, оспорилъ предъ ханомъ у Димитрія суздаль-

(*) Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминается въ числѣ новыхъ волостей ему, принадлежащихъ, купленное село на Костромѣ Александровское.

(**) Продажу Галича Калитѣ Соловьевъ объясняетъ невозможностью галицкому князю платить дань ордѣ.

скаго право на великое княженіе и Димитрій удовольствовался только своимъ наслѣдственнымъ Суздалемъ. Такимъ образомъ векимъ княземъ сдѣлался двѣнадцатилѣтній Димитрій Іоанновичъ московскій въ 1363 г.

Димитрій московскій, при помощи бояръ получившій отъ хана великое княженіе, не могъ, по внушенію вѣроятно бояръ же, поступиться своимъ владѣніемъ Галичемъ, купленнымъ его дѣдомъ Іоанномъ Калитою, и предпринялъ съ братомъ своимъ и другими союзными князьями походъ на галицкаго князя Димитрія, завладѣвшаго Галичемъ, изгналъ его отсюда, а княгиню взялъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ Галичъ опять переходитъ во владѣніе великаго князя московскаго (*). Въ началѣ великаго княженія Димитрія Ивановича Кострома вмѣстѣ съ другими городами и областями русскими испытала тяжкое бѣдствіе. Осенью 1364 г. свирѣпствовала здѣсь и въ другихъ городахъ моровая язва, похитившая великое множество жертвъ. По описанію лѣтописца, болѣзнь эта была такого рода: сначала какъ рогатиною ударитъ за лопаткой или подъ грудь или межъ крилъ (между плечами) и больной начнетъ харкать кровью и испытывать сильный жаръ, потомъ броситъ его въ потъ, а затѣмъ начнется дрожь; чрезъ два или три дня больной умираетъ. Иные отъ желѣзы умирали; желѣза была не у всякаго на одномъ мѣстѣ: у одного на шеѣ, у другаго подъ скулою, у инаго подъ пазухой или за лопаткой или на стегнахъ. Эта болѣзнь была занесена изъ города Бездежа на Каспійскомъ морѣ сначала въ Нижній Новгородъ, а отсюда въ Москву и по другимъ городамъ великаго княженія. Смертность

(*) Въ софійской 1-й лѣтописи говорится, впрочемъ, иначе объ этомъ, «1363 г. в. кн. Димитрій Ивановичъ сгони князя Димитрія Константиновича съ великаго княженія и съ Галича». Слѣдовательно, по этому сказанію, Галичемъ владѣлъ теперь не Димитрій Ивановичъ, правнукъ Константина галицкаго, а тотъ же князь суздальскій, соперникъ Димитрія московскаго, Димитрій Константиновичъ. Немудрено, что въ этомъ лѣтописномъ сказаніи смѣшаны въ одномъ князѣ Димитріи два различныхъ, одноименныхъ князя.

была такъ велика, что не успѣвали хоронить мертвыхъ, такъ что по 10 человѣкъ зарывали въ одну яму. Многіе дома опустѣли или въ иныхъ остались по одному или по два жильца. Въ нѣкоторыхъ городахъ умирало до 100 человѣкъ въ день (*). Опаснымъ соперникомъ Димитрія Ивановича московскаго, предъявившимъ свои права на великое княженіе, явился Михаилъ Александровичъ кн. тверской. Начинается третья борьба изъ за великаго княженія между Димитріемъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ. Тверской князь получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Димитрій московскій успѣлъ задобрить посла ханскаго и тотъ принялъ его сторону. Михаилъ же, оскорбленный такимъ оборотомъ дѣла, пошелъ въ 1371 г. съ большимъ войскомъ къ Костромѣ, но, не дойдя до нея, возвратился, взявши на пути и предавъ пламени гг. Мологу, Угличъ, и Бѣжецкій Верхъ. За то въ этотъ годъ Кострома подвергалась нападенію другихъ враговъ, разбойниковъ ушкунцевъ новгородскихъ и была взята ими. Походы этихъ разбойниковъ новгородскихъ по Волгѣ, какъ видно изъ лѣтописей, совершались не рѣдко въ это время и Кострома подвергалась разграбленію отъ нихъ. Такъ подъ 1375 г. лѣтописецъ Воскр. лѣтописи повѣтствуетъ о слѣдующемъ бѣдствіи Костромы, претерпѣнномъ ею отъ новгородскихъ ушкунцевъ (**): когда великій князь былъ подъ Тверью, въ это время изъ Новгорода на 70 ушкуяхъ пустились по Волгѣ разбойники подъ предводительствомъ двухъ воеводъ: Прокопія и Смольнянина. Они подошли къ Костромѣ и ополчились на бой; граждане вышли противъ нихъ съ воеводою Плещеемъ. Новгородцы, увидавши, что костромичи превосходятъ ихъ числомъ (костромичей было 5 т., а новгородцевъ 2 т.), раздѣлись на двѣ части: одну половину отправили тайно лѣсомъ въ

(*) Воскр. лѣтоп. по 1364 годъ.

(**) Въ это время шла ожесточенная борьба изъ за великаго княженія между Михаилом Александровичемъ тверскимъ и Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ.

обходъ по можжевельнику, чтобы ударить въ тылъ костромичамъ, а другіе пошли прямо на нихъ. Воевода костромской Плещей, увидавъ это, не рѣшился вступить въ бой съ новгородцами и, оставивъ городъ на произволъ судьбы, обратился въ бѣгство. Костромичи, оставшись безъ воеводы и не вступивъ въ бой съ врагами, также обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ были избиты, иные разбѣжались по лѣсамъ, другіе попались въ плѣнъ. Разбойники, вступивъ въ городъ и найдя его беззащитнымъ, разграбили все имущество, оставленное жителями. Цѣлую недѣлю они хозяйничали въ городѣ; разыскавъ всѣ спрятанныя богатства и товары, вынесли ихъ на средину города и взяли все лучшее и легчайшее, а что потяжелѣе и лишнее бросили въ Волгу, а иное сожгли; взявъ въ плѣнъ много людей, поплыли съ ними далѣе внизъ по Волгѣ къ Нижнему Новгороду и тамъ много зла причинили. Они доплыли до устьевъ Волги, грабя на пути, но тамъ были всѣ избиты княземъ хазьтороканскимъ (астраханскимъ) Салчѣемъ. Для наказанія новгородцевъ за эту дерзость и за другія ихъ своевольства и для приведенія ихъ въ покорность, кн. Димитрій предпринялъ впослѣдствіи походъ на Новгородъ съ сильною ратью.

Далѣе изъ событій, касающихся отчасти и Костромы, отмѣтимъ подъ 1377 г. слѣдующее: по смерти нареченнаго митрополита Митяя архимандритъ Пименъ, одинъ изъ сопровождавшихъ Митяя въ Царьградъ, хитростью достигъ митрополичьяго сана отъ патріарха царьградскаго Нила и потомъ отправился въ санѣ митрополита въ Русь. В. кн. Димитрій, желая не Пимена митрополитомъ, но Кипріана изъ Кіева, послалъ схватить Пимена въ Коломнѣ, когда онъ прибылъ туда; здѣсь сняли съ него бѣлый клобукъ и низложили съ митрополіи. В. кн. отправилъ его въ заточеніе; Пимена повели мимо Москвы къ Переяславлю, потомъ въ Ростовъ, Кострому и Галичъ и наконецъ заточили въ Чухломѣ, но чрезъ годъ онъ былъ отведенъ въ Тверь.

Одолѣвъ сильныхъ своихъ соперниковъ: князя суздальскаго, рязанскаго и тверскаго и возвративъ подъ свою власть пріобрѣтенія своего дѣда, князь Димитрій еще болѣе усилилъ Москву и теперь уже многіе князья земли русской были подъ его рукою. Димитрій чуствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился вступить въ открытую борьбу съ татарами. Но прежде онъ желалъ распространить еще болѣе свои владѣнія и завоевать Болгарію и съ этою цѣлію отправилъ полки свои къ Казани. Казанцы выступили въ поле противъ русскихъ, но были обращены въ бѣгство и болгарскіе владѣтели должны были покориться великому князю, давъ ему окупъ. Ханъ Мамай, узнавъ о рѣшимости русскихъ дѣйствовать силою, отправилъ полки свои противъ великаго князя. На первый разъ русскіе были разбиты, а татары предали разрушенію Нижній Новгородъ. Димитрій Ивановичъ снова собираетъ полки и на р. Вожѣ въ рязанской области наноситъ пораженіе татарамъ. Эта побѣда русскихъ возбудила сильный гнѣвъ Мамая и онъ рѣшился разгромить Русь подобно Батыю. В. князь разсылаетъ гонцевъ по всему великому княженію, призывая отовсюду полки въ Москву. Въ скоромъ времени Москва наполнилась ратными людьми изъ разныхъ городовъ и волостей великаго княженія; прибыли и костромичи съ воеводою Іоанномъ Родіоновичемъ Квашнею. 1380 г. 8 сентября произошла знаменитая не только въ русской, но и во всемірной исторіи битва Куликовская при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ (*). Кровопролитіе было страшное: на разстояніи 10 верстъ лилась кровь христіанъ и мусульманъ, но русскіе покрыли себя неувядаемою славою: татары были разбиты и обращены въ бѣгство. Въ этомъ торжествѣ побѣды русскихъ надъ татарами участвовали и костромичи подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни. По сказаніямъ въ этомъ славномъ бою погибло до 20 знат-

(*) Куликово поле нынѣ въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда.

ныхъ костромскихъ бояръ. Куликовская побѣда не избавила Руси отъ тяготѣвшаго надъ нею ига татарскаго. Новый ханъ золотой орды Тохтамышъ потребовалъ на поклонъ къ себѣ въ орду всѣхъ князей русскихъ. Но Димитрій, надѣясь на слабость орды и на свое могущество, отвѣчалъ отказомъ. Тохтамышъ уже замышлялъ походъ на Россію и до великаго князя не замедлила дойти вѣсть о томъ, что Тохтамышъ уже идетъ на Русь. В. князь намѣревался было уже второй разъ выступить въ поле противъ враговъ, но другіе князья не были такъ мужественны и рѣшительны, и великій князь рѣшился лучше защищаться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нежели выступать въ поле. Къ тому же послѣ Куликовской битвы оставшіяся войска были распущены по городамъ и волостямъ, много ихъ погибло въ бою; нужно было собирать новую рать и вотъ великій князь Димитрій идетъ изъ Москвы собирать рать сначала въ свой городъ Переяславль и оттуда мимо Ростова спѣшно прибылъ со всѣмъ семействомъ въ Кострому 1382 г. Тохтамышъ уже былъ близъ Москвы. Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы. Народъ, оставленный великимъ княземъ и митрополитомъ, волновался. Но воеводой москвитянъ былъ теперь мужественный князь литовскій Остей, присланный вѣроятно кн. Димитріемъ. Онъ своимъ примѣромъ такъ воодушевилъ гражданъ Москвы, что всѣ приступы татаръ были отбиты. Тохтамышъ рѣшился коварствомъ завладѣть Москвою и вступилъ въ притворные переговоры о мирѣ; но едва граждане съ воеводой Остеемъ отворили ворота, какъ татары обнажили мечи, умертвили Остея, ворвались въ городъ и всюду начали производить опустошенія въ столицѣ. Затѣмъ татары разсыпались по областямъ великаго княженія и опустошили другіе города. Но близъ Волока были разбиты двоюроднымъ братомъ великаго князя Владиміромъ Андреевичемъ. Тохтамышъ, узнавъ объ этой побѣдѣ отступилъ отъ Москвы и вскорѣ оставилъ Россію. Димитрій Донской, по возвращеніи изъ Костромы, найдя Москву разрушенною

опустошенною пожаромъ, приступилъ къ возобновленію ея. Митрополитъ Кипріанъ за свое малодушіе былъ лишенъ митрополіи, на которую былъ возведенъ изгнанникъ Пименъ. Когда непримиримый соперникъ Димитрія кн. тверской Михаилъ Александровичъ, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ великаго князя, сталъ снова домогаться у татаръ великаго княженія, в. кн. Димитрій вынужденъ былъ изъявить покорность хану и, получивъ отъ него прощеніе, удержалъ за собою великое княженіе. Теперь онъ рѣшился наказать новгородцевъ за ихъ набѣги на волости великаго княженія и особенно на Кострому. Собравъ сильную рать въ 1386, в. кн. пошелъ на Новгородъ. Новгородцы смирились и обязались повиноваться великому князю, внеся большую сумму въ великокняжескую казну за тотъ ущербъ, какой новгородскіе ушкунцы причинили областямъ великаго княженія и особенно Костромѣ. Въ 1389 году разболѣлся великій князь Димитрій Донскій. Призвавъ къ себѣ княгиню и дѣтей, онъ сдѣлалъ имъ завѣщаніе: старшаго сына Василія назначилъ на старшій великокняжескій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; далъ ему отчину свою землю русскую, присовокупляетъ лѣтописецъ, а другимъ сыновьямъ раздалъ города своей отчины: второму сыну Юрію далъ городъ Звенигородъ со всѣми пошлинами и Галичъ (*), куплю дѣда своего, «иже нѣколи было княженіе галицкое», замѣчаетъ лѣтописецъ. Остальнымъ сыновьямъ назначилъ другіе города. Великая княгиня Евдокія въ числѣ другихъ волостей получила въ костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою, изъ Галича —Соль. 1389 г. 19 мая, въ 2 часа ночи, мирно испустилъ духъ доблестный великій князь Димитрій Ивановичъ Донской 40 лѣтъ отъ рожденія. Въ завѣщаніи Димитрія Донскаго не упоминается Костромы, такъ какъ она была своимъ городомъ или достояніемъ

(*) Галичъ былъ отданъ Юрію съ волостями и селами, которыя тянули въ Костромѣ, Никольскимъ и Борисовскимъ.

великаго князя московскаго. По смерти Димитрія Донскаго, на престолъ великокняжескій вступилъ въ 1389 г. старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ.

Въ княженіе в. кн. Василія Димитріевича охотно отдалась въ его власть двинская волость, принадлежавшая Новгороду. В. кн. занялъ еще Торжокъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новгородцы потребовали отъ великаго князя возвращенія двинской земли, но в. кн. отказалъ. Тогда новгородцы на вѣчѣ положили итти ратію на великаго князя и умереть за правду. Въ 1398 г. подъ предводительствомъ посадника Тимофея Юрьевича и другихъ воеводъ новгородцы въ числѣ 3 тысячъ человѣкъ опустошили сначала бѣлозерскія волости, кубенскія, а потомъ галицкія. Результатомъ похода было подчиненіе снова двинской земли новгороду и великій князь Василій Дмитріевичъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Походы новгородцѣвъ на волости великаго князя и въ частности на галицкія совершались не разъ, но новгородцы были часто съ успѣхомъ отражаемы ратію великаго князя. Отношенія къ ордѣ Василія Дмитріевича были уже почти независимыя. Онъ прекратилъ посылать въ орду дань и хотя въ Москву являлись по временамъ князья татарскіе за данью, но имъ былъ отвѣтъ: великое княженіе московское оскудѣло и не въ силахъ платить дань; послы ханскіе удалялись съ незначительными дарами. Но усилившійся въ то время князь ордынскій Эдигей возобновилъ походы татаръ на Русь съ цѣлію привести ее вновь въ полную покорность и зависимость. 1408 г. сильная татарская рать спѣшно направилась къ Москвѣ. Не успѣвъ собрать достаточную рать къ отраженію врага, великій кн. Василій Дмитріевичъ поступилъ по примѣру своего отца, уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ свой городъ Кострому, поручивъ защиту Москвы родственникамъ князьямъ, боярамъ и духовенству. По совѣту защитниковъ князей, зажженны были посады вокругъ Москвы; цѣлое моря огня окружало Москву. Между тѣмъ Эдигей приб-

лизился къ Москвѣ и, узнавъ объ отъѣздѣ великаго князя въ Кострому, отправилъ для преслѣдованія его къ Костромѣ тридцатитысячную рать. Татары опустошили многіе города великаго княженія, но не могли достигнуть до Костромы, гдѣ скрывался великій князь, и возратились назадъ. Смуты въ ордѣ и опасенія за то, что великій князь можетъ скоро прибыть изъ Костромы съ сильнымъ войскомъ для спасенія столицы, заставили Эдигея отступить отъ Москвы, но съ москвичей онъ взялъ окупъ въ 3 т. р. Такъ счастливо избавилась Москва и вся Русь отъ этого грознаго врага. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что вся земля была плѣнена, начиная отъ Рязани и до Галича и до Бѣлоозера, „всѣ были въ тугѣ и большой скорби и одержимы печалью". Т. Крживоблоцкій замѣчаетъ: „трудно понять, почему великіе князья избирали Кострому своимъ убѣжищемъ. Были города безопаснѣе и болѣе укрѣпленные. Вѣроятно усердіе и вѣрность костромичей были порукою безопасности" (*). Ясный отвѣтъ на то, почему великіе князья избирали убѣжищемъ Кострому, даетъ лѣтописецъ Воскресенской лѣтописи подъ 1541 г. Митрополитъ московскій говоритъ боярамъ, собравшимся на совѣтъ по случаю нападенія на московское государство крымцевъ: „а въ которые города въ приходы татарскіе государи наши отступали на Кострому и въ иные города, и тѣ города по грѣхамъ нашимъ нынѣча не мирны съ Казанію: а въ Новгородъ и Псковъ государи наши *не отступали литовскаго для рубежа и нѣмецкаго*. Великіе князья съ Москвы съѣзживали, а въ городѣ дядь и братью свою оставливали". Итакъ, по объясненію лѣтописца, Кострома и др. города, гдѣ укрывались отъ татаръ великіе князья, были мѣстами болѣе безопасными, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, находившіеся близъ литовской и нѣмецкой границы. Въ 1410 г. великій князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ срубить городъ Плесъ, вѣроятно, какъ укрѣпленный оплотъ для защиты отъ набѣговъ татарскихъ. Подъ

(*) Стр. 6 „Матеріаловъ". Тоже и въ исторіи Костромы кн. Козловскаго, примѣч. 25.

1416 г. встрѣчаемъ въ академическомъ спискѣ лѣтописи и въ Воскресенской извѣстіе о томъ, что въ этотъ годъ былъ заложенъ городъ Кострома Объясненіемъ этого сказанія о заложеніи Костромы служитъ извѣстіе тверскаго лѣтописца о пожарѣ въ Костромѣ въ 1413 г.: «въ 30 день іюня погорѣ градъ Кострома и сгорѣ церквей 30». Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Кострома въ началѣ XV в. была большимъ уже городомъ, имѣвшимъ 30, а, можетъ быть, и болѣе церквей, если не всѣ церкви были истреблены пожаромъ. Тѣмъ не менѣе городъ подвергся страшному бѣдствію отъ пожара и въ 1416 г. былъ заложенъ вновь и, можетъ быть, обнесенъ стѣною, какъ говорится то въ очеркахъ исторіи Костромы. Но не успѣла Кострома оправиться отъ ужаснаго бѣдствія, какъ вскорѣ ее постигаютъ другія несчастія. Въ 1420 г. съ 15 августа распостранилось моровое повѣтріе въ Костромѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, Плесѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ много вымирало людей, что не кому было и жито жать. Въ 1422 г. новое бѣдствіе постигаетъ всю землю русскую и въ частности Кострому,—это голодъ до того сильный, что коробъ ржи (4 четверика) въ Москвѣ стоилъ рубль,—цѣна очень высокая по тогдашнему счету и времени,—а въ Костромѣ два рубля, въ Нижнемъ-Новгородѣ по 200 алтынъ. Вслѣдствіе голода была большая смертность, такъ какъ ѣли всякую падаль. Въ 1425 г. скончался великій князь Василій Дмитріевичъ и на великое княженіе вступилъ сынъ его еще десятилѣтній Василій Васильевичъ. По второму завѣщанію Василія Дмитріевича великая княгиня Софія Витовтовна получила изъ Костромы Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волчкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгинскимъ селомъ. По вступленіи на великокняжескій престолъ Василія Васильевича, начинается послѣдняя усобица изъ за великаго княженія. Дядя Василія Юрій кн. галицкій предъявилъ, какъ старшій въ родѣ, свои права на великое княженіе и въ дальнѣйшихъ событіяхъ Галичъ играетъ уже важную историческую роль.

Послѣдняя усобица въ Рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія.

По мѣрѣ усиленія и возрастанія Москвы, начинаетъ упрочиваться на Руси и новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, но не къ старшему въ родѣ, какъ было въ обычаѣ въ старину. Какъ извѣстно, тогда нерѣдко изъ за нарушенія правъ старѣйшинства въ родѣ возникали кровопролитныя междоусобія между князьями: дядей съ племянниками. Василій Димитріевичъ, по устанавливавшемуся уже новому порядку престолонаслѣдія, благословляетъ въ 1425 г. на великокняжескій столъ старшаго сына своего еще десятилѣтняго Василія помимо своихъ братьевъ. Но преданія старины были еще живучи и вотъ одинъ изъ дядей Василія Васильевича, князь звенигородскій и галицкій, Юрій Дмитріевичъ, по старинѣ, не признаетъ старшинства племянника и домогается самъ великаго княженія. Началась продолжительная усобица между потомками Калиты изъ за великаго княженія, которую продолжали и сыновья Юрія послѣ его смерти, усобица, впрочемъ, разнящаяся, хотя не въ существенныхъ чертахъ, отъ древнихъ междоусобій изъ за той же причины. Духовная власть оказывала большое содѣйствіе возвышенію московскихъ князей; митрополиты держали всегда ихъ сторону. Такъ и теперь, по кончинѣ в. к. Василія Дмитріевича, митрополитъ московскій Фотій въ ту же ночь отправилъ своего боярина Акинѳа Аслебятева въ Звенигородъ за кн. Юріемъ Дмитріевичемъ, призывая его прибыть въ Москву съ цѣлію, вѣроятно, чтобы онъ призналъ старшинство десятилѣтняго племянника Василія. Отсюда мы заключаемъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія еще не установился прочно на Руси. Безпрепятственно онъ и не могъ установиться, когда продолжалась еще удѣльная система и многіе удѣлы еще не были присоединены къ Москвѣ. Хотя сильныя княжества, со-

перничавшія съ Москвою, Нижегородское, Рязанское и Тверское были ослаблены мощною рукою Димитрія Донскаго; но теперь является новый сильный соперникъ кн. московскому, его дядя Юрій, владѣвшій двумя удѣлами: Звенигородомъ и Галичемъ. Князь Юрій не внялъ призыву митрополита Фотія и не поѣхалъ въ Москву. Изъ опасенія близости Москвы, онъ отправился въ другой свой удѣлъ Галичъ, болѣе отдаленный отъ Москвы, чѣмъ Звенигородъ, чтобы тамъ успѣшнѣе приготовиться къ борьбѣ съ племянникомъ. Между тѣмъ, чтобы имѣть время для приготовленій, онъ заключаетъ съ племянникомъ перемиріе, разсылаетъ по всей своей отчинѣ гонцовъ за ратными людьми и когда они собрались изъ всѣхъ волостей его, идетъ въ походъ на великаго князя. Въ Москвѣ уже знали о приготовленіи Юрія и в. кн. Василій съ прочими дядями и съ сильною ратью предупредилъ Юрія, двинувшись къ Костромѣ. Напуганный такою рѣшительностью вел. князя, князь Юрій не рѣшился выступить на бой съ нимъ, но удалился со всѣми людьми своими въ Нижній Новгородъ. В. кн. отправилъ преслѣдовать его дядю своего Константина. Юрій изъ Нижняго бѣжалъ за р. Суру, впадающую въ Волгу ниже Нижняго-Новгорода, и остановился на берегу ея. Кн. Константинъ, дойдя до Суры, остановился на противоположномъ берегу. Неизвѣстно опредѣленно, почему Константинъ не переправился чрезъ Суру и не вступилъ въ бой съ Юріемъ. Лѣтописецъ глухо замѣчаетъ: „понеже бо нелзѣ перейти къ нему за рѣку“, (*) можетъ быть по случаю наступающаго или наступившаго весенняго разлива. Соловьевъ же въ исторіи (**) замѣчаетъ, что, по нѣкоторымъ вѣроятнымъ извѣстіямъ, кн. Константинъ болѣе радѣлъ брату, чѣмъ племяннику, и потому не хотѣлъ преслѣдовать перваго и возвратился въ Москву. Князь Юрій, по

(*). Воскр. лѣт. подъ 1425 г.

(**) Т. IV стр. 53.

уходѣ Константина, прибылъ въ Нижній-Новгородъ и отсюда въ свой Галичъ. Къ великому князю онъ отправилъ пословъ просить перемирія на годъ. Но великій кн. желалъ прочнаго мира. Съ общаго совѣта: митрополита Фотія, матери великаго кн. княгини Софіи, дядей его и дѣда великаго кн. литовскаго Витовта въ Москвѣ рѣшено было отправить къ кн. Юрію посломъ для заключенія вѣчнаго мира митрополита Фотія. Митрополитъ тѣмъ же лѣтомъ отправился въ Галичъ Безъ замедленія на пути, даже не слушавши обѣдни въ Ярославлѣ, Фотій ѣхалъ въ Галичъ. Услыхавъ объ этомъ, кн. Юрій, собравъ людей со всей своей отчины, съ дѣтьми своими и боярами и лучшими людьми вышелъ изъ города на срѣтеніе митрополита, а чернь изъ своихъ городовъ, волостей, селъ и деревень поставилъ на горѣ со стороны въѣзда митрополита въ городъ, дабы показать ему великое множество людей. Митрополитъ прибылъ въ посадъ города и вошелъ въ церковь Преображенія, что на посадѣ на Подолѣ у озера. Помолившись и выйдя изъ церкви, онъ, смотря на множество народа на горѣ, сказалъ кн. Юрію: «сынъ мой! Я еще не видалъ такого множества народа въ овечьей шерсти", „вси бо бяху въ сермягахъ", замѣчаетъ лѣтописецъ и затѣмъ присовокупляетъ: „князь бо хотя явитися яко многи люди имѣ, а святитель въ глумъ си вмѣнивъ себѣ", т. е. митрополитъ далъ понять кн. Юрію, что люди эти въ сермягахъ не боевые ратники. Прибывъ въ отведенныя келліи, митрополитъ началъ убѣждать кн. Юрія заключить съ великимъ кн. миръ, чтобы не было кровопролитія Но Юрій не согласился на миръ, а просилъ только перемирія. Разгнѣванный такимъ упорствомъ Юрія, митрополитъ не далъ благословенія ни ему ни городу, скоро выѣхалъ изъ Галича и въ тотъ же часъ, говоритъ лѣтописецъ, началась какая то смертоносная болѣзнь въ городѣ. Кн. Юрій, услыхавъ о томъ, самъ поскакалъ вслѣдъ за митрополитомъ и настигъ его за озеромъ

въ селѣ Пасынковѣ (*) Покаявшись въ своемъ грѣхѣ, онъ едва уговорилъ митрополита возвратиться въ городъ. Митрополитъ снова вступилъ въ Галичъ, благословилъ князя и городъ и болѣзнь прекратилась. Преподавъ поученіе кн. Юрію о любви не только къ братьямъ, но и ко всѣмъ православнымъ, митрополитъ съ честію, въ сопровожденіи кн. Юрія и всего народа отбылъ изъ Галича, взявъ съ Юрія обѣщаніе отправить къ вел. князю пословъ для заключенія мира. Въ скоромъ времени кн. Юрій отправилъ въ Москву бояръ: Бориса Галицкаго и Даніила Чешка и миръ былъ заключенъ на томъ условіи, чтобы кн. Юрію не домогаться великаго княженія своими силами, но чрезъ хана: кого ханъ пожалуетъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ и княземъ Новгорода Великаго и всей Руси. Миръ былъ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но условіе мира ѣхать въ орду за рѣшеніемъ ханскимъ не было приведено въ исполненіе потому, вѣроятно, что въ это время ханы ордынскіе часто смѣнялись, а князья русскіе со времени Донскаго стали уклоняться отъ ханскаго суда. Въ 1428 г. в. кн. и кн. Юрій сами заключили формальнымъ договоромъ миръ. Въ договорной граматѣ этого мира въ 1428 г., дошедшей до насъ, кн. Юрій именуется молодшимъ братомъ, обязывается цѣловать крестъ къ своему старшему брату вел. князю Василію, обязывается быть съ нимъ вездѣ за одно до смерти и не вступаться въ великое княженіе и въ тѣ волости, которыми великаго князя Василія благословилъ отецъ его или что онъ самъ примыслилъ. Равнымъ образомъ и кн. Василій обязывается не вступаться во владѣнія Юрія, которыми его благословилъ отецъ Димитрій Ивановичъ, т. е. въ Звенигородъ и Галичъ съ волостями и селами великаго княженія, также и во владѣніе Вяткою, которую ему пожаловалъ братъ его Василій Дмитріевичъ. Кн. Юрій обязывается платить вел. князю дань и ямъ давать съ отчины своей Галича по давнему, какъ давалъ онъ и отцу его великому князю,

[*] Нынѣ Сынково.

а съ Звенигорода и волостей платить дань и ямъ давать по истеченіи четырехъ лѣтъ по старому, какъ давалъ и отцу его великому князю Василію Дмитріевичу", Между другими условіями мира, которыми князья обязывались взаимно защищать другъ друга и во всемъ поступать по правдѣ, въ договорной граматѣ этой, равно какъ и въ другихъ послѣдующихъ есть и такое: „а перемѣнитъ Богъ орду, не иму давати татарамъ, и тобѣ имати дань и ямъ съ своее отчины собѣ" (*). Очевидно, что здѣсь выражается надежда и даже увѣренность въ возможности скоро освободиться отъ ига татарскаго. Между тѣмъ татары дѣлали свои набѣги на области русскія съ цѣлію грабежа. Такъ подъ 1429 г. въ лѣтописяхъ повѣствуется о нападеніи татаръ на Галичъ, но города они не взяли, а только повоевали волости. На праздникъ Крещенія Господня они напали на Кострому, взяли ее и еще Плесъ и Лухъ (**) и съ награбленной добычей и плѣнниками пошли внизъ по Волгѣ. В. кн. послалъ преслѣдовать ихъ своихъ дядей князей Андрея и Константина и боярина Ивана Дмитріевича съ своими полками. Они до самаго Нижняго Новгорода не могли настигнуть татаръ и возвратились. Князь же Ѳедоръ стародубскій и воевода Ѳедоръ Константиновичъ Добрынскій, опередивъ другихъ, съ своими полками погнались за татарами и, настигнувъ, побили задній отрядъ татарскій и бесерменъ (купцовъ бесерменскихъ), отняли у нихъ награбленное, но не могли настигнуть передовой отрядъ съ предводителемъ царевичемъ Алибабомъ. Въ слѣдующемъ 1430 г. снова начинается только на время прекратившаяся вражда между Юріемъ Дмитріевичемъ и вел. княземъ Василіемъ. Лѣтотописецъ (***) говоритъ только «князь

(*) Собр. гос. граматъ и договоровъ, 1813 г. ч. I, стр. 87, №№ 43, 44. Соловьевъ говоритъ, что Юрій Дмитріевичъ призналъ старшинство племянника потому, что Софья Витовтовна, мать вел. кн., въ 1427 г. ѣздила къ отцу своему Витовту и поручила ему какъ сына такъ и все московское княжество. Истор. т. IV, стр. 84.

(**) Кн. Козловскій присовокупляетъ: Солдогу и Кинешму. Ист. Костр, стр 51.

(***) Воскр. лѣт. 1430 г.

Юрій Дмитріевичъ разверже миръ съ великимъ княземъ Васил. Васильевичемъ», не объясняя причины или повода къ разрыву: Соловьевъ (*) поводомъ къ этому считаетъ смерть Витовта, опасаясь котораго Юрій Дмитріевичъ ранѣе заключилъ мирный договоръ. Кромѣ того, по смерти Витовта на литовскій престолъ вступилъ Свидригайло, своякъ Юрія. Пользуясь такими обстоятельствами, Юрій въ 1431 г. снова начинаетъ искать великаго княженія, по смыслу перваго договора, чрезъ хана. Оба соперника отправляются на судъ хана Улу-Махмета. Въ праздникъ Успенія Богородицы, отслушавъ литургію и молебенъ Б. Матери и Чудотворцу митрополиту Петру, вел. кн. повелѣлъ раздать обильную милостыню церквамъ и монастырямъ московскимъ и нищимъ, тоже приказалъ сдѣлать и по всѣмъ городамъ своимъ. Отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря подъ перевѣсіемъ, Василій со слезами отправился въ путь. Чрезъ нѣсколько дней, 8 сентября, вслѣдъ за Василіемъ, пошелъ въ орду и кн. Юрій Дмитріевичъ. Въ ордѣ ихъ обоихъ взялъ къ себѣ въ улусъ вельможа ханскій Миньбулатъ. Онъ былъ на сторонѣ великаго князя и оказывалъ ему честь, а князю Юрію безчестіе и томилъ его какъ въ плѣну. Но къ Юрію былъ расположенъ князь ордынскій Ширинтягиня. Онъ взялъ Юрія силою отъ Миньбулата и обѣщалъ выхлопотать ему у хана великое княженіе. Ширинтягиня пошелъ съ Юріемъ на зимовку въ Крымъ, а великаго князя оставилъ у Миньбулата. Ходатаемъ за великаго князя явился въ ордѣ ловкій бояринъ его Иванъ Дмитріевичъ. Онъ, въ расчетѣ подстрекнуть самолюбіе вельможъ ордынскихъ, такъ какъ больше ихъ всѣхъ въ ордѣ имѣлъ вліяніе на хана вельможа Ширинтягиня, началъ такъ говорить Айдару, Миньбулату и прочимъ вельможамъ: «значитъ ли что нибудь ваше печалованіе къ хану и ваши обѣщанія его именемъ въ пользу великаго князя, когда ханъ во всемъ слуша-

---

(*) IV, стр. 54.

етъ не васъ, а Тегиню и по его слову дастъ великое княженіе Юрію? Но если ханъ по его слову такъ поступить, то что будетъ тогда съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ его своякъ Свидригайло, а Тегиня будетъ въ ордѣ повелѣвать даже самимъ ханомъ, не только вами». Какъ стрѣлою, этой рѣчью бояринъ уязвилъ сердца вельможъ ханскихъ и они начали хану бить челомъ за кн. Василія, вступали съ ханомъ въ споръ, наконецъ такъ убѣдили и возстановили его противъ Тегини, что ханъ даже далъ повелѣніе убить его, если онъ будетъ говорить за кн. Юрія. Весной возвратился Тегиня съ Юріемъ изъ Крыма и уже намѣревался хлопотать за него предъ ханомъ, но его во время предупредилъ родственникъ, постельникъ ханскій Усеинъ, передавъ Тегинѣ распоряженіе хана. Тегиня теперь боялся сказать что нибудь противъ. Ханъ между тѣмъ повелѣлъ своимъ князьямъ произвести судъ надъ князьями русскими. Князья долго и ожесточенно спорили на судѣ. Кн. Василій доказывалъ свои права на великое княженіе на основаніи дѣдовскаго и отцовскаго завѣщанія, устанавливавшаго новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну; князь же Юрій отстаивалъ свои права на основаніи лѣтописей и старыхъ родословныхъ и духовной граматы отца своего Димитрія, иначе сказать: онъ стоялъ за старый порядокъ престолонаслѣдія старшаго въ родѣ. Здѣсь, на судѣ ханскомъ такимъ образомъ рѣшался важный вопросъ: быть ли старому или новому порядку престолонаслѣдованія? Рѣшителемъ спора по этому важному вопросу опять выступаетъ предъ ханомъ умный бояринъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ. Онъ сказалъ хану: „Государь, вольный Царь! Позволь холопу велик. князя сказать слово. Нашъ государь вел. князь Василій ищетъ своего стола великокняжескаго, твоего владѣнія, по твоему же цареву пожалованію и по твоимъ граматамъ и ярлыкамъ, а господинъ нашъ кн. Юрій Дмитріевичъ хочетъ получить великое княженіе по мертвой граматѣ отца своего, а не по твоему пожалованію;

ты же воленъ въ своемъ улусѣ; жалуешь имъ того, кого хочешь; а государь нашъ вел. кн. Василій Дмитріевичъ далъ великое княженіе сыну своему вел. князю Василію по твоему пожалованію и который уже годъ онъ сидитъ на столѣ своемъ, пожалованномъ тобою, повинуясь тебѣ, о томъ ты самъ знаешь". Рѣчь эта, выражавшая пренебреженіе къ прежнему порядку вещей, имѣла успѣхъ. Ханъ далъ великое княженіе Василію Васильевичу, а князю Юрію повелѣлъ вести подъ нимъ коня; но великій князь не хотѣлъ такого униженія дяди. Ширинтягиня, доброжелатель Юрія, услыхавъ, что на Махмета идетъ войною ханъ Кичихъ-Ахметъ, воспротивился распоряженію хана и даже хотѣлъ уйти отъ него. Ханъ, изъ опасенія измѣны Тегини, по его ходатайству придалъ Юрію къ его владѣніямъ еще Дмитровъ съ волостями и потомъ отпустилъ обоихъ князей въ ихъ вотчины. В. кн. возвратился въ Москву съ посломъ ханскимъ царевичемъ Мансыремъ Уланомъ, который и посадилъ его на великокняжескій столъ, а кн. Юрій возвратился въ Звенигородъ и отсюда прибылъ въ Дмитровъ. Но въ томъ же 1432 г., изъ опасенія близости вел. князя, онъ оставилъ Дмитровъ и ушелъ въ свой Галичъ, а великій кн. Дмитровъ взялъ себѣ, выславъ изъ него намѣстниковъ Юрьевыхъ. Ясно, что Юрій Дмитріевичъ не могъ успокоиться на рѣшеніи ханскомъ и не отчаявался достигнуть великокняжескаго стола. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы борьба снова возгорѣлась. На сей разъ борьбу возжегъ тотъ самый бояринъ великокняжескій Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, по убѣжденію котораго ханъ далъ Василію Васильевичу великокняжескій столъ. Кромѣ того, вражду еще болѣе усилило оскорбленіе, нанесенное матерью в. князя Софьей Витовтовной сыновьямъ Юрія. Какъ говорятъ, кн. Василій въ ордѣ обѣщалъ боярину Ивану Дмитріевичу жениться на его дочери. Но этотъ бракъ не состоялся, опредѣленно неизвѣстно по какой причинѣ; съ вѣроятностью можно думать, что мать вел. князя, гордая Софья Витовтовна, находя

унизительнымъ великому князю вступать въ бракъ съ дочерью боярина, воспрепятствовала этому и вел. князь обрученъ былъ съ дочерью кн. Ярослава Владиміровича, т. е. внукой Владиміра Андреевича Храбраго, княжной Боровской. Оскорбленный такою неблагодарностью великаго князя бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій (*) отъѣхалъ изъ Москвы отъ великаго князя сначала въ Угличъ къ кн. Константину Дмитріевичу, а отсюда въ Тверь къ сопернику московскаго князя. Вѣроятно, не имѣя желаемаго успѣха въ обоихъ мѣстахъ, Иванъ Дмитріевичъ рѣшился наконецъ отъѣхать къ Юрію въ Галичъ и былъ принятъ имъ. Онъ началъ уговаривать кн. Юрія снова поднять оружіе на племянника, чтобы завладѣть великимъ княженіемъ. По его убѣжденію, кн. Юрій рѣшился возобновить борьбу и послалъ въ Москву за своими сыновьями: Василіемъ и Димитріемъ. Тѣ пировали въ это время на свадьбѣ великаго князя Василія. Здѣсь имъ было нанесено жестокое оскорбленіе. Кн. Василій Юрьевичъ явился на свадебный пиръ въ золотомъ съ цѣпями, украшенномъ драгоцѣнными каменьями поясѣ. Кто-то изъ бояръ, бывшихъ на свадьбѣ, узналъ этотъ поясъ и сказалъ Софьѣ Витовтовнѣ, что онъ долженъ быть собственностью великаго князя, такъ какъ онъ былъ данъ княземъ суздальскимъ Димитріемъ Константиновичемъ за дочерью Евдокіею въ приданое Димитрію Донскому. Но тысяцкій тогдашній Василій Вельяминовъ похитилъ этотъ поясъ, подмѣнивъ его другимъ меньшимъ, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, женатому на старшей дочери кн. Димитрія суздальскаго. Николай далъ его въ приданое Ивану Дмитріевичу, а Иванъ далъ его въ приданое за своей дочерью кн. Андрею Владиміровичу. По смерти кн. Андрея Иванъ Дмитріевичъ дочь его, а свою внуку обручилъ за Василія Юрьевича и этотъ поясъ отдалъ ему въ приданое. Потому онъ и надѣтъ теперь на Вас.

(*) Онъ же Овинъ.

Юрьевичѣ. Софья Витовтовна сейчасъ же при всѣхъ велѣла снять поясъ съ Василія Юрьевича. Князья Василій и Димитрій, оскорбленные такимъ насильственнымъ поступкомъ Софьи, тотчасъ отъѣхали изъ Москвы къ отцу своему Юрію въ Галичъ, разграбивъ на пути Ярославль. Они, очевидно, спѣшили побудить отца отмстить великому князю и матери его за это оскорбленіе. Но кн. Юрій уже собрался въ походъ на великаго князя. Вмѣстѣ съ дѣтьми и бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ, онъ съ большою ратію быстро пошелъ къ Москвѣ, такъ что великій кн. даже и не зналъ объ этомъ. Юрій уже былъ въ Переяславлѣ, когда намѣстникъ великокняжескій изъ Ростова Петръ Константиновичъ прибылъ въ Москву съ извѣстіемъ о походѣ Юрія на вел. князя. Вел. кн. былъ застигнутъ врасплохъ и потому отправилъ къ дядѣ пословъ: Өедора Андреевича Лжа и Өедора Товаркова съ предложеніемъ мира. Послы встрѣтили кн. Юрія у Троицко-Сергіева монастыря. Юрій не согласился на миръ, а бояринъ Иванъ Дмитріевичъ не давалъ даже слова вымолвить о мирѣ; между боярами произошла ссора; другъ друга они поносили неподобными словами, говоритъ лѣтописецъ. Послы возвратились къ великому князю безъ успѣха. Кн. вел., наскорѣ собравъ людей, какіе были около него, даже гостей московскихъ, вышелъ противъ Юрія и встрѣтилъ его на Клязьмѣ въ 20 верстахъ отъ Москвы. У Юрія была большая рать, у великаго же князя несравненно меньше людей; однакожъ они вступили въ бой. Отъ москвичей, впрочемъ, не было помощи, такъ какъ многіе изъ нихъ были пьяны, а иные даже привезли еще и съ собой питья. В. князь, видя безуспѣшность боя и оставаясь безъ помощи откуда бы то ни было, побѣжалъ къ Твери съ матерію и съ княгинею, а съ Твери въ Кострому. Князь Юрій, сѣвъ въ Москвѣ на великокняжескій столъ въ 1433 г., дѣтей своихъ отправилъ на великаго князя къ Костромѣ, куда вскорѣ пошелъ и самъ. Великаго князя ожидала горькая участь; онъ былъ захваченъ въ Костромѣ въ плѣнъ; но его

выручилъ изъ бѣды любимецъ кн. Юрія бояринъ Семенъ Морозовъ. Онъ склонилъ князя Юрія на миръ съ племянникомъ и посовѣтовалъ дать ему въ удѣлъ Коломну (*). Напрасно противились этому дѣти Юрія и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Василій Васильевичъ съ честію былъ отпущенъ въ Коломну. Но скоро князь Юрій долженъ былъ увидѣть свою оплошность. Въ Москвѣ не были къ нему расположены и считали его не поправу захватившимъ великое княженіе. Такъ уже очевидно отжилъ свое время старый порядокъ престолонаслѣдія и упрочивался новый. Изъ Москвы великое множество служилыхъ людей переселилось въ Коломну подъ державу Василія, даже и бояринъ Иванъ Дмитріевичъ съ дѣтьми отъѣхалъ тудаже (**). Дѣти Юрія: Василій Косой и Димитрій Шемяка, очевидно надѣявшіеся княжить въ Москвѣ послѣ отца, видя, что ни у отца, ни у нихъ не осталось никого изъ людей, убили со злости боярина, любимца Юрія, Семена Морозова, объявивъ ему вину: „ты причинилъ такую бѣду отцу нашему и намъ“, и сами убѣжали отъ отца въ Кострому (***), вѣроятно, боясь гнѣва родительскаго за самоуправство. Кн. Юрій, находя непрочнымъ свое положеніе въ Москвѣ и оставшись безъ дѣтей и безъ служилыхъ людей, отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и ушелъ сначала въ Звенигородъ, а потомъ въ Галичъ. Василій Васильевичъ снова сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Съ княземъ Юріемъ онъ вновь заключилъ миръ, по которому Юрій обязывался за себя и за меньшаго сына своего Димитрія Краснаго не принимать къ себѣ старшихъ сыновей: Василія Косого и Димитрія Шемяку и не помогать имъ, отказался

(*) Въ очеркѣ Крживоблоцкаго неправильно сказано, что Василій получилъ въ удѣлъ Кострому; можетъ быть это опечатка, вмѣсто Коломну.

(**) Въ Тверской лѣтописи, впрочемъ, сказано, что кн. Василій Ивана Дмитріевича поималъ и велѣлъ его ослѣпить, стр. 490.

(***) Въ теченіи этой знаменитой борьбы Кострома, какъ видно, служила мѣстомъ убѣжища князей и сборнымъ пунктомъ ихъ ратей.

отъ Дмитрова, взявъ вмѣсто его Бѣжецкій Верхъ съ другими волостями, призналъ племянника старшимъ братомъ, но выговорилъ себѣ право не давать ему помощи противъ литовскаго князя Свидригайла, своего свояка, если великій князь пойдетъ на него войною. Изъ граматы этого мирнаго договора мы узнаемъ о волостяхъ костромскихъ, уступленныхъ великимъ княземъ Юрію: „что ми (Юрію) ся еси отступилъ изъ великаго княженія костромскихъ волостей: Андомы, Кореги, Борку, Березовца съ Залѣсьемъ, да Шыленги...., а того вамъ (Василію) всего подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ, подъ Дмитріемъ меньшимъ блюсти.(*)

Полагаясь на мирный договоръ, обязывавшій Юрія не помогать старшимъ сыновьямъ своимъ, великій кн. Василій посылаетъ въ томъ же 1433 г., подъ предводительствомъ воеводы Юрія Патрикеевича рать на нихъ къ Костромѣ. Юрьевичи съ вятчанами и галичанами встрѣтили рать великаго кн. на рѣкѣ Куси (**), разбили ее, воеводу Юрія Патрикеевича взяли въ плѣнъ и возвратились опять въ Кострому, и когда Волга покрылась льдомъ, отступили къ Турдеевымъ оврагамъ. (***) Кн. Юрій оказался измѣнникомъ; вопреки заключенному договору, его воеводы и полки, какъ оказалось, участвовали въ бою на Куси на сторонѣ сыновей. Узнавъ объ этой измѣнѣ дяди, великій князь идетъ въ слѣдующемъ 1434 г. ратью на Юрія къ Галичу. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а вел. князь взялъ и сжегъ Галичъ, жителей многихъ плѣнилъ и, опустошивъ волость галицкую, возвратился въ Москву. Въ ознаменованіе своей побѣды, онъ взялъ образъ Овиновскій Б. Матери изъ галиц. Успенскаго монастыря. Принеся оный въ Москву, поставилъ его въ соборной церкви, повелѣвъ охранять стражѣ. При всемъ томъ образъ оттуда неожиданно, въ туже ночь, неви-

(*) Собр. госуд. грам. и догов., ч. I, стр. 100.

(**) Протекаетъ теперь Макарьевскимъ и Галицкимъ уѣздами.

(***) Названіе произошло, вѣроятно, отъ имени божества тура.

димою чудесною силою обратно былъ перенесенъ въ храмъ прежняго монастыря и поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился (*). Кн. Юрій, возвратившись въ Галичъ, началъ опять собираться въ походъ на великаго князя, и съ большою ратью, къ числѣ коей были и вятчане, съ тремя сыновьями своими пошелъ на Василія къ Москвѣ. Вел. князь, узнавъ о новомъ походѣ дяди, соединившись съ кн. Иваномъ Можайскимъ, вышелъ противъ дяди. Князья встрѣтились въ ростовской области близъ церкви Николая Святаго на горѣ. Въ Лазареву субботу произошелъ бой, кончившійся успѣшно для Юрія. Василій бѣжалъ въ Новгородъ Великій, а Иванъ Можайскій съ матерью своею въ Тверь къ своему зятю. В. кн. послалъ къ кн. Ивану родственника своего Андрея Голтяева съ просьбой не отступать отъ союза съ нимъ. Кн. Иванъ отвѣчалъ уклончиво: «Господинъ Государь! Гдѣ ни буду, вездѣ твой человѣкъ, только лишь бы мнѣ не потерять своей отчины и мать бы моя не скиталась по чужимъ областямъ». Кн. Юрій, въ свою очередь, желая отвлечь Ивана Можайскаго отъ союза съ Василіемъ, прислалъ посла Якова Жестова звать его къ себѣ въ Галичъ и кн. Иванъ предпочелъ присоединиться къ Юрію. Соединясь у Троицы, они пошли къ Москвѣ. На страстной недѣлѣ въ среду приступили къ Москвѣ и цѣлую недѣлю осаждали ее; Москва была взята; княгини: мать и жена великаго князя были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Звенигородъ. Князь Юрій снова сѣлъ на великое княженіе. В. кн. былъ въ Новгородѣ. Отсюда онъ ушелъ въ Мологу, потомъ въ Кострому и въ Нижній Новгородъ. Кн. Юрій отправилъ противъ него двухъ сыновей своихъ: Димитрія Шемяку и Димитрія Краснаго. Не получая ни откуда помощи, кн. Василій хотѣлъ было итти въ орду, но въ то время, когда Юрьевичи стояли во Владимірѣ, пришла къ нимъ вѣсть о внезапной кон-

---

(*) Ист. Костр. кн. Козловскаго, стр. 55. Послѣ опустошенія Галича Юрій Дмитріевичъ крѣпость, дворецъ и соборъ перенесъ на новое мѣсто, называемое теперь Кремль, гдѣ соборъ и донынѣ.

чинѣ отца ихъ Юрія и что на великое княженіе вступилъ ихъ старшій братъ Василій Косой. Послѣдній прислалъ къ нимъ извѣстіе о смерти отца и о своемъ вокняженіи. Они же отвѣчали ему: „если Богъ не судилъ, чтобы былъ великимъ княземъ отецъ нашъ, то мы и тебя не хотимъ“, и послали въ Нижній-Новгородъ за кн. Василіемъ. Послѣдній прибылъ во Владиміръ и, заключивъ миръ, пошелъ съ ними къ Москвѣ. Чѣмъ объяснить такой, по видимому, странный поступокъ младшихъ Юрьевичей, что они не признали великимъ княземъ старшаго роднаго брата своего, но врага, брата двоюроднаго? Этотъ поступокъ, такъ сказать, дипломатическій со стороны Юрьевичей, свидѣтельствовалъ о ихъ вѣрномъ пониманіи современныхъ событій и отношеній. Изъ предшествовавшихъ событій они должны были убѣдиться ясно, что старина отжила свое время и должна уступить новому порядку наслѣдованія великокняжескаго стола. Поэтому они были вполнѣ увѣрены, что Косой, какъ сынъ незаконнаго, по мнѣнію народа московскаго, великаго князя, захватившаго престолъ силою и лукавствомъ, не будетъ проченъ на великокняжескомъ столѣ и что москвичи непремѣнно призовутъ къ себѣ опять Василія Васильевича. Предвидя это и расчитывая на полученіе себѣ лучшихъ владѣній, они благоразумно отказались признать Косого великимъ княземъ и тѣмъ расположили къ себѣ Василія Васильевича. Косой не въ силахъ былъ противостать союзникамъ князьямъ и, пробывъ на великомъ княженіи одинъ мѣсяцъ, бѣжалъ изъ Москвы сначала во Ржевъ, потомъ въ Новгородъ, гдѣ изувѣчилъ какого то князя Романа (вѣроятно, намѣстника Переяславскаго), хотѣвшаго убѣжать отъ него, и затѣмъ въ Кострому, разграбивъ на пути побережье Мсты, Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Юрьевичи не ошиблись въ своемъ расчетѣ на полученіе удѣловъ. Снова сѣвъ на великое княженіе, Василій Васильевичъ, въ благодарность младшимъ Юрьевичамъ за ихъ помощь, пожаловалъ ихъ удѣлами: Шемяку выморочнымъ удѣломъ послѣ дяди Константина Ржевомъ и

Угличемъ, а Краснаго Бѣжецкимъ Верхомъ. Изъ договорныхъ граматъ, утверждавшихъ этотъ миръ Василія съ Юрьевичами, мы узнаемъ, что изъ Костромскихъ волостей были владѣніями Шемяки: Корега, Шепково, Лучиньское и Сурожикъ (*) Дмитровъ удѣлъ дяди Петра и удѣлъ Косого Звенигородъ вел. кн. взялъ себѣ и выдѣлилъ изъ владѣній Шемяки Вятку, раньше много помогавшую Юрію и его сыновьямъ. Между тѣмъ Василій Косой приготовлялся къ походу на великаго князя и братьевъ, собирая въ Костромѣ рать. Въ 1435 г. съ большою ратью онъ двинулся изъ Костромы къ Москвѣ. Великій князь во время узналъ объ этомъ и встрѣтилъ его въ ярославской волости у Козьмы Даміана на р. Которости. Побѣду одержалъ великій князь, а Косой бѣжалъ въ Кашинъ. Собравшись здѣсь съ силами, онъ пошелъ къ Вологдѣ, уничтожилъ здѣсь заставу великокняжескую, схвативъ воеводъ великаго князя, въ числѣ которыхъ былъ и родственникъ послѣдняго Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, и, пославъ за вятчанами, опять двинулся къ Костромѣ. Василій Васильевичъ принужденъ былъ итти противъ него. Вел. князь расположился съ своею ратью на мысѣ у Ипатьевскаго монастыря при устьи р. Костромы, а Косой съ прибывшими къ нему на помощь вятчанами на другомъ берегу ея. Бою воспрепятствовала р. Кострома (*), раздѣлявшая обѣ рати. Соперники заключили миръ, по которому великій князь далъ Косому удѣломъ Дмитровъ, но не прежній Звенигородъ, опасаясь очевидно давней привязанности звенигородцевъ къ роду Юрія. Но Василій Косой жилъ въ Дмитровѣ только одинъ мѣсяцъ. Въ слѣдующемъ 1436 г. онъ опять идетъ въ Кострому, гдѣ и жилъ до зимняго пути. Когда установился путь, онъ, отославъ обратно къ великому князю договорныя граматы, съ Костромы пошелъ на Галичъ и отсюда на Устюгъ въ союзѣ съ вятчанами. Девять недѣль

(*) Собр. госуд. грам. и договор, ч. I, стр. 125.

(**) Въ исторіи Костромы князя Козловскаго говорится совершенно неправильно, будто великій князь разбилъ здѣсь Косого и прогналъ его въ г. Кострому.

простоялъ Косой подъ Устюгомъ и взялъ его не силою, но склонивши гражданъ къ сдачѣ на условіяхъ, которыя потомъ вѣроломно нарушилъ: убилъ воеводу Глѣба Оболенскаго, десятинника владыки ростовскаго Булатова и многихъ устюжанъ перевѣшалъ. По всей вѣроятности и Шемяка былъ заподозрѣнъ великимъ княземъ въ вѣроломствѣ и неблагонамѣренности; по крайней мѣрѣ, когда онъ въ туже зиму пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу, то великій князь заточилъ его въ Коломну подъ присмотръ намѣстника И. Старкова и заковалъ. Въ слѣдующую весну Василій Косой пошелъ изъ Устюга на великаго князя съ вятчанами и дворомъ (дружиною) брата, Димитрія Шемяки. Великій князь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Косого Димитріемъ Краснымъ, Иваномъ Можайскимъ и литовскимъ княземъ Иваномъ Друцкимъ, встрѣтилъ Косого въ ростовской области въ Скоротинѣ. Василій Косой хотѣлъ хитростью завладѣть великимъ княземъ и выпросилъ у него перемиріе до утра. Великій князь на время перемирія распустилъ ратниковъ и они разъѣхались для добыванія корму, но кн. Василій Косой въ тотъ же день неожиданно сталъ наступать на великаго князя. Сторожевые замѣтили это и успѣли скоро извѣстить объ этомъ великаго князя Василія. Вел. кн. не потерялся; тотчасъ разослалъ съ вѣстію объ этомъ по стану и самъ, схвативъ трубу, началъ созывать ополченцевъ. Полки скоро собрались, построились и ударили на враговъ. Враги были разбиты и обращены въ бѣгство, а воевода Борисъ Тоболинъ настигъ самого кн. Василія Косого и сталъ звать на помощь другихъ. На громкій зовъ его прискакалъ князь литвинъ, Иванъ Друцкій; они оба схватили Косого и привели его къ великому князю. В. кн. отправилъ его въ Москву. Когда вятчане плѣнили великокняжескаго воеводу Брюхатова, и, взявъ богатый окупъ съ него, всетаки увели въ плѣнъ, Косой былъ ослѣпленъ въ Москвѣ. Великій князь, еще собираясь въ походъ на Косого, приказалъ расковать Шемяку въ Коломнѣ, а теперь, возвратясь

изъ похода, даровалъ ему свободу и отпустилъ въ Угличъ. Подъ 1440 г. мы находимъ извѣстіе о новомъ мирномъ договорѣ великаго князя съ младшими Юрьевичами, утвержденномъ граматою. Изъ условій договора можно заключить, что предъ этимъ не задолго опять возобновлялась война у великаго князя съ Юрьевичами, по крайней мѣрѣ Юрьевичи обязываются возвратить великому князю захваченное ими въ нынѣшній приходъ ихъ. По какому поводу возобновлялась война, лѣтописи молчатъ, равно какъ и о самомъ походѣ. Не долго послѣ этого жилъ младшій Юрьевичъ Димитрій Красный. Онъ сѣлъ послѣ Косого въ Галичѣ и здѣсь въ 1441 г. скончался. Лѣтописецъ (*) сообщаетъ любопытную повѣсть объ обстоятельствахъ кончины этого князя. Былъ ли съ нимъ предъ кончиной обморокъ или кратковременная летаргія и потомъ предсмертныя припадки религіознаго экстаза опредѣлить теперь трудно. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи сообщается слѣдующее: заболѣлъ онъ сначала глухотою и «болячка въ немъ движеся», присовокупляетъ неясно лѣтописецъ. Потомъ онъ лишился аппетита и сна. Когда пришелъ духовникъ съ Святыми Дарами, то у князя Димитрія изъ обѣихъ ноздрей полилась кровь, такъ что нельзя было его причастить. Кровотеченіе немного стало униматься и духовникъ, заткнувъ ему ноздри бумажкой, причастилъ его. Принявъ немного пищи, князь попросилъ окружавшихъ выйти и дать ему заснуть. Тѣ обрадовались, думая, что сонъ послужитъ ему въ здоровье, и сѣли у одного изъ близкихъ къ князю за столъ. Но при наступленіи вечера, одинъ изъ оставшихся при князѣ прибѣжалъ къ нимъ съ извѣстіемъ, что князь отходитъ. Они застали князя при послѣднемъ издыханіи и успѣли прочитать отходную. На ночь остались они всѣ при усопшемъ, какъ они подумали, князѣ и, подъ вліяніемъ выпитаго меду, скоро заснули, кромѣ одного дьякона,

(*) Воскр. лѣт. т. 8, стр. 110.

который, будучи совершенно трезвъ, долго не засыпалъ и смотрѣлъ на мнимо-умершаго князя. Въ полночь мнимо-умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, не открывая глазъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ же позна, яко Господь есть». Дьяконъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. А князь продолжалъ говорить одно и тоже съ закрытыми глазами. Дьяконъ, собравшись съ духомъ, началъ всѣхъ будить, а князь продолжалъ говорить все тоже. Потомъ онъ началъ пѣть разныя церковныя пѣснопѣнія и предъ утреней сталъ затихать. Послѣ утрени духовникъ принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Тогда духовникъ коснулся лжицею его устъ и князь взглянулъ. Увидавъ Св. Дары, онъ сказалъ изъ глубины сердца: „радуйся утробо Божественнаго воплощенія" и причастился. Въ слѣдующіе два дня онъ продолжалъ пѣть стихиры и произносить тексты изъ Св. писанія, узнавалъ людей, говорилъ что кому хотѣлъ сказать, но самъ не слышалъ ничего, что ему говорили. Въ среду онъ лишился языка, но людей узнавалъ, а въ четвергъ во время обѣдни испустилъ духъ «конечное», присовокупляетъ лѣтописецъ. На восьмой день послѣ кончины, когда прибылъ изъ Углича братъ его Димитрій Шемяка, князя отпѣли, положили въ засмоленную колоду и повезли въ Москву. Протекло 23 дня послѣ кончины, когда его привезли въ Москву. Отпѣвъ панихиду, захотѣли открыть колоду, и къ удивленію нашли князя вполнѣ сохранившимся. Лицо его было бѣло, какъ у спящаго, безъ синеты или черноты. Возблагодаривъ Бога, положили его въ гробъ возлѣ отца его Юрія". Если все расказанное лѣтописцемъ вполнѣ вѣрно, то возникаетъ сомнѣніе и во вторичной истинной кончинѣ кн. Димитрія. Во всякомъ случаѣ кончина загадочная. (*) Если не перепутаны въ лѣтописяхъ года, то въ 1442 г. великій князь нарушилъ миръ съ Шемякою и

(*) Лѣтописецъ еще говоритъ: „когда везли его въ Москву, то дважды уронили съ носилокъ".

пошелъ на него войною къ Угличю. Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ, а великій князь возвратился назадъ. Кн. Димитрій и кн. Александръ Чарторижскій, преслѣдуя великаго Князя, едва не дошли до Москвы. Примирилъ ихъ игуменъ троицкій Зиновій. Какая была причина возобновившейся вражды, изъ лѣтописей не видно. Изъ актовъ историческихъ (*) мы знаемъ, что когда на Москву напалъ Ханъ-Махметъ въ 1439 г., то Шемяка не пошелъ на помощь къ великому князю. Великій князь могъ теперь предпринять походъ на Шемяку для наказанія его за ослушаніе. Но въ такомъ случаѣ придется этотъ походъ отнести къ годамъ ранѣе 1442. Галичъ, удѣлъ Димитрія Краснаго, послѣ его смерти перешелъ во владѣніе Димитрія Шемяки, князя углицкаго, и былъ подъ управленіемъ княжескаго намѣстника. Борьба съ Юрьевичами на время прекратилась, но бѣдствія другія, отъ врага болѣе опаснаго вскорѣ пришлось претерпѣть великому князю. Татары, какъ мы видѣли раньше, нерѣдко дѣлали нападенія на русскія области и опустошали ихъ. Въ 1445 г. ханъ казанскій Улу-Махметъ съ многочисленнымъ ополченіемъ взялъ старый Нижній-Новгородъ и устремился къ Мурому. Въ числѣ союзныхъ князей съ великимъ княземъ былъ и Димитрій Шемяка. Близъ Мурома татары были разбиты и Махметъ отступилъ. Весною онъ опять осадилъ Нижній-Новгородъ и отправилъ двухъ своихъ сыновей къ Суздалю. Шемяка на этотъ разъ обманулъ великаго князя: ни самъ не пришелъ на помощь къ нему и не прислалъ воеводъ съ полками. Немногочисленная рать великаго князя была расположена близъ Суздаля на р. Каменкѣ. Не смотря на численное превосходство непріятеля, великій князь отважился на битву близъ Евѳиміева монастыря. Бой завязался упорный и кровопролитный, но русскіе были подавлены непріятелемъ, превосходящимъ ихъ численно. Они были почти всѣ истреблены; самъ великій князь,

(*) 1. № 40.

получивъ множество ранъ, отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ знаменитѣйшими боярами. Въ Москвѣ ужаснулись при вѣсти о плѣнѣ великаго князя. Семейство его удалилось въ Ростовъ; въ Москвѣ же наступило безначаліе. Но ханъ Махметъ не рѣшился двинуться къ Москвѣ и только отправилъ къ сопернику великаго князя Шемякѣ посла Бегича съ дружескими увѣреніями. Шемяка радовался несчастію великаго князя и, съ честію принявъ посла ханскаго, отправилъ съ нимъ къ Махмету дьяка Өеодора Дубенскаго для переговоровъ о томъ, чтобы Василія Васильевича держать въ вѣчномъ плѣну, а великимъ княземъ быть Шемякѣ. Между тѣмъ Махметъ, долго не имѣя извѣстія о Бегичѣ, подумалъ, что Шемяка убилъ его. Въ тоже время Казань была завоевана однимъ изъ болгарскихъ князей Либеемъ и ханъ, желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, даровалъ великому князю свободу изъ плѣна за умѣренный окупъ. Между тѣмъ Бегичъ съ дьякомъ великокняжескимъ были уже на пути къ Нижнему. Услыхавъ объ освобожденіи великаго князя, они повернули назадъ къ Мурому, гдѣ Бегичъ былъ посаженъ намѣстникомъ великаго князя подъ стражу. Шемяка, опасаясь великаго князя, бѣжалъ въ Угличъ и снова началъ составлять замыслы съ цѣлію завладѣть великимъ княженіемъ. Заключивъ союзъ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, Шемяка увѣрилъ его, что великій князь обязался Хану Махмету отдать государство московское, а самъ хочетъ сѣсть въ Твери. Къ союзу съ ними присоединился и Борисъ кн. тверскій, повѣрившій такому вымыслу и боясь лишиться Твери. Сторону Шемяки приняли нѣкоторые изъ московскихъ гражданъ и даже иноковъ и составился заговоръ: схватить великаго князя при удобномъ случаѣ. Для этого стали изучать всѣ его движенія и слѣдить за нимъ. Случай скоро представился (*). Кн. Димитрій и

(*) Хотя эти событія и не имѣютъ прямаго отношенія къ исторіи Костромы и Галича, но такъ какъ здѣсь главными дѣйствующими лицами являются князья: московскій и владѣвшій Галичемъ Д. Шемяка, то по соприкосновенности событій съ исторіей Галича и въ виду интереса ихъ въ русской исторіи, мы изложимъ ихъ съ достаточною полнотою, слѣдуя лѣтописному повѣствованію.

Иванъ Можайскій засѣли въ Рузѣ и получали всякій день извѣстія о великомъ князѣ. Великій князь, ничего неподозрѣвая, въ 1446 г. отправился съ небольшимъ числомъ людей на богомолье въ Троицкій монастырь. Измѣнники московскіе извѣстили объ этомъ злоумышленниковъ князей. Тѣ тотчасъ приступили къ Москвѣ и взяли ее безъ сопротивленія, такъ какъ жители не знали о походѣ, а ворота отворили князьямъ ихъ единомышленники. Великія княгини и казна великокняжеская были захвачены, имѣніе бояръ великаго князя и многихъ гражданъ было разграблено. Шемяка послалъ Ивана Можайскаго съ большимъ числомъ людей преслѣдовать великаго князя къ Троицѣ. Во время литургіи нѣкто Бунко прибѣжалъ въ церковь съ извѣстіемъ къ великому князю, что Д. Шемяка и Иванъ Можайскій идутъ на него ратью. Князь великій, помня недавнюю измѣну Бунко, отъѣхавшаго служить Шемякѣ, не повѣрилъ этому извѣстію, думая, что Бунко смущаетъ его: «какъ можетъ это быть, сказалъ великій князь, когда я съ моими братьми въ мирѣ?» и повелѣлъ Бунко прогнать изъ монастыря. Между тѣмъ онъ всетаки послалъ сторожевыхъ людей къ Радонежу. Сторожевые Ивана Можайскаго, союзника Шемяки, усмотрѣли ихъ и князь Иванъ прибѣгъ къ такой хитрости, чтобъ переловить ихъ: онъ велѣлъ приготовить сани и лечь въ нихъ ратникамъ, по двое прикрывшись рогожами и полостями, а третьему идти какъ бы за возомъ. Когда передніе возы миновали гору, тогда всѣ скрытые въ нихъ ратники выскочили и переловили всѣхъ сторожевыхъ великокняжескихъ, которые спокойно смотрѣли съ горы на возы и не могли теперь убѣжать, потому что снѣгъ тогда былъ глубокъ, до девяти пядей. Измѣнники поскакали къ монастырю. Когда показались они у села Климентьевскаго, извѣщенный великій князь бросился на конюшню, но коня наготовѣ не было; приближенные же растерялись и не знали что предпринять. Тогда безпомощный великій князь рѣшился скрыться въ церкви у гроба Св. Сергія и поно-

марь заперъ его тамъ. Измѣнники прискакали къ самымъ дверямъ церковнымъ и князь Иванъ началъ спрашивать: «гдѣ великій князь»? Великій же князь, узнавъ по голосу кн. Ивана, взмолился къ нему: «братъ! Пощади меня; не трогай меня отсюда; я не выйду изъ монастыря и здѣсь постригусь». Потомъ самъ отперъ южныя двери и, выйдя съ иконой Богоматери съ гроба св. Сергія на встрѣчу врагамъ, сказалъ кн. Ивану: «братъ! Въ этомъ храмѣ мы цѣловали крестъ и сію св. икону, чтобъ не мыслить намъ зла другъ на друга, но что теперь совершается не понимаю». Кн. Иванъ отвѣчалъ ему: «Государь! Если мы пожелаемъ тебѣ какого зла, то и намъ пусть тоже будетъ, но это мы дѣлаемъ ради христіанъ и для того, чтобы татары уменьшили окупъ, который ты долженъ имъ заплатить". Великій князь, поставивъ икону, палъ ницъ предъ гробомъ св. Сергія, обливаясь слезами, такъ что даже сами злодѣи прослезились. Кн. Иванъ, уходя изъ церкви, сказалъ одному изъ злоумышленниковъ Никитѣ Константиновичу: ,,возьми его". В. кн., вставши, спросилъ: ,,гдѣ братъ, князь Иванъ?". Тогда Никита, взявъ за плечи великаго князя, сказалъ: ,,ты плѣненъ теперь великимъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ". Посадивъ великаго князя съ однимъ инокомъ на сани, злоумышленники повезли его въ Москву, а бояръ великаго князя всѣхъ переловили или ограбили. Сыновья великаго князя спаслись и бѣжали изъ Троицкаго монастыря къ князю Ивану Ряполовскому въ Юрьевъ и съ нимъ въ Муромъ. Великаго князя, посадивъ въ Москвѣ на дворѣ Шемякинѣ, ослѣпили и потомъ сослали въ Угличъ съ княгинею, а мать его Софью Витовтовну заточили въ Чухлому. Кн. Димитрій, узнавъ, что сыновья великаго князя скрылись въ Муромѣ, подъ защитою князей Ряполовскихъ, не послалъ къ Мурому рати, боясь за себя, такъ какъ народъ въ Москвѣ негодовалъ на него за насилія и составлялъ противъ него замыселъ, желая на великое княженіе опять Василія Васильевича. Онъ придумалъ такую хитрость: призвалъ

епископа рязанскаго Іону (*) въ Москву и обѣщалъ ему митрополію на такомъ условіи: „поди въ свою епископію градъ Муромъ и возьми на свою епитрахиль сыновей великаго князя; я радъ буду ихъ пожаловать, а отца ихъ великаго князя выпущу и владѣніе имъ дамъ большое“. Іона довѣрчиво отправился въ Муромъ на судахъ и здѣсь передалъ боярамъ великаго князя, тремъ князьямъ Ряполовскимъ, рѣчи Димитрія. Бояре колебались отпустить дѣтей князя Василія и наконецъ рѣшили такъ: „если мы не послушаемъ святителя и не пойдемъ къ кн. Димитрію съ дѣтьми великаго князя, то онъ, прійдя съ ратію, возьметъ городъ и, плѣнивъ малютокъ, что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ ними и съ отцомъ ихъ и со всѣми нами. Что будетъ значить тогда наша стойкость, если мы не послушаемъ совѣтовъ святителя? (**) И сказали Іонѣ: „если съ такими словами пришелъ ты отъ князя Димитрія къ дѣтямъ великаго князя и къ намъ, то мы сами не рѣшаемся отдать ихъ тебѣ. Поди въ соборную церковь Рождества Пресв. Богородицы и возьми ихъ самъ съ пелены на свою епитрахиль и тогда мы отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними пойдемъ“. Совершивъ молебенъ, Іона взялъ мальчиковъ съ пелены Богородицы и прибылъ съ ними въ Переяславль, гдѣ былъ тогда кн. Димитрій. Шемяка принялъ ихъ ласково, но потомъ отправилъ въ заточеніе къ отцу въ Угличъ въ сопровожденіи владыки Іоны. Когда Іона возвратился, князь Димитрій повелѣлъ ему итти на митрополію въ Москву. Ряполовскіе, узнавъ о коварствѣ Шемяки, начали съ другими боярами, преданными Василію, за-

(*) Уроженца Солигалицкаго, отъ Солигалича въ шести верстахъ близъ границы съ казанской землей. Отецъ его былъ Ѳедоръ по прозванію Однодушъ. По его имени и погостъ теперь Однодушево, который Однодушъ далъ въ домъ соборной церкви Богородицы въ Москвѣ. 12-ти лѣтъ Іона поступилъ въ московскій Симоновъ монастырь. Есть разсказъ, что однажды посѣтилъ Симоновъ монастырь митрополитъ Фотій и, зайдя въ хлѣбо-пекарню, увидалъ спящаго юношу; правая рука его лежала на головѣ со сложенными перстами, какъ бы благословляющая. Святитель Фотій предсказалъ юношѣ великую будущность. Карамз. т. V, гл. 3, примѣчаніе 292.

(**) Такъ было велико уваженіе къ святителямъ.

мышлять освободить великаго князя и съ этою цѣлію назначили собраться всѣмъ къ Угличу въ Петровъ день. Но князь Димитрій узналъ о приготовленіяхъ Ряполовскихъ и тѣ не смѣли придти подъ Угличъ къ назначенному сроку, но пошли къ Бѣлозерску. Послѣ нѣскольких битвъ, Ряполовскіе пошли въ Литву къ кн. Василію Ярославичу въ Мстиславль и съ нимъ стали совѣщаться о томъ, какъ освободить великаго князя. Шемяка, замѣчая нерасположеніе къ себѣ народа (*) и расположенность его къ князю Василію, призвавъ владыкъ и бояръ, началъ совѣщаться съ ними: „выпустить ли ему великаго князя?“ Усерднымъ ходатаемъ за великаго князя выступилъ теперь митрополитъ Іона. Онъ началъ обличать Шемяку въ неправдѣ и негодовать на него за то, что онъ и его ввелъ въ срамъ и грѣхъ: „ты долженъ бы, говорилъ Іона, выпустить великаго князя, а между тѣмъ заточилъ съ нимъ и дѣтей его; я повѣрилъ тебѣ и ввелъ ихъ въ обманъ; выпусти великаго князя и сними грѣхъ съ меня. Слѣпой что онъ можетъ тебѣ сдѣлать? А дѣти его малы. Скрѣпи съ нимъ миръ крестнымъ цѣлованіемъ и нашей порукою“. Шемяка согласился выпустить великаго князя съ дѣтьми и дать ему во владѣніе вотчину. Въ 1447 г., съ этою цѣлію кн. Димитрій прибылъ въ Угличъ. Василій, изъявивъ смиреніе предъ Шемякой, со слезами благодарилъ его за такое милосердіе. Устроивъ пиръ для кн. Василія, княгини, дѣтей, бояръ и владыкъ и одаривъ ихъ, Шемяка далъ Василію въ удѣлъ Вологду.

Между тѣмъ приверженность къ Василію въ Москвѣ не ослабѣла. Кромѣ того не выносимо было правленіе Шемяки и бояре великаго князя, дѣти боярскія и многіе изъ простыхъ людей пошли отъ князя Димитрія къ великому князю. Кн. Василій отправился на богомолье въ Кирилловъ монастырь, но оттуда не

(*) Его княженіе особенно тягостно было для народа несправедливостью въ судѣ. Отсюда и поговорка: „Шемякинъ судъ“, т. е. несправедливый судъ.

возвратился въ Вологду, а ушелъ въ Тверь къ кн. Борису, который принялъ его радушно и обручилъ за его сына Ивана дочь свою Марію Многіе изъ бояръ и народа стали приходить къ кн. Василію и въ Тверь. Покуда Ряполовскіе съ кн. Василіемъ Ярославичемъ собирались изъ Мстиславля итти на Шемяку, пришла къ нимъ вѣсть, что великій князь выпущенъ и ему дана Вологда. На пути Ряполовскіе съ союзниками встрѣтили татаръ и, сказавъ о причинѣ своего похода, узнали, что и татары также идутъ на выручку великаго князя изъ расположенности къ нему за его добро къ нимъ и слыша какъ безчеловѣчно съ нимъ поступили его братья. Шемяка, узнавъ объ успѣхѣ князя Василія и не желая допустить его къ Москвѣ, остановился съ княземъ Иваномъ Можайскимъ у Волока Ламскаго. Князь же Василій послалъ къ Москвѣ развѣдать, какъ бы пройти туда, минуя рать Димитрія Шемяки. Возможность оказалась и Валилій, увѣренный въ расположенности къ себѣ гражданъ Москвы, тайно отправилъ къ нимъ боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Плещеевъ умѣлъ обойти рать Шемяки и ночью, наканунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ заутрени. Никольскія ворота были отворены въ это время для проѣзда къ заутрени княгини Юліаніи и Плещеевъ съ людьми вошелъ ими въ городъ. Галицкій намѣстникъ князя Димитрія, бывшій тогда, вѣроятно, въ Москвѣ, бѣжалъ изъ церкви отъ заутрени; прочіе бояре Димитріевы были захвачены и закованы. Граждане Москвы были приведены къ присягѣ на вѣрность великому князю Василію, а городъ начали укрѣплять. Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ были въ затрудненіи: идетъ на нихъ в. князь отъ Твери, Москва взята, къ тому же еще Василій Ярославичъ съ Ряполовскими и татарами идутъ съ другой стороны на нихъ, люди отъ нихъ стали убѣгать; тогда они сами рѣшились бѣжать сначала въ Галичъ, Чухлому и отсюда съ матерью великаго князя Софіею въ Каргополь. Великій князь пошелъ преслѣдовать

ихъ къ Угличю. Здѣсь соединился съ нимъ Василій Ярославичъ съ боярами. Угличъ былъ взятъ. Василій пошелъ къ Ярославлю и отправилъ боярина Кутузова къ Димитрію, прося отпустить мать его великую княгиню Софію. Князь Димитрій, согласившись, что напрасно ему держать въ плѣну княгиню Софію, отпустилъ ее изъ Каргополя. Великій князь радостно встрѣтилъ мать свою у Троицкаго монастыря. Послѣ этого въ 1448 г. Шемяка, при посредствѣ князей Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Боровскаго, заключилъ перемиріе съ великимъ княземъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній пожаловалъ его и Ивана Андреевича тѣми волостями, которыми ихъ благословили отцы, кромѣ Звенигорода съ волостями и Вятки. Кромѣ того Шемяка отказывается отъ Углича съ волостями, Ржева съ волостями и Бѣжецкой волости. Князья были довольны условіями мирнаго договора, кромѣ Шемяки, который втайнѣ питалъ ненависть къ великому князю и старался всюду возбуждать нерасположеніе къ нему, особенно въ Новгородѣ, распуская слухи, что изъ за великаго князя Москва въ рукахъ татаръ, подговаривалъ на великаго князя Вятчанъ, сносился съ ханомъ казанскимъ и чествовалъ посла его вопреки договору; явно нарушалъ статьи этого договора и посылалъ въ Москву къ тіуну своему граматы, вооружавшія гражданъ противъ великаго князя. Граматы были перехвачены и великій князь Василій отдалъ дѣло на судъ духовенства. Отъ лица пяти владыкъ было написано къ Шемякѣ посланіе. Духовенство въ началѣ посланія говоритъ о единодержаніи, сравнивая грѣхъ князя Юрія, отца Шемяки, съ грѣхомъ Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Затѣмъ духовенство объявляетъ себя явно на сторонѣ кн. московскаго. Далѣе излагаются укоризны Шемякѣ за его измѣну и ослѣпленіе Василія и, переходя къ послѣднему договору, духовенство укоряетъ Шемяку за несоблюденіе условій его. Въ заключеніе говорится, что духовенство било челомъ великому

князю за Шемяку и великій князь хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ. Если Шемяка не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога и отъ церкви и предаетъ проклятію. Шемяка не внялъ увѣщанію владыкъ и великій князь въ томъ же 1448 г. предпринимаетъ походъ противъ него къ Галичу. Дойдя до Костромы, кн. Василій остановился здѣсь, отправивъ пословъ къ Димитрію Шемякѣ. Шемяка, боясь начинать войну, просилъ мира и обѣщалъ великому князю не злоумышлять на него, въ противномъ случаѣ, говорилъ, пусть не будетъ на мнѣ милости Божіей и Пречистой его Матери и всѣхъ святыхъ и благословенія всѣхъ епископовъ земли русской. Кн. великій согласился даровать ему миръ, который и былъ заключенъ въ Костромѣ, и потомъ возвратился въ Москву. Въ этотъ годъ скончался кн. Василій Юрьевичъ Косой, жившій въ забвеніи и бездѣйствіи послѣ своего ослѣпленія. Одинъ годъ прошелъ мирный, но Шемяка продолжалъ свои козни. Ранѣе онъ не далъ помощи великому князю, когда ханъ Махметъ напалъ на Москву; теперь онъ не хотѣлъ принимать участія съ великимъ княземъ въ чествованіи ханскихъ пословъ и наконецъ весною 1449 г. нарушилъ крестное цѣлованіе и приступилъ съ большимъ войскомъ къ Костромѣ. Долго онъ бился подъ городомъ, но не взялъ его, потому что въ Костромѣ была сильная застава великокняжеская или ополченіе подъ начальствомъ Ив. В. Стриги и Ѳедора Басенка. Скоро великій князь самъ выступилъ въ походъ противъ Шемяки, взявъ съ собой митрополита, епископовъ, братьевъ и царевичей татарскихъ. Враги сошлись на Волгѣ въ с. Рудинѣ близъ Ярославля, но не вступили въ битву, потому что князь Иванъ Можайскій отступилъ отъ Шемяки и примирился съ Василіемъ, который снова далъ ему Бѣжецкій Верхъ, и враги заключили миръ. Но въ слѣдующемъ году великій князь предпринимаетъ новый походъ противъ Шемяки. Отчаявшись въ возможности полнаго примиренія съ нимъ, великій князь рѣшился теперь

сокрушить врага и съ большимъ войскомъ предпринялъ въ 1450 г. походъ на Галичъ. Пришло къ великому князю извѣстіе, что Шемяка пошелъ къ Вологдѣ. Великій князь направился на Иледамъ и Обнору, чтобы отсюда итти къ Вологдѣ. Но на пути онъ узналъ, что Шемяка воротился въ Галичъ. Тогда и вел. князь воротился съ Обноры и, идя вверхъ рѣкою Костромою, прибылъ на Желѣзный Борокъ къ Іоанну Святому. Шемяка собралъ огромное войско, возвелъ сильныя укрѣпленія около города, поставилъ пушки на валахъ и самъ съ большимъ войскомъ расположился на горѣ предъ городомъ. Великій князь, по слѣпотѣ своей, не могъ самъ предводительствовать войскомъ, но ввѣрилъ главное начальство надъ нимъ князю Василію Ивановичу Оболенскому. Воеводы великаго князя съ опасеніемъ шли отъ озера къ горѣ, такъ какъ она была крута. Съ трудомъ выйдя изъ овраговъ, они пошли на гору. Съ горы непріятели начали стрѣлять въ нихъ, но не причинили никому вреда. Наконецъ полки враговъ сошлись и началась кровопролитная сѣча, какой давно уже не было на Руси, извѣстная въ русской исторіи подъ названіемъ Галицкой битвы 27 января 1450 г. Полки великаго князя одержали побѣду; многіе изъ враговъ были побиты, лучшіе люди попались въ плѣнъ и самъ кн. Шемяка едва избѣжалъ плѣна; пѣшая рать была почти вся уничтожена, но городъ еще не сдавался и ворота были затворены. Къ великому князю Василію пришла на Борокъ вѣсть о славной его побѣдѣ. Онъ тотчасъ прибылъ къ Галичу. Тогда граждане сдались ему. В. кн., даровавъ имъ миръ, посадилъ въ Галичѣ намѣстниковъ, и отбылъ въ Москву. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ. Но, собравшись съ силами, онъ устремился на Устюгъ и, расположивъ къ себѣ жителей, привелъ ихъ къ присягѣ, а непокорныхъ бросалъ въ р. Сухону. Изъ Устюга онъ ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ итти на Шемяку и только въ слѣдующемъ 1451 г. предпринялъ походъ на него чрезъ Яро-

славль. В. князь изъ Ярославля послалъ противъ него рать съ сыномъ своимъ Іоанномъ, а самъ пошелъ къ Костромѣ, и отсюда послалъ Ягупа одного изъ татарскихъ царевичей, бывшихъ тогда на службѣ у великаго князя, присоединиться къ сыну Ивану, чтобы идти на Шемяку. Еще ранѣе этого нѣкоторыхъ князей и бояръ онъ послалъ на Устюгъ. Шемяка, услыхавъ объ этомъ походѣ, пожегъ посадъ Устюжскій и бѣжалъ на р. Кокшенгу. Кн. Иванъ съ татарскимъ царевичемъ взялъ городки по Кокшенгѣ и, дойдя до устья р. Ваги и Осинова поля, съ большой добычей и многими плѣнными возвратился назадъ. Шемяка бѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 г. въ Новгородъ прибылъ изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый и подговорилъ боярина Шемякина Котова убить Шемяку. Котовъ подговорилъ повара и тотъ далъ Шемякѣ отравы. Шемяка вскорѣ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. Подъячій Василій Беда привезъ въ Москву извѣстіе о смерти Шемяки и за это получилъ званіе дьяка. Только смертью Шемяки, оставившаго очень недобрую славу о себѣ въ исторіи по своей хитрости, коварству, вѣроломству и несправедливости въ судѣ, прекратилась эта знаменитая въ русской исторіи послѣдняя междоусобная война въ рюриковомъ домѣ изъ за великаго княженія, продолжавшаяся больше четверти вѣка (съ 1425 по 1453 г.) и кончившаяся въ пользу новаго порядка престолонаслѣдія, утвердившагося въ московской Руси, отъ отца къ старшему сыну.

Мы изложили событія до начала второй половины XV в., когда московское государство становилось еще сильнѣе при установившемся на Руси новомъ порядкѣ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну. Кострома еще до усиленія Москвы Іоанномъ Калитою перешла во владѣніе московскихъ князей, сдѣлавшихся великими князьями. Послѣ она вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами постоянно сохраняла значеніе великокняжескаго города, не имѣя самостоятельныхъ князей, но управляясь воеводами или на-

мѣстниками великокняжескими. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ Костромскихъ волостей, купленныя или примышленныя московскими князьями, составляли ихъ собственность. Раньше по мѣстамъ намъ приходилось упоминать объ этихъ волостяхъ. Теперь мы сгруппируемъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Какъ видно изъ завѣщанія Іоанна Калиты, имъ было примышлено на Костромѣ Сельцо Новое и кромѣ того въ его владѣніи было еще купленное на Костромѣ женою Александра Невскаго, бабкою Калиты, село Павловское. Симеонъ Гордый примыслилъ купленное на Костромѣ село Александровское. По завѣщанію Димитрія Донскаго княгиня Евдокія получила въ Костромскомъ уѣздѣ Иледамъ съ Комелою, изъ Галича—Соль. Димитрій Донской отдалъ сыну Юрію Галичъ съ волостями и селами, которыя тянули къ Костромѣ: Никольскимъ и Борисовскимъ. Изъ волостей же Костромскихъ кн. Юрій получилъ: Андому, Шиленгу, Корегу, Борку, Березовецъ съ Залѣсьемъ. Волости: Шачебалъ и Ликурги Юрій уступилъ брату Петру Дмитріевичу, а тотъ уступилъ ихъ Константину. По завѣщанію Василія Дмитріевича в. княгиня Софія Витовтовна получила изъ Костромы: Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и селомъ Княгининскимъ. Кн. Василій имѣлъ еще прикупы Костромскіе: Качаловское, Ушаковское и Святое. Галичъ съ волостями былъ отданъ Юріемъ сыну Димитрію Красному, а послѣ его смерти перешелъ къ Шемякѣ. Шемяка владѣлъ: Шепковымъ, Лучиньскимъ, Сурожикомъ и Корегой (*). По раздѣлу вотчинъ Василіемъ Темнымъ, четвертый сынъ его Борисъ получилъ на Костромѣ—на Волгѣ Нижнюю слободу, Базѣевское, Мануиловское. Великая княгиня Марія получила на Костромѣ села: Михаила Данилова, Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ. Потомъ изъ владѣній княжескихъ упоминаются соляныя варницы: въ области Галицкой такъ называемая

(*) Собр. гос. грам. и договор., № 58.

Соль и въ Нерехтѣ. «Московскій князь скупаетъ отдаленныя сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя княжества, волости, какъ видно, пустынныя, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ московскіе князья распространяютъ свои владѣнія на счетъ слабыхъ раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича (*). «Присвоивъ себѣ удѣлъ Галицкій послѣ Шемяки, Можайскій и Боровскій, Василій Темный оставилъ въ великомъ княженіи только Михаила Верейскаго княземъ владѣтельнымъ; другихъ не было. Внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областью въ качествѣ московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда. Уже всѣ доходы московскіе шли въ казну великаго князя; всѣ города управлялись его намѣстниками. Одна Вятка, бывшая частью Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію» (**). Уже не далеко было время, когда не только удѣльныя княжества великаго княженія московскаго, но и другіе крупные удѣлы объединятся въ одно цѣлое государство русское вокругъ центра Москвы. Это великое дѣло надлежало совершить уже преемникамъ Василія Темнаго. Ему же по крайней мѣрѣ принадлежитъ честь за то, что онъ удержалъ за собой великокняжеское достоинство въ силу симпатій къ нему и сочувствія къ установившемуся новому порядку престолонаслѣдія въ московской Руси. Въ 1462 г. 27 марта скончался в. кн. Василій Васильевичъ отъ сухотной болѣзни. Лѣтописецъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о принимавшихся тогда мѣрахъ противъ болѣзней. В. кн., чувствуя въ себѣ сухотную болѣзнь, повелѣлъ жечь себя горящимъ трутомъ во многихъ мѣстахъ, даже и тамъ, гдѣ не чувствовалъ боли. Отъ прижиганія образовались раны и болѣзнь

(*) Солов. истор., т. IV, стр. 154.

(**) Карамз., т. V, гл. III, стр. 205.

еще более усилилась. В. кн. желалъ постричься въ монахи, но его до этого не допустили и онъ вскорѣ скончался. На Московскій великокняжескій столъ вступилъ въ 1462 г. старшій сынъ Василія Темнаго Іоаннъ III-й Васильевичъ.

Казанскіе татары, какъ мы видѣли, не рѣдко нападали на пограничныя области великаго княженія. Князья московскіе предпринимали походы или для отраженія набѣговъ татаръ или для отмщенія за ихъ набѣги ходили на самую Казань. Въ 1467 г. Іоанну III Васильевичу представился случай отмстить казанцамъ за ихъ набѣги и даже, при счастіи, овладѣть Казанью, этимъ гнѣздомъ хищниковъ, плѣнившихъ однажды даже самого великаго князя, отца Іоанна. Какъ мы раньше упоминали, царевичи татарскіе переходили на службу къ великому князю. Въ княженіе Василія Темнаго царевичъ Касимъ за вѣрную службу получилъ въ удѣлъ Мещерскій городокъ на берегу Оки, названный съ того времени по его имени Касимовымъ. Въ 1467 г. онъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ желаютъ его на престолъ. Касимъ прибѣгъ къ помощи великаго князя и тотъ послалъ къ нему рать подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стриги. Но Касимъ обманулся. Онъ встрѣтилъ подъ Казанью сильную рать подъ начальствомъ самого царя Казанскаго Ибрагима, который не допустилъ Касима перевезтись чрезъ Волгу. Касимъ, испытавъ бѣдствія и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, возвратился назадъ безъ успѣха. По уходѣ Касима, Казанцы, въ отмщеніе за участіе въ этомъ походѣ и рати великаго князя, сдѣлали набѣгъ на Галичъ, но не могли овладѣть городомъ и жителями волостей, которые всѣ стеклись въ городъ и заперлись въ немъ. Съ небольшою добычей казанцы отступили отъ Галича. Для защиты городовъ великаго княженія, великій князь разослалъ заставы (оборонительныя рати) въ Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ и приказалъ гражданамъ сидѣть въ крѣпкой

засадѣ. Въ ту же зиму 1467 г. (*) великій князь послалъ князя Семена Романовича съ дѣтьми боярскими въ землю Черемисскую. Всѣ рати соединились въ Галичѣ и 6 декабря пошли на Черемисъ дремучими лѣсами, «безъ пути», въ сильную стужу. Область Черемисская была опустошена; много жителей было взято въ плѣнъ, много избито и сожжено, а скотъ и имущество, что можно было взять, забрано; только на одинъ день пути они не дошли до Казани и съ добычей возвратились въ Москву. Весною слѣдующаго года опять великій князь посылаетъ противъ казанскихъ татаръ рать въ отмщеніе за ихъ продолжавшіеся набѣги. Изъ Москвы былъ посланъ къ Галичу Руно съ казаками (**), а изъ Галича дѣти боярскія Семеновы и другіе. Всѣ они пошли къ Вологдѣ, съ Вологды къ Устюгу, съ Устюга къ вятской землѣ и, соединясь подъ Котельничемъ съ ратями изъ окрестныхъ волостей, пошли на Казань. Но, узнавъ о походѣ Казанцевъ на встрѣчу имъ, возвратились назадъ къ Вяткѣ. Казанцы отомстили нападеніемъ на побережье рѣки Юга, повоевали двѣ волости Костромскія; другой же отрядъ ихъ раззорилъ Муромскую волость, но здѣсь татары были разбиты княземъ Даніиломъ Холмскимъ. Весною 1469 г. великій князь предпринялъ новый походъ на Казань въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Изъ Москвы и другихъ городовъ великаго княженія двинулись рати по призыву великаго князя къ Нижнему-Новгороду, который былъ назначенъ пунктомъ для соединенія ихъ. Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и прочіе всѣ поволжане поплыли Волгою къ Нижнему-Новгороду. 21 мая приступили къ Казани, зажгли вокругъ нея посады, но, будучи истомлены, отплыли на островъ Коровничъ. Вообще всѣ перечисленные походы на Казань ратей великаго князя Іоанна Васильевича, въ числѣ которыхъ участвовали Костромичи и Галичане, не имѣли важнаго результата, т. е.

(*) По Воскр. Лѣтоп. 1468 г.

(**) Стоитъ здѣсь вниманія упоминаніе о походѣ съ казаками, или вольными людьми, о чемъ раньше намъ не случалось упоминать.

завоеванія Казани; весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей. Неполный успѣхъ походовъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; приказы великаго князя и воеводъ часто не были исполняемы; одинъ воевода часто не могъ дождаться другаго.

Въ послѣдующій за изложенными событіями десятилѣтній періодъ нѣтъ въ лѣтописяхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ до похода Іоанна III на Новгородъ. Новгородская община, съ своимъ особеннымъ отъ другихъ областей вѣчевымъ бытомъ и вольностями, не могла надолго сохранить самостоятельность по мѣрѣ усиленія Москвы. Еще Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, началъ тяготиться тѣмъ, что Новгородъ не воздаетъ ему должной чести, когда онъ держитъ подъ рукою многихъ князей. Новгородцы понимали опасность своего положенія и видѣли, что имъ не будетъ помощи противъ сына Василіева ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ московскаго сильнаго князя былъ еще великій князь литовскій. Къ нему и обратились Новгородцы въ такомъ затруднительномъ положеніи. Въ Новгородѣ образовалась сильная партія изъ лучшихъ людей, во главѣ которой стояла вдова посадника Исаака Марфа Борецкая, имѣвшая власть и надъ дѣтьми; эта партія желала отдаться въ подданство Литвѣ. Но и прежде было замѣтно раздвоеніе между гражданами Новгорода: между лучшими и меньшими людьми. Теперь въ рѣшительную минуту это раздѣленіе повело къ разномыслію относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе въ свою очередь усиливало вражду между сторонами. Другая партія въ Новгородѣ изъ меньшихъ людей явно тянула къ Москвѣ. Великій князь рѣшился подчинить своей полной власти Новгородъ. Онъ предпринималъ на Новгородъ два похода въ 1471 и 1478 гг. Мы не будемъ излагать всѣхъ подробностей походовъ Іоанна III,

какъ не касающихся исторіи Костромы. Упомянемъ только о тѣхъ случаяхъ, когда упоминается въ лѣтописяхъ о костромичахъ и галичанахъ. Второй разъ великій князь выступилъ на Новгородъ въ 1478 г. изъ Москвы съ сильною ратью. Первая остановка войскъ была въ Волокѣ Ламскомъ. Отсюда великій князь пошелъ на Торжокъ и 23 октября изъ Торжка выступилъ на Новгородъ. Рати раздѣлились: самъ великій князь пошелъ на Волочекъ и оттуда направился между Яжолбицкой дорогой и р. Мстою. Царевичу Даніару съ воеводою Василіемъ Образцемъ велѣлъ итти отъ Торжка по за Мстѣ. По своей сторонѣ р. Мсты велѣлъ итти князю Даніилу Холмскому и съ нимъ дѣтямъ боярскимъ двора великаго князя, владимірцамъ, переяславцамъ и *костромичамъ*, той же дорогой шли тверскіе бояре съ дмитровцами и кашинцами. По правую и лѣвую сторону и между своею дорогою и Мстою в. к. велѣлъ итти другимъ отрядамъ. Нѣсколькими эшелонами, говоря современнымъ языкомъ, шло войско великаго князя Іоанна къ Новгороду. Ноября 19 въ станѣ на Палинахъ князь сформировалъ и распредѣлилъ полки свои, гдѣ кому быть: брату своему меньшому Андрею велѣлъ быть въ передовомъ полку и при немъ воеводамъ: князю Даніилу Холмскому съ *костромичами* и др. У себя въ полку великій князь велѣлъ быть воеводѣ Ивану Юрьевичу, Василію Образцу, Василію Сабурову съ *галичанами* и др. Со стана на Палинахъ великій князь велѣлъ итти къ Бронничу въ числѣ другихъ князю Даніилу Холмскому съ переяславцами и *костромичами*. Когда полки приблизились къ Новгороду, то великій князь велѣлъ итти прямо къ городу отъ Броннича воеводамъ своимъ: Даніилу Дмитріевичу и др. съ своими полками (въ числѣ которыхъ были и *костромичи*), на другую сторону города въ числѣ воеводъ велѣлъ итти Василію Сабурову (съ галичанами). Всѣ воеводы съ своими полками шли чрезъ Ильмень озеро по льду и, перейдя озеро, взяли сначала Городище и всѣ монастыри подъ городомъ. Къ великому князю прибыло посольство

изъ Новгорода съ Архіепископомъ Ѳеофаномъ. В. князь изложилъ имъ причины своего прихода на Новгородъ съ ратію: „приходили послы къ намъ изъ Новгорода, назвали насъ Государемъ. А мы послали спросить васъ: какого хотите государства? Вы же заперлись, сказавъ, что для этого пословъ къ намъ не посылали. Много разнаго зла и нечести намъ великимъ князьямъ чинится отъ васъ. Мы долго терпѣли, ожидая исправленія вашего; но вы стали еще лукавѣе и потому мы положили итти на васъ ратію. Въ заключеніе великій князь сказалъ: „если захочетъ намъ великимъ князьямъ, своимъ Государямъ, отчина наша Новгородъ бить челомъ, то они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ великимъ князьямъ бить челомъ (*)". Приступивъ къ городу, великій князь велѣлъ полкамъ своимъ расположиться вокругъ города по монастырямъ и, между прочимъ, князю Даніилу Холмскому съ костромичами велѣлъ стать у Аркадьева монастыря, Василію Сабурову съ галичанами у монастыря св. Пантелеймона. Къ великому князю прибыло вновь посольство съ Архіепископомъ Ѳеофаномъ просить его смиловаться надъ Новгородомъ своею отчиною. Отвѣтъ имъ былъ тотъ же. Чрезъ недѣлю опять прибыли къ великому князю послы уже съ повинною, сознаваясь, что посольство, о которомъ говорилъ великій князь, дѣйствительно было въ Москву отъ нихъ. Великій князь отвѣчалъ: если вы винитесь въ томъ и сознаетесь, что называли насъ Государемъ и, слѣдовательно, желаете нашего государства въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ, то знайте, что мы хотимъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ и въ Москвѣ: „вѣчному (вѣчевому) колоколу чтобы не быть въ Новгородѣ, а государство свое намъ держать". Болѣе великій князь не соглашался ни на какія уступки и требовалъ отъ Новгородцевъ полной покорности. Послѣ долгаго обсужденія, составлена была крестоцѣловальная грамата о покорности Новгорода

(*) Воскр. лѣт. подъ 1478 г.

великому князю. Вѣче было уничтожено и вѣчевой колоколъ снятъ съ башни. Великій князь разослалъ боярскихъ дѣтей и дьяковъ во всѣ пять концовъ Новгорода и тѣ привели къ присягѣ великому князю всѣхъ жителей, бояръ, женъ ихъ и вдовъ и людей боярскихъ. Бояре новгородскіе, ихъ дѣти, житьи люди вступили въ службу къ великому князю. 20 января великій князь отправилъ гонца въ Москву къ матери, къ митрополиту и сыну съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Новгородъ во всю свою волю и сталъ въ немъ Государемъ, какъ и въ Москвѣ. Отслушавъ два раза литургію въ церкви св. Софіи, угостивъ и обласкавъ знатнѣйшихъ изъ Новгородцевъ и оставивъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ, 17 февраля отправился великій князь въ Москву, куда и возвратился 5 марта. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Москву вѣчевой колоколъ и повѣсили на колокольнѣ Успенскаго собора. Такъ былъ подчиненъ Іоанномъ III Новгородъ Москвѣ въ 1478 г., при участіи въ числѣ многочисленной его рати костромичей и галичанъ. Трудно было достигнуть окончательнаго слитія Новгорода съ Москвою, когда сильная партія бояръ и лучшихъ людей, тянувшая къ Литвѣ, продолжала существовать въ Новгородѣ. Для полнаго подчиненія Новгорода Москвѣ нужно было удалить изъ него бояръ и житьихъ людей, выселивъ ихъ въ предѣлы московскаго государства, а на ихъ мѣсто водворить жителей изъ московскаго государства. В. кн. въ 1489 г. вывелъ изъ Новгорода многихъ бояръ, житьихъ людей и гостей числомъ больше тысячи и пожаловалъ имъ помѣстья въ Москвѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, *Костромѣ* и по другимъ городамъ, а въ Новгородъ на ихъ помѣстья послалъ многихъ московскихъ лучшихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ и изъ другихъ городовъ московской отчины. Такимъ способомъ достигалось полное слитіе Новгорода съ Москвою. Подъ 1490 г. въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ неудобопонятное извѣстіе, касающееся Костромы: «Устюжане и Двиняне на службѣ на лежачей на Костромѣ были,

а отборщикъ Семенъ Болтинъ и билися Устюжане съ Костромичи» (*).

Могущество московскаго великаго князя не могло не казаться опаснымъ для великаго литовскаго князя и польскаго короля. Подъ 1493 мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о составлявшемся заговорѣ на жизнь великаго князя московскаго. Князь Иванъ Лукомскій, Матіасъ ляхъ толмачъ (переводчикъ) латинскій, два брата Смолняне Селевины уличены были въ сношеніяхъ съ литовскимъ княземъ Александромъ, а Иванъ Лукомскій, какъ оказалось, былъ посланъ на службу къ великому князю московскому польскимъ королемъ Казиміромъ, который обязалъ Лукомскаго присягой убить или отравить великаго князя и даже далъ ему яду, который и найденъ былъ у Лукомскаго. При разслѣдованіи этого дѣла, Лукомскій оговорилъ князя Ѳедора Иванов. Бѣльскаго, также выходца изъ Литвы, въ томъ, что тотъ хотѣлъ бѣжать въ Литву отъ великаго князя, можетъ быть тѣмъ давая намекъ на соучастіе и его въ заговорѣ. Князь великій предалъ Лукомскаго и Матіаса казни чрезъ сожженіе въ клѣткѣ на р. Москвѣ, братьевъ Селевиныхъ казнилъ торговою казнью: одного засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову, а князя Ѳедора Бѣльскаго вел. кн. повелѣлъ заточить въ Галичъ (**). Но нужно думать, что обвиненіе Бѣльскаго было ложное или онъ былъ скоро прощенъ; по крайней мѣрѣ Бѣльскій вскорѣ опять является на службѣ великаго князя и пользуется его довѣріемъ. Такъ подъ 1499 г. во время похода на Казань Бѣльскому ввѣрено было начальствованіе (***) надъ большимъ полкомъ великаго князя. Въ томъ же 1493 г. Кострома подверглась бѣдст-

(*) Карамз, къ т. VI, гл. VI, въ примѣчаніи подъ 1490-мъ г. выписки изъ лѣтописей.

(**) Воскр. лѣт., т. 8, стр. 225 Князь Козловскій въ исторіи Костромы говоритъ, что Бѣльскій былъ заточенъ въ Лухъ (стр). 72. Но Лухъ былъ вотчиной кн. Бѣльскаго (см. Соловьева, ист. т. V, стр. 179) и здѣсь онъ былъ схваченъ, какъ говорится въ Тверской лѣтописи подъ 1492 г.

(***) Воскр. лѣт., т. 8, стр. 237

вію отъ пожара. Въ субботу на Вербное Воскресенье весь городъ былъ истребленъ пожаромъ, по сказанію лѣтописи. Какъ часты и повсемѣстны тогда были на Руси пожары, истреблявшіе цѣлые города, видно изъ того, что вслѣдъ за извѣстіемъ о пожарѣ Костромы, лѣтописецъ говоритъ: «Апрѣля 16 на Радуници (на Ѳоминой недѣлѣ) погорѣ градъ Москва внутрь весь". Въ слѣдующемъ году погорѣ Рязань городъ весь (*). Изъ времени великаго княженія Іоанна III мы должны привести еще одно любопытное данное, относящееся къ исторіи Костромы. До насъ дошли жалованныя граматы Іоанна III литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго. Въ одной граматѣ говорится: «билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего. И я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы съ правдою (судомъ).» Извѣстно, что волостели и намѣстники въ старину жалованья отъ казны не получали, а пользовались доходами и пошлинами съ управляемыхъ волостей и городовъ, что называлось кормленіемъ. И сами они на отправленіе своихъ должностей и правосудія смотрѣли какъ на средство кормиться, быть сытыми и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю. Іоаннъ III скончался 27 октября 1505 г., благословивъ предъ смертью на великокняжескій столъ сына своего Василія.

Въ завѣщаніи Іоанна III подробно исчисляются всѣ города и волости, раздѣленные имъ между пятью сыновьями. Большая половина ихъ съ великокняжескимъ столомъ была назначена старшему сыну Василію, а остальнымъ четыремъ было отдано меньше половины городовъ, именно 30 (**). Старшему сыну Василію

(*) Тамъ же, стр, 226 и 227.

(**) Кромѣ того сохранилось завѣщаніе брата Іоанна III Юрія Васильевича, умершаго

въ числѣ городовъ и волостей даны были: Кострома съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Галичъ съ Солью, Унжа, Чухлома; вотчина кн. Бѣльскаго городъ Лухъ, волости: Вичюга, Кинешма, Чихачевъ.

Княженіе Василія III было какъ бы продолженіемъ государствованія Іоанна. Мы уже видѣли, какъ въ княженіе Іоанна III русскіе постепенно стремились утвердить свою власть надъ Казанью. Не была еще завоевана Казань, но ханъ казанскій Махметъ-Аминь, возведенный Іоанномъ на казанскій престолъ, уже обязанъ былъ присягою быть вѣрнымъ Іоанну. Но присяжникъ Іоанновъ измѣнилъ ему. Дѣйствуя по внушенію своей жены, ненавидѣвшей русскихъ, онъ далъ позволеніе избить русскихъ купцовъ въ Казани во время ярмарки, издавна существовавшей тамъ (*) для обмѣна русскихъ товаровъ на азіатскіе. Іоаннъ, по оплошности своихъ воеводъ, не успѣлъ наказать Махметъ Аминя за измѣну. Исполнить эту месть царю казанскому надлежало преемнику Іоанна III Василію III. Такимъ образомъ и Василіево княженіе, подобно Іоаннову, началось походомъ на Казань, но также не имѣвшимъ важныхъ результатовъ. Великій князь послалъ рать съ знаменитымъ тогда полководцемъ Даніиломъ Щеня и Юріемъ Константиновичемъ Сабуровымъ на Муромъ, а съ Михаиломъ Голицей Ивановичемъ Булгаковымъ на Плесъ. Даніилъ уже готовился итти къ Волгѣ отъ Мурома, но въ это время Махметъ-Аминь изъявилъ раскаяніе и прислалъ къ великому князю письмо съ извиненіемъ и просьбой мира. В. кн. согласился на [illegible]

бездѣтнымъ. Въ числѣ другихъ волостей онъ завѣщалъ великому князю село на Костромѣ Качалово съ деревнями. Ему же (вел. князю) было завѣщано и братомъ его Андреемъ Васильевичемъ: Иледамъ съ Обнорою и съ Комелою и Волочковъ. Еще имѣемъ завѣщаніе отъ 1498 г. кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, бывшаго бояриномъ и намѣстникомъ московскимъ, но потомъ подпавшаго гнѣву великаго князя Іоанна III за участіе въ противугосударственныхъ злоумышленіяхъ и только по милости великаго князя не казненнаго, но постриженнаго въ монахи. Въ своемъ завѣщаніи кн. Иванъ Юрьевичъ отказываетъ изъ своихъ владѣній сыну своему Василію между прочими селами село на Костромѣ Турабьевское съ сельцами и деревнями, да сельцо Шулговатое Палачевьское съ сельцами и деревнями. Собр. гос. грам. и догов. №№ 96, 112 и 130.

(*) Впослѣдствіи она была перенесена въ г. Макарьевъ, а потомъ въ Нижній Новгородъ.

миръ подъ условіемъ освободить нашего посла и всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ купцовъ. Махметъ клятвенною граматою призналъ свою зависимость отъ Россіи.

Обезопасивъ себя съ востока, Василій долженъ былъ устремить взоры на сильнаго своего сосѣда на западѣ князя Литовскаго. Кн. Александръ Литовскій хотя былъ въ близскомъ родствѣ съ Василіемъ, имѣя въ супружествѣ сестру его Елену, тѣмъ не менѣе между Русью и Литвою не было тогда дружественныхъ отношеній. Князь Александръ не рѣдко жаловался Василію на обиды литовцамъ со стороны русскихъ. Но великій князь призналъ эти жалобы литовцевъ не справедливыми. Кромѣ того, литовскій князь просилъ возратить Литвѣ всѣ завоеванія москвитянъ, но московскіе бояре сказали, что великій князь владѣетъ только собственными землями. Очевидно было, что отношенія между русскимъ и литовскимъ дворами были учтиво холодныя. По смерти литовскаго князя Александра, великій кн. Василій даже надѣялся, при помощи сестры своей Елены, оставшейся вдовою по смерти Александра, присоединить Литву и Польшу къ Россіи и быть верховнымъ владыкою Руси, Польши и Литвы. Но Елена отвѣчала, что братъ ея супруга Сигизмундъ уже объявленъ ему преемникомъ въ Вильнѣ и Краковѣ. Василій, досадуя на неудачу, объявилъ войну Сигизмунду подъ тѣмъ предлогомъ, что литовцы дѣлаютъ набѣги на владѣнія князей стародубскаго и рыльскаго. Уже войска дошли до Мстиславля. Тогда Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву съ мирными предложеніями. Между тѣмъ онъ принялъ къ себѣ въ службу измѣнника великому князю бѣглеца изъ Москвы Константина Острожскаго. Василій отомстилъ Сигизмунду за это, принявъ подъ свое покровительство измѣнника литовскаго, знаменитаго вельможу Михаила Глинскаго. Онъ съ почетомъ принялъ Глинскаго въ Москвѣ, щедро дарилъ его не только подарками, но и селами и даже даровалъ ему во владѣніе города: Ярославецъ и Медынь. Братья Михаила оставались въ Мо-

зырѣ, который былъ вмѣстѣ съ Туровымъ во владѣніи Глинскихъ. Михаилъ просилъ теперь у великаго князя воиновъ для обереженія этихъ городовъ. Великій князь Василій далъ ему воеводу князя Несвицкаго съ *галицкими* и *костромскими* ратниками и съ татарами. Между тѣмъ война съ Литвою еще продолжалась. Но Сигизмундъ, опасаясь Крымскаго хана, при посредствѣ сестры великаго князя Елены, предложилъ Василію миръ, на который тотъ согласился. Между Литвою и Русью былъ заключенъ вѣчный миръ. Этотъ миръ склонилъ и крымскаго хана Менгли Гирея утвердить дружбу съ нами въ 1508 г. Великій князь Василій первый изъ государей русскихъ достигъ высокаго могущества и полной власти надъ всею Русью. Остававшіеся еще неприсоединенными къ Москвѣ удѣлы и община Псковъ при немъ приведены были въ покорность Москвѣ. Василій III въ 1533 г. умеръ полновластнымъ владыкою всей Руси, оставивъ преемникомъ своимъ сына четырехлѣтняго Іоанна (*).

(*) У в. кн. Василія III-го въ Костромской области были собственныя деревни и вотчины, что мы видимъ изъ прилагаемой ниже его граматы.

IV. Періодъ исторіи Костромы и Галича въ эпоху Царей.

За малолѣтствомъ Іоанна IV государствомъ управляла сначала мать его Елена въ соучастіи бояръ, а по смерти ея наступило правленіе бояръ. Царствованіе Іоанна Грознаго отмѣчается въ исторіи Костромы слѣдующими событіями: слѣдуя хронологическому порядку, отмѣтимъ фактъ, когда упоминается о костромичахъ вмѣстѣ съ жителями другихъ городовъ; въ синодальной лѣтописи подъ № 365 говорится: «въ лѣто 7042 (1534) въ сентябрѣ на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ: москвичъ, смольнянъ и костромичъ и вологжанъ и ярославцовъ и иныхъ многихъ городовъ московскихъ, а казнь была: олово лили въ ротъ да руки сѣкли». Объясненіемъ этого сказанія служитъ слѣдующее мѣсто той же лѣтописи (листъ 343); «кн. великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и рѣзаныхъ и восхотѣ то лукавство вывести и повелѣ дѣлати деньги новыя. А поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ княгиня велѣла обыскивати и казнити».

Казанцы, недовольные господствомъ Россіи и думая, что Русь въ правленіе государя младенца ослабѣла, свергнули съ престола и умертвили присяжника московскаго Еналея и призвали къ себѣ Сафа Гирея изъ Тавриды. Нѣкоторые изъ знатныхъ людей казанскихъ, сочувствовавшихъ Москвѣ, были недовольны такой перемѣной и намѣревались изгнать Сафа Гирея въ надеждѣ на то, что великій князь объявитъ царемъ Шигъ Алея, сидѣвшаго въ заключеніи на Бѣлоозерѣ. Хотя этотъ заговоръ противъ Сафа Гирея и не удался, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ уже готовился походъ на Казань. Московскіе полководцы Гундоровъ и Замыцкій должны были итти чрезъ Мещеру на Казанскую землю. Но походъ былъ не удаченъ и полки возвратились. Въ слѣдующемъ году полки наши снова изготовились итти на Казань. Хищ-

ническіе набѣги казанцевъ не прекращались и въ 1536 г. они напали на костромскія и галицкія волости. В. князь выслалъ противъ нихъ воеводъ: Михаила Сабурова и Петра Пестраго Засѣкина. Воеводы не успѣли совокупиться и ополченія ихъ были разсѣяны татарами. Кн. Петръ Засѣкинъ да Меншикъ Полевъ были убиты въ сраженіи между Галичемъ и Костромою. Въ то время пришла вѣсть, что Сафа Гирей съ казанцами, крымцами и ногайцами собирается въ походъ на костромскія мѣста. Великій князь отправляетъ воеводъ во Владиміръ и въ Мещеру. Сафа же Гирей подступилъ внезапно къ Мурому. Но, услыхавъ о движеніи ополченій изъ Владиміра и изъ Мещеры, возвратился назадъ. Нападеніе казанскихъ татаръ и другихъ враговъ со всѣхъ сторонъ вызвали необходимость для правительства строить города для защиты волостей и въ 1536 г. по челобитной великому князю и матери его костромскаго уѣзда волостей: Кореги, Ликурги, Залѣсья и Борка Желѣзнаго, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много, а отъ городовъ далеко, поставленъ былъ городъ Буй (*). Царь казанскій во время правленія бояръ за малолѣтствомъ Іоанна IV хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Между тѣмъ уполномоченные его не ѣхали въ Москву, а казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ: Нижняго, Балахны, Мурома, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы. Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды и друг. городовъ, толпами нападали на города и волости, жгли, убивали, плѣнили, такъ что лѣтописецъ сравниваетъ бѣдствія этого времени съ Батыевымъ нашествіемъ. Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ намъ казанцевъ и крымцевъ, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій съ другими воеводами и многими людьми отправился во Владиміръ съ цѣлію наблюдать за ходомъ казанскихъ дѣлъ. Между

(*) Спустя десять лѣтъ былъ поставленъ городъ Кадый. Памят. книжка Костр. губ. на 1862 г., стр. 234.

тѣмъ отправлены были и войска въ Коломну для наблюденія за южными границами. Вскорѣ имъ было велѣно приблизиться къ Окѣ. Такъ какъ въ тоже время боялись нападенія царя казанскаго, то царю Шигъ Алею изъ Касимова и костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Татары подошли къ Окѣ, но, увидавъ многочисленное ополченіе. возвратились назадъ. Въ Казани восторжествовала крымская партія. Казанцы, надѣясь на защиту Крыма, продолжали опустошать пограничныя области московскія и въ 1539 г. они подходили къ Мурому и Костромѣ. Произошелъ кровопролитный бой пониже Костромы у св. Пятницы на Плесѣ Въ бою уже было убито четверо воеводъ: кн. Θедоръ Курпьскій. кн. Борисъ Сисеевъ. кн. Андрей Тулуповъ и кн. Николай Засѣкинъ, нѣкоторыя боярскія дѣти, но пришли на помощь царь Шигъ Алей съ кн. Θед. Мих. Мстиславскимъ и побили татаръ, а иные изъ нихъ разбѣжались по лѣсамъ и замерзли. Казанскій царь Гирей въ декабрѣ 1540 г. подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи ополченія изъ Владиміра и Касимова, ушелъ назадъ. Іоаннъ рѣшился теперь выступить въ походъ на Казань и выѣхалъ во Владиміръ. потомъ въ Нижній. Но въ это время наступила сильная оттепель и, по причинѣ беспутицы, Іоаннъ возвратился въ Москву въ слезахъ о томъ, что его не сподобилъ Богъ совершить походъ. Передовые же полки съ княземъ Бѣльскимъ и Шигъ Алеемъ подошли къ Казани. Опустошивъ окрестности, они должны были возвратиться. Казанцы отомстили за это нападеніемъ на галицкую волость подъ начальствомъ Арака богатыря. Но костромской воевода Яковлевъ разбилъ ихъ на голову при р. Еговкѣ (Язовкѣ) и убилъ Арака. Въ 1549 г. умеръ внезапно царь казанскій Сафа Гирей. Вельможи возвели на престолъ двухлѣтняго сына его Утемишъ Гирея и просили хана крымскаго прислать имъ своего сына защитить ихъ отъ русскихъ. Въ Москву между тѣмъ прислали гонца съ требованіемъ отъ Іоанна мира. Іоаннъ отвѣчалъ, что о мирѣ

говорятъ только съ послами. Спѣша воспользоваться безначаліемъ въ Казани, Іоаннъ велѣлъ собираться полкамъ въ разныхъ городахъ и въ числѣ ихъ правому въ Костромѣ, а лѣвому въ Ярославлѣ. Но въ этотъ походъ не былъ нанесенъ окончательный ударъ Казани. Наступила безпутица; войско, не получая подвозу припасовъ, боялось голода. Необходимость заставила Іоанна возвратиться назадъ въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ подчинить окончательно Казань своей власти. Надежда эта скоро исполнилась и Казань была покорена Іоанномъ 3 октября 1552 г. Покоривъ и Астрахань, Іоаннъ обратился теперь на западъ для завоеванія Ливоніи. Не имѣя надежды достигнуть цѣли, т. е. подчиненія Ливоніи одними угрозами и склонить къ тому короля польскаго Стефана Баторія, Іоаннъ рѣшился дѣйствовать наступательно. Составивъ многочисленные полки для похода на Ливонію, Іоаннъ образовалъ значительную судовую рать на Волгѣ для обузданія мятежныхъ Черемисъ, Астрахани, Ногаевъ. Въ этой судовой рати участвовали въ числѣ другихъ: кинешемцы, юрьевчане, галичане, костромичи. Въ слѣдующемъ 1577 г. Іоаннъ предпринялъ походъ на Ливонію. Въ походѣ участвовали и ополченія изъ городовъ: Костромы, Галича и др. Всѣ они должны были собираться у своихъ воеводъ. Война съ Ливоніею, удачная въ началѣ, приняла иной оборотъ, когда въ ней приняли участіе Польша и Швеція. Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ завоеваній въ Ливоніи и отъ береговъ Балтійскаго моря.

Подозрѣвая въ боярахъ измѣнниковъ, Іоаннъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей, или опричниковъ. Для содержанія ихъ онъ назначилъ часть Москвы и нѣкоторые города, въ числѣ которыхъ были: Галичъ съ пригородами, Чухлома, Унжа съ Коряковымъ и Юрьевецъ. Эта часть Россіи и Москвы, предназначенная для содержанія опричниковъ, составляла собственное государево владѣніе; все же остальное государство составляло земщину, которую Іоаннъ по-

ручалъ боярамъ земскимъ. Кромѣ любимцевъ своихъ опричниковъ Іоаннъ честилъ и ливонскихъ плѣнниковъ. Въ 1565 г., обвинивъ дерптскихъ граждан въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ ливонскимъ магистромъ, онъ вывелъ оттуда всѣхъ нѣмцевъ, сослалъ ихъ съ семьями во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній-Новгородъ, назначивъ имъ достаточное содержаніе. Славу своего царствованія Іоаннъ IV омрачилъ многочисленными казнями бояръ, подозрѣваемыхъ имъ въ измѣнѣ. Жестокость его простиралась и на родственниковъ. Двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ, подозрѣваемый Іоанномъ еще ранѣе въ измѣнѣ и враждѣ, окончательно навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна по слѣдующему случаю. Простивъ брата въ 1569 г., Іоаннъ изъявилъ ему довѣріе тѣмъ, что, собирая войско въ Нижнемъ-Новгородѣ для защиты Астрахани, ввѣрилъ ему начальство надъ нимъ. Кн. Владиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его съ крестами, хлѣбомъ и солью съ великою честію и съ изъявленіемъ любви. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ привести костромскихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ здѣсь, а брата съ притворною ласкою призвалъ къ себѣ въ Александровскую слободу. Кн. Владиміръ остановился близь слободы въ деревнѣ Слотинѣ и далъ знать о своемъ пріѣздѣ Іоанну. Іоаннъ съ толпою всадниковъ окружилъ деревню. Кн. Владиміръ, по заранѣе обдуманному плану, былъ обвиненъ въ намѣреніи отравить царя и присужденъ былъ принять ядъ вмѣстѣ съ своею супругою Евдокіею и сыновьями.

Страшная жизнь Іоанна Грознаго, обуреваемая волненіями страстей, разрушила его тѣлесную крѣпость. Такъ повѣствуетъ Карамзинъ о послѣднихъ дняхъ жизни Іоанна Грознаго: «всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызенія совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ; онъ чуствовалъ иногда

болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 г. Вскорѣ онъ занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. Болѣзнь начала развиваться, но по временамъ ему становилось легче и въ одинъ изъ такихъ часовъ облегченія онъ потребовалъ себѣ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки и хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ, но вдругъ упалъ и закрылъ глаза на вѣки. Когда рѣшительное слово: „не стало Государя!“ раздалось въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Өеодорову (сына и наслѣдника Іоанна) и боялся худыхъ ея слѣдствій для государства, или платя христіанскій долгъ жалости усопшему монарху, хотя и жестокому» (*).

Еще задолго до своей кончины Іоаннъ Грозный въ 1572 г. составилъ духовное завѣщаніе сыновьямъ Іоанну и Өеодору. Старшему сыну Іоанну въ числѣ многихъ городовъ были назначены: Юрьевецъ Волжскій и Галичъ. Кострома, Плесъ, Буй, Судиславль, Нерехта съ Солями и съ нѣкоторыми другими городами были назначены второму сыну Өеодору (**). Печальна была судьба Іоанна, старшаго сына Грознаго. Отецъ въ припадкѣ гнѣва, заподозривъ сына въ единомысліи съ боярами, казавшимися ему измѣнниками, нанесъ ему въ голову острымъ жезломъ смертельныя раны, отъ которыхъ царевичъ скончался чрезъ четыре дня въ 1582 г. Өеодоръ, второй сынъ Грознаго, слабый духомъ и тѣломъ, наслѣдовалъ престолъ россійскій въ 1584 г. Ирина, супруга Өеодора, сестра ближняго боярина Бориса Годунова была бездѣтна. Митрополитъ, князья Шуйскіе и друзья ихъ вмѣстѣ съ гостями московскими, купцами и нѣкоторыми чиновниками условились отъ имени всей Россіи ударить челомъ Өеодору, чтобъ онъ развелся съ бездѣтною Ириною. Борисъ Годуновъ рѣшился

(*) Ист. Карамз., т. IX, стр. 255 и 258.

(**) Истор. Карамз., Прибавленіе къ примѣчаніямъ IX. т.

прибѣгнуть къ низкому средству, чтобъ воспрепятствовать разводу, къ ложнымъ доносамъ. Шуйскіе своимъ слугою были оклеветаны въ измѣнѣ царю. Ихъ взяли подъ стражу и нарядили надъ ними судъ. По приговору суда, Шуйскіе были сосланы. Кн. Василій Ивановичъ Шуйскій съ братомъ своимъ Александромъ—въ Буй городъ, кн. Андрей Шуйскій въ Галичъ, прочіе въ иные города и нѣкоторые изъ нихъ были удавлены въ мѣстахъ заточенія.

Очертимъ теперь кратко внутреннее состояніе Костромской и Галицкой области въ XVI в. по тѣмъ даннымъ, которыя сохранились для исторіи. Въ 1589 г., по учрежденіи патріаршества, церковь костромская, присоединявшаяся доселѣ къ епископіи ростовской, была подчинена патріаршему вѣдѣнію и управленію (*). Управленіе областями совершалось чрезъ намѣстниковъ великокняжескихъ и царскихъ. Отъ 1586 г. сохранилось свѣдѣніе о томъ, какъ писались, или титуловались бояре царской думы. Они назывались боярами и намѣстниками. Между прочимъ здѣсь упоминается о Степанѣ Васильевичѣ Годуновѣ, бояринѣ и намѣстникѣ Костромскомъ.

Матеріальное благосостояніе Костромской области частію характеризуется количествомъ подати съ нея въ государственную казну. Въ доходъ государственной казны съ Костромской области податей вносилось 12 т р, разныхъ городскихъ пошлинъ: торговыхъ, судныхъ, питейныхъ, банныхъ, вносимыхъ въ казну большаго прихода, съ Костромы шло 1800 р. Для раскладки платежа государственныхъ податей всѣ населенныя земли въ Россіи раздѣлялись на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 чет-

(*) Намъ раньше не приходилось упоминать о началѣ церкви Костромской и вообще о водвореніи въ Костромскомъ краѣ христіанства. Христіанство было проповѣдано и введено въ Костромской области еще въ то время, когда славянскіе колонисты не успѣли слиться вполнѣ съ мерянами, именно въ началѣ XI вѣка. Меряне сначала враждебно встрѣтили проповѣдниковъ христіанства и нѣкоторые изъ послѣднихъ претерпѣли гоненія и были замучены.

вертей доброй земли, а въ выти 12, въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400). Для измѣренія и переписи земель посылались въ области особые писцы. Въ разрядныхъ книгахъ 1594 г. сказано, что въ Костромскую область за Волгу были посланы тогда писцы кн. Ѳеодоръ Кривоборскій и Аѳанасій Зиновьевъ, по сю сторону Волги Василій Вельяминовъ и Пант. Усовъ. О древней торговлѣ въ краю костромскомъ сохранились данныя относительно Галича. Хлѣбъ и плоды составляли предметы внутренней торговли на Руси, а мѣха составляли главный предметъ внѣшней торговли и изъ Галича шли въ Европу и въ Азію бѣлки и горностаи. Относительно промышленности въ костромскомъ краю сохранились свѣдѣнія о добываніи соли въ Кинешмѣ, (*) гдѣ были соляныя варницы.

Вслѣдъ за Ѳеодоровымъ наступившее царствованіе Бориса Годунова было какъ бы продолженіемъ одного и того же царствованія, такъ какъ правитель государства оставался одинъ и тотъ же Борисъ Годуновъ. Но Борисъ, достигшій престола путемъ коварства, улитымъ кровію царственнаго отрока, Димитрія, не могъ оставаться спокойнымъ на престолѣ, когда къ нему были близки бояре Романовы. Послѣдніе пользовались уваженіемъ и любовію народа, взиравшаго на нихъ какъ на родственниковъ прежняго царственнаго дома чрезъ добродѣтельную Анастасію Романовну, которой преподобный Геннадій, бывши однажды въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ, преподавая благословеніе, сказалъ: »ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будеши намъ Государыня Царица благовѣрная всему міру». Предсказаніе преподобнаго Геннадія исполнилось, когда Анастасія была избрана въ супруги Іоанномъ Грознымъ. Братъ ея, бояринъ Никита Романовичъ, отличавшійся благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳе-

(*) Городъ Кинешма неизвѣстно кѣмъ и когда основанъ. Въ лѣтописяхъ онъ встрѣчается въ концѣ XV стол. Можно по аналогіи съ Костромою предполагать, что и этотъ городъ образовывался постепенно изъ селенія или городка древняго мерянскаго.

дора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, предъ смертію моля Годунова заступить имъ мѣсто отца. Наружно оказывая Романовымъ почетъ, Борисъ въ душѣ таилъ ненависть къ нимъ, опасаясь ихъ соперничества съ своимъ сыномъ Θеодоромъ въ наслѣдованіи престола. Былъ слухъ, что царь Θеодоръ не задолго до смерти думалъ объявить старшаго изъ Романовыхъ наслѣдникомъ престола. По крайней мѣрѣ народъ видѣлъ въ нихъ лицъ ближайшихъ къ престолу. Борисъ готовъ уже былъ излить свою ненависть на Романовыхъ; не доставало только предлога для гоненія. Нужно было обѣщаніемъ разныхъ милостей убѣдить слугъ Романовыхъ ложно донести на своихъ бояръ о злоумышленіи противъ царя. Бояринъ Семенъ Годуновъ съ согласія Бориса придумалъ способъ обвинить невинныхъ въ злодѣяніи: подкупивъ казначея Романовыхъ Бартенева, онъ снабдилъ его мѣшками съ кореньями, велѣлъ ихъ спрятать въ кладовой боярина Александра Никитича и потомъ донести на своихъ господъ, что они занимаются составленіемъ зелья для отравы царя. Посланъ былъ окольничій Салтыковъ для обыска въ кладовой боярина Александра. Мѣшки были найдены и принесены къ патріарху Іову. По повелѣнію Іова, были собраны бояре и многіе люди, приведенъ былъ и свидѣтель клеветникъ Бартеневъ. Всѣ братья Романовы были приведены на судъ. Какъ звѣри дикіе рыкали бояре на невинныхъ, говоритъ лѣтописецъ (*) Они же, за поднявшимся шумомъ, не могли ничего отвѣчать. Коренья были высыпаны изъ мѣшковъ для большей убѣдительности судей и на Романовыхъ отовсюду посыпались укоризны. Тогда Θеодора Никитича съ братьями, а также родственниковъ ихъ: кн. Шерстунова, князей Сицкихъ и Карповыхъ царь Борисъ повелѣлъ отдать подъ крѣпкую стражу и мучить. Θеодора Никитича съ братьями и родственниками нѣсколько разъ подвергали разнымъ истязаніямъ. Предать же ихъ явно смер-

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Θеодоровича, стр. 50.

ти царь Борисъ не находилъ причины, и потому рѣшился погубить ихъ тайно, отославши въ заточеніе въ отдаленныя мѣста: Ѳеодоръ Никитичъ былъ сосланъ въ Холмогорскій уѣздъ въ Сійскій монастырь и тамъ постриженъ въ монахи съ именемъ Филарета, другіе братья были сосланы въ Сибирь и нѣкоторые были удавлены въ ссылкѣ; зятя же ихъ князя Бориса Кинбулатовича съ княгинею его и съ дѣтьми Ѳеодора Никитича: Михаиломъ, будущимъ царемъ Россіи, съ сестрою и теткою ихъ Анастасіею Никитичною и супругу Александра Никитича Борисъ велѣлъ заточить въ темницу на Бѣломъ озерѣ; супругу Ѳеодора Никитича Ксенію Ивановну Борисъ сослалъ въ заонежскіе погосты и тамъ ее въ темницѣ велѣлъ уморить голодомъ. Но княгиня перенесла муки голода и осталась жива Спустя долгое время, царь Борисъ возвратилъ нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ изъ Сибири, а сестру Ѳеодора Никитича, овдовѣвшую на Бѣломъ озерѣ, дѣтей его и сноху съ Бѣлаго озера велѣлъ перевести въ Юрьевецкій уѣздъ въ ихъ вотчину село Клинъ, назначивъ къ нимъ приставами Давида Жеребцова и Василія Хлопова. Здѣсь отрокъ Михаилъ, будущій вѣнценосецъ Россіи, лишенный отца и матери, на попеченіи родственниковъ дожилъ до смерти Борисовой. Постриженнаго Ѳеодора Никитича Борисъ приказалъ посвятить въ іеромонахи и потомъ въ архимандриты. Такъ печальна была участь бояръ Романовыхъ изъ за ненависти къ нимъ царя, подозрительнаго Бориса. Эта подозрительность Годунова, на крови невиннаго отрока утвердившаго свою власть, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе развивалась. Къ тому же Россію постигаютъ различныя бѣдствія: голодъ, моръ, образовались разбойничьи шайки, подходившія къ самой Москвѣ. Но всѣ эти бѣдствія, по понятію народа постигшія Русь за злодѣянія царя, были малы сравнительно съ тѣми, какія постигли русскую землю въ послѣдующее время. Образъ убитаго отрока, преслѣдовавшій Бориса, является уже не призракомъ, не плодомъ воображенія, но на яву, въ лицѣ человѣка, назвавшагося царе-

вичемъ Димитріемъ, спасшимся изъ Углича отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ въ 1591 г. Эта вѣсть о появленіи мнимаго царевича Димитрія до глубины потрясла существо Бориса, какъ вѣнецъ его душевныхъ страданій, происходившихъ отъ угрызеній совѣсти, подозрительности и безпокойства по поводу различныхъ бѣдствій, постигшихъ при немъ русскую землю. Наступалъ для Бориса роковой часъ, когда онъ въ тайнѣ души своей долженъ былъ произнести: нынѣ судъ мой! Судъ Божій и судъ человѣческій за все учиненное мною! Чаша моихъ душевныхъ страданій преисполнена! Я долженъ покориться неизбѣжному року. Борисъ, умѣя владѣть собою, скрылъ чувства страха и скорби даже отъ близкихъ ему лицъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго царевича Димитрія, онъ появленіе мнимаго объяснялъ себѣ злымъ умысломъ своихъ враговъ и приказалъ узнать въ Литвѣ: кто этотъ самозванецъ? Началъ искать нитей заговора въ Россіи, подозрѣвалъ орудіями въ этомъ дѣлѣ бояръ, подозрѣвалъ даже инокиню мать убитаго царевича и, съ цѣлію вывѣдать отъ нея тайну, ѣздилъ къ ней въ дѣвичій монастырь съ патріархомъ. Но царица инокиня не знала о появленіи того, кто, принявъ имя ея сына, воздастъ вмѣсто ея должное Борису и его семьѣ за ужасное злодѣяніе. Есть мѣра терпѣнія и всепрощенія и у души добродѣтельной, и теперь, при ожившемъ воспоминаніи объ отнятомъ единственномъ сынѣ, эта роковая вѣсть о появленіи мнимаго сына ея не могла не исполнить душу оскорбленной матери чувствомъ внутренней радости, скрытой отъ царя убійцы. Кто же былъ самозванецъ? Этотъ вопросъ прежде всего желалъ разрѣшить царь Борисъ. Но съ тѣмъ рѣшеніемъ, какое далъ ему Годуновъ, нѣкоторые позднѣйшіе историки наши послѣ Карамзина не соглашаются; не разстрига чернецъ дьяконъ Григорій Отрепьевъ сидѣлъ на престолѣ русскомъ, утверждаютъ позднѣйшіе историки, но кто-то другой; кто именно, они не говорятъ опредѣленно. По всему вѣроятію и многіе современники вполнѣ опредѣленно не знали о лич-

ности перваго самозванца. Тѣмъ не менѣе въ лѣтописи, составленной при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, мы находимъ подробную повѣсть о происхожденіи и судьбѣ перваго самозванца. Приводимъ эту повѣсть (*), важную для нашего историческаго очерка потому, что она касается исторіи костромской области и въ частности Галича.

Въ предѣлахъ города Галича жили многіе служилые дворяне въ своихъ имѣніяхъ и между ними малоизвѣстный одинъ боярскій сынъ Замятня по прозванію Отрепьевъ. У него было два сына: Смирной и Богданъ. У Богдана былъ сынъ по имени Георгій. Когда онъ подросъ, отецъ отправилъ его въ Москву для книжнаго наученія и онъ скоро выучился грамотѣ. Еще въ молодости неизвѣстно кѣмъ онъ былъ постриженъ въ монахи и монахомъ пришелъ въ Суздаль въ Спасо-Евфиміевъ монастырь. Архимандритъ монастыря Левкій отдалъ его (**), какъ еще юнаго, подъ присмотръ одному духовному старцу. Чрезъ годъ Григорій убѣжалъ изъ Суздальскаго монастыря и пришелъ въ Спасскій же монастырь

(*) Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Θеодоровича, изданный по списку кн. Оболенскаго. Москва, 1855 стр. 58 и слѣд.

(**) Карамзинъ на основаніи другихъ источниковъ присовокупляетъ, что по смерти отца своего, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ, Отрепьевъ служилъ въ домѣ Романовыхъ и у кн. Бориса Черкасскаго. Потомъ, слѣдуя примѣру дѣда своего Замятни, который давно уже монашествовалъ въ Чудовской обители, рѣшился искать удовольствія въ безпечной праздности въ санѣ инока. Еще Карамзинъ приводитъ такія свѣдѣнія о Григоріи Отрепьевѣ изъ разныхъ источниковъ: въ письмѣ Бориса Годунова къ Сигизмунду сказано: до постриженія Григорій Отрепьевъ именовался Юшкою. По своему злонравію онъ не слушался отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дома и лукаво вступилъ въ монашество. Въ хронографѣ говорится, что Отрепьевъ послѣ отца остался очень молодымъ и наученъ былъ божественному писанію матерью, потомъ онъ ушелъ отъ матери и привиталъ въ Москвѣ. Случилось ему свидѣться и бесѣдовать въ вятской области, въ гор. Хлыновѣ, въ Успенской обители съ игуменомъ Трифономъ и по совѣту этого игумена онъ постригся съ именемъ Григорія 14 лѣтъ, потомъ пошелъ въ Суздаль. Въ одномъ сказаніи о разстригѣ говорится: сей Гришка Отрепьевъ къ кн. Ивану Борисовичу Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ и за это царь Борисъ на него негодовалъ. Онъ же, избѣжавъ гнѣва царскаго, тайно постригся. Примѣч. къ XI т. 194.

на Кукбѣ (*), гдѣ жилъ 12 недѣль. Услыша о своемъ дѣдѣ Замятнѣ Отрепьевѣ, что онъ постригся и живетъ въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, онъ пришелъ къ нему и остался здѣсь жить. Скоро онъ сдѣлался извѣстенъ въ Чудовской обители своимъ граматнымъ искусствомъ и посвященъ въ діакона. Увидавъ въ Григоріи разумнаго человѣка, патріархъ Іовъ приблизилъ его къ себѣ для письменныхъ занятій, даже ему поручалось составленіе каноновъ святымъ (**). Митрополитъ ростовскій Іона, увидѣвъ его, сказалъ патріарху; «знай, господинъ, что чернецъ этотъ дьявольскій сосудъ». Патріархъ не повѣрилъ ему. Между тѣмъ инокъ Григорій распрашивалъ въ Чудовскомъ монастырѣ старцевъ о подробностяхъ убіенія царевича Димитрія и часто высказывался, что онъ будетъ царемъ на Москвѣ. Старцы плевали на эти слова его, считая ихъ пустыми и нерѣдко бранили его за нихъ. Прозорливый же митрополитъ Іона сказалъ о немъ царю Борису тоже, что и патріарху. Борисъ велѣлъ дьяку Смирнову Васильеву чернеца Гришку Отрепьева сослать въ Соловецкій монастырь и тамъ держать его подъ строгимъ надзоромъ. Смирной сказалъ о царскомъ повелѣніи родственнику Григорія дьяку Семенкѣ Евфимьеву. Семенка упросилъ Смирнова не приводить скоро въ исполненіе царское повелѣніе. Я, сказалъ онъ, буду ходатайствовать за него, чтобы онъ не былъ туда посланъ. Смирной же потомъ забылъ о повелѣніи царскомъ. Тѣмъ временемъ Григорій Отрепьевъ, узнавъ о приказаніи о немъ царя, ушелъ тайно изъ Москвы въ галицкій Желѣзноборовскій монастырь. Чрезъ нѣсколько времени онъ ушелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскій монастырь, строитель кото-

---

(*) Карамзинъ дополняетъ, что послѣ суздальской обители онъ жилъ въ галицкой обители Іоанна Предтечи.

(**) Карамзинъ: пользуясь расположеніемъ патріарха, Отрепьевъ часто ѣздилъ съ нимъ во дворецъ, видѣлъ пышность царскую и плѣнялся ею, съ любопытствомъ слушалъ разсказы людей разумныхъ, особенно о царевичѣ Димитріи, вездѣ вывѣдывалъ объ обстоятельствахъ его судьбы и все записывалъ для памяти. Мысль о царствѣ уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ говорятъ, однимъ злымъ инокомъ. Ист. т. XI, гл. II, стр. 73.

раго далъ ему лошадь. Отсюда Гришка прибылъ въ Брянскъ, гдѣ къ нему присоединились другіе чернецы Чудова монастыря, изъ коихъ одинъ Мисаилъ Повадинъ и другой, по дополненію Карамзина, священникъ Варлаамъ. Вмѣстѣ съ ними Отрепьевъ пришелъ въ Новгородъ —Сѣверскъ въ Спасскій монастырь. Спустя не много времени, Григорій Отрепьевъ снова сталъ проситься у тамошняго архимандрита отпустить ихъ въ Путивль подъ предлогомъ свиданія тамъ съ какимъ то родственникомъ. Гришка жилъ въ келліяхъ самого архимандрита. Архимандритъ, не подозрѣвая его умысла, отпустилъ его, давъ ему лошадь и проводника. Гришка же тайкомъ написалъ и уходя оставилъ въ изголовьи архимандрита такую записку: «я царевичъ Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича. Когда взойду на престолъ отца своего, тогда пожалую тебя за то, что ты снабжалъ меня всѣмъ нужнымъ въ обители этой». Доѣхавши до пути, который велъ къ Кіеву, они поѣхали туда. Проводникъ, данный имъ отъ архимандрита, сказалъ, что не этотъ путь къ Путивлю, но еще далѣе. Мисаилъ Повадинъ отвѣчалъ: «я самъ знаю; мы хотимъ ѣхать этимъ путемъ», и затѣмъ отослали они проводника назадъ. Проводникъ, возвратясь, сказалъ о томъ архимандриту. Тотъ принялъ это за оскорбленіе и, когда легъ на постель, усмотрѣлъ записку; съ ужасомъ прочелъ онъ написанное на ней и отъ печали началъ плакать. Недоумѣвая какъ ему поступить, рѣшилъ за лучшее не говорить объ этомъ никому. Отрепьевъ, повѣствуетъ Карамзинъ, стремился въ Литву мимо Стародуба къ Луевымъ горамъ сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, инокъ Днѣпрова монастыря, Пименъ. Въ Кіевѣ былъ воеводой тогда Василій Константиновичъ Острожскій, поборникъ греческой вѣры. Онъ допросилъ иноковъ о цѣли прихода и тѣ сказали, что пришли по обѣщанію. Узнавъ о томъ, что Гришка въ санѣ дьякона, Острожскій приказалъ ему совершить въ своемъ присутствіи литургію. Служеніе дьякона Григорія понравилось Острожскому.

Отославъ иноковъ въ Печерскій монастырь, онъ приказалъ давать имъ тамъ все нужное. Григорій же здѣсь началъ вести образъ жизни не монашескій: не исполнялъ обѣтовъ цѣломудрія и воздержанія, хвалился свободою мнѣній, любилъ говорить о законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ анабаптистами, какъ присовокупляетъ Карамзинъ. Архимандритъ печерскій довелъ объ этомъ до свѣдѣнія кн. Василія Острожскаго. Тотъ приказалъ Гришку казнить за его поведеніе. Но Гришка, узнавъ о томъ во время, убѣжалъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и облекшись въ мірское одѣяніе. Сведя предъ тѣмъ знакомство съ другимъ бродягой инокомъ Леонидомъ, говоритъ Карамзинъ, уговорилъ его назваться своимъ именемъ Григорія Өтрепьева.

Прибывъ къ запорожцамъ, шайки которыхъ гнѣздились среди камышей днѣпровскихъ, Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ въ шайкѣ Герасима Евангелика; здѣсь онъ пріобрѣлъ большую опытность. Но скоро онъ является въ иномъ мѣстѣ, въ мирной школѣ городка волынскаго Гащи за польскою и латинскою граматикою, такъ какъ ему нужно было умѣть владѣть не только оружіемъ, но и словомъ. Отсюда онъ прибылъ къ князю Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на службу въ мѣстечкѣ Брагинѣ. По разсказу Карамзина, слуга Григорій велъ себя здѣсь скромно, занимался военными упражненіями и не столько наружностью, которою былъ некрасивъ, сколько живостью и смѣлостью ума, краснорѣчіемъ и благородною осанкою заслужилъ вниманіе и доброе расположеніе пана. По лѣтописному разсказу, онъ втайнѣ написалъ на свиткѣ повѣствованіе о смерти царя Ивана Васильевича и о томъ, какъ его царь Өедоръ Ивановичъ отправилъ на удѣлъ въ Угличъ, какъ Борисъ Годуновъ приказалъ его тайно убить и какъ Богъ послѣ его сохранилъ; его спасли отъ смерти бояре и дьяки Щелкаловы, которымъ его хранить повелѣлъ отецъ его царь Иванъ Васильевичъ. Когда же не стало возможности скрывать его въ отечествѣ, то изъ опа-

сенія, чтобъ его не убили, бояре препроводили его сюда, такъ какъ лучше жить въ чужой странѣ, нежели быть убитымъ въ отечествѣ. Вмѣсто же его въ Угличѣ былъ убитъ сынъ елецкаго священника. Свитокъ этотъ онъ скрылъ въ постели. Самъ же притворился больнымъ при смерти, просилъ призвать къ нему духовника и при этомъ давалъ видъ, что едва можетъ говорить. Когда окружавшіе его вышли изъ комнаты, онъ на единѣ сказалъ духовнику: если случится мнѣ умереть, то прикажи похоронить меня съ честію, достойною царскихъ дѣтей. На вопросъ духовника: почему онъ такъ желаетъ? Отрепьевъ отвѣчалъ: теперь не скажу, но по смерти моей найдешь подъ моимъ ложемъ спрятанный свитокъ. Прочитавъ его, узнаешь о причинѣ моей просьбы. Теперь же не только при жизни, но даже и по смерти моей прошу никому объ этомъ не говорить. Духовникъ (іезуитъ, по словамъ Карамзина) разсказалъ пану Вишневецкому все слышанное отъ Григорія. Вишневецкій самъ пошелъ къ Отрепьеву. Отрепьевъ на всѣ вопросы молчалъ. Князь приказалъ поискать у него подъ постелью свитка. Григорій, какъ бы не хотя, отдалъ его. Прочитавъ написанное на свиткѣ, Вишневецкій пришелъ въ недоумѣніе. Когда же, повѣствуетъ Карамзинъ, мнимый больной показалъ на груди золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными каменьями (можетъ быть гдѣ нибудь украденный) и со слезами сказалъ, что эта святыня дана ему крестнымъ отцемъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ, Вишневецкій рѣшился объявить о немъ королю. Къ тому же его подстрекало славолюбіе, если слуга его будетъ на московскомъ престолѣ. Вишневецкій, употребивъ средства поднять больнаго съ одра болѣзни, повезъ Григорія на сеймъ пановъ польскихъ, воздавая ему здѣсь честь, какъ царскому сыну. Король, всѣ паны и рада начали осыпать его вопросами, на которые онъ всѣмъ отвѣчалъ одно и тоже, что онъ сынъ царя Іоанна Димитрій и передавалъ имъ много ложнаго за истину; всѣ вѣрили его лжи. Послѣ, хотя всѣ и уразумѣли его ложь, но, желая бѣдствія московскому государ-

ству, передавали сами эту ложь за истину и наконецъ обѣщали дать ему помощь противъ московскаго царя. Главное участіе въ самозванцѣ, кромѣ брата Адама Вишневецкаго Константина, принималъ Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій. Король Сигизмундъ, какъ повѣствуетъ Карамзинъ, слѣдуя внушеніямъ папскаго нунція Рангони и іезуитовъ, которые тогда имѣли большое вліяніе на него и имѣли значеніе въ Польшѣ, изъявилъ желаніе видѣть у себя назвавшагося царевичемъ Димитріемъ. Въ повѣсти говорится, что Отрепьевъ королю и всей радѣ далъ обѣщаніе принять латинскую вѣру и дѣйствовать съ ними единодушно. По повѣствованію Карамзина, Сигизмундъ принялъ въ немъ участіе потому, что могъ найти въ немъ друга и союзника, а папа надѣялся найти въ немъ усерднаго сына и послѣдователя католичества. Дѣятельные іезуиты служили посредниками въ сближеніи съ ними самозванца. Послѣдній является теперь въ Краковѣ съ паномъ Вишневецкимъ и сендомирскимъ Мнишкомъ. Нунцій папскій Рангони повезъ его во дворецъ короля Сигизмунда. Сигизмундъ принялъ его ласково въ своемъ кабинетѣ. Самозванецъ разсказалъ ему всю свою мнимую исторію, закончивъ такъ: «Государь! Вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи». По знаку королевскаго чиновника, самозванецъ удалился на время изъ кабинета Сигизмунда. Король, посовѣтовавшись съ Рангони наединѣ, снова призвалъ названнаго царевича Димитрія и сказалъ ему: «да поможетъ вамъ Богъ, московскій князь Димитрій! А мы выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40 т. золотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ Рѣчи Посполитой, вольны сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ». Для нашего историчес-

каго очерка мы ограничиваемся только изложенiемъ приведенныхъ нами изъ лѣтописнаго сказанiя подробностей до воцаренiя Лжедимитрiя на московскомъ престолѣ. Дальнѣйшая исторiя его вступленiя на престолъ и царствованiя входитъ всецѣло въ кругъ общерусской исторiи и потому мы изложимъ только главнѣйшiя событiя и тѣ, которыя близко касаются Костромской области.

Съ помощiю поляковъ и казаковъ взявъ украинскiе города, самозванецъ безпрепятственно шелъ къ Москвѣ. Внезапная смерть Бориса Годунова въ 1605 г. облегчила самозванцу возможность достигнуть своей цѣли. Сынъ Бориса Өеодоръ, вступившiй теперь на престолъ, послѣ того, какъ въ Москвѣ были получены граматы отъ самозванца и прочтены съ Лобнаго мѣста, былъ низвергнутъ съ престола и задушенъ вмѣстѣ съ матерью. Москва отправляетъ посольство къ Лжедимитрiю, призывая его на дѣдовскiй и отчiй престолъ. Лѣтомъ 1605 г. Лжедимитрiй торжественно въѣхалъ въ Москву. Вскорѣ объявлены были милости новаго царя. Всѣмъ опальнымъ въ Борисово царствованiе, какъ-то Нагимъ и Романовымъ, оставшимся въ живыхъ и многимъ другимъ дарованы были свобода и почести. Инокъ архимандритъ Филаретъ (или бояринъ Өеодоръ Никитичъ Романовъ) былъ вызванъ изъ мѣста заточенiя Сiйской обители и посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго. Съ этого времени супруга его, уже инокиня Марфа, съ юнымъ сыномъ Михаиломъ была водворена въ Костромѣ, гдѣ была ихъ отчина. Полагаютъ, что она имѣла мѣстопребыванiе въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ (*), но не въ Ипатьевскомъ. Изъ старинныхъ описей видно, что еще въ Кремлѣ былъ осадный дворъ инокини Марөы Ивановны и тутъ же были дома многихъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, дьяковъ и другихъ дворянъ. Родовое же имѣнiе бояръ Романовыхъ было около села Домнина, гдѣ потомъ жилъ Михаилъ Өеодоровичъ съ

(*) Находившемся въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ теплый храмъ Успенскаго собора.

своею матерью, когда его стали отыскивать поляки.

Лжедимитрій на первыхъ же порахъ царствованія выказывалъ большую смѣтливость въ дѣлахъ, предполагалъ ввести разныя преобразованія, но обѣщанія іезуитамъ о подчиненіи русской церкви папѣ не заботился исполнить. Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ бояре скоро уже распространили слухъ о его самозванствѣ. Опаснѣйшимъ свидѣтелемъ истины явился кн. Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ сказалъ близкимъ людямъ, что Россія подъ властію обманщика. Басмановъ, вѣрный Лжедимитрію, донесъ ему о распускаемыхъ Шуйскимъ слухахъ. Тогда Шуйскаго съ братьями взяли подъ стражу и приказали судить. Его подвергли пыткамъ, чтобы принудить открыть своихъ единомышленниковъ, но онъ никого не назвалъ и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни. Уже Шуйскій былъ возведенъ на эшафотъ, казнь готова была уже совершиться, какъ вдругъ крики: стой! И чиновникъ царскій, подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, объявилъ Шуйскому помилованіе. Народъ съ восторгомъ принялъ эту вѣсть. Говорятъ, что царица инокиня Марѳа слезно убѣдила самозванца не предавать Шуйскаго казни. Трое Шуйскихъ: Василій, Димитрій и Иванъ были сосланы въ пригородки Галицкіе. Но въ тоже время разнеслось по Москвѣ *и свидѣтельство многихъ галичанъ*, единоземцевъ и близкихъ къ Григорію Отрепьеву: дяди, брата и даже матери, вдовы Варвары. Они узнали его и не хотѣли молчать о его самозванствѣ. Въ легендѣ о самозванцѣ сказано, что онъ, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Есть здѣсь въ сказаніяхъ впрочемъ непослѣдовательность, тѣмъ не менѣе извѣстно, что мать и братъ были заключены, а дядя Смирной Отрепьевъ былъ сосланъ въ Сибирь. Схватили и казнили еще нѣкоторыхъ: дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳеодора, возмущавшихъ народъ противъ царя. Повторились годы Борисовы, наступило опять время доносовъ, пытокъ и казней. Самозванецъ велѣлъ удалить

многихъ иноковъ чудовскихъ въ пустынныя обители. Между тѣмъ при дворѣ было веселье; каждый день былъ праздникомъ. Придворные блистали пышностью нарядовъ, музыка, пляска и игры служили ежедневными увеселеніями. Въ эти веселые дни самозванецъ былъ расположенъ къ милости и простилъ Шуйскихъ чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки. Не смотря на эту милость Василій Шуйскій замышлялъ гибель самозванцу. Къ тому же въ это время уже сильно развилось въ народѣ неудовольствіе на иноземцевъ, поляковъ, наводнившихъ Москву и безчинствовавшихъ по Москвѣ и въ храмахъ. Особенно противъ самозванца и поляковъ вооружилось духовенство. Самозванецъ срамилъ и казнилъ иноковъ въ случаѣ какихъ нибудь преступленій, обиралъ деньги съ обителей, выгонялъ духовныхъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ иноземцевъ, дозволилъ въ Кремлѣ совершать католическую обѣдню самъ же между тѣмъ презиралъ и преступалъ правила и обычаи церкви православной и съ презрѣніемъ относился къ народнымъ русскимъ обычаямъ. Образовалась общая ненависть къ с мозванцу, въ тождествѣ котораго съ Отрепьевымъ москвичи уже не сомнѣвались. Говорили и объ обѣщаніи и намѣреніи самозванца подчинить русскую церковь папѣ и значительную часть Россіи отдать Литвѣ. Шуйскій съ единомышленниками уже готовы были воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ на самозванца, уже зрѣлъ заговоръ свергнуть обманщика съ престола. Но дѣло было отложено до свадьбы его съ Мариной Мнишекъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы еще болѣе усилилось въ народѣ озлобленіе на него. Наконецъ торжественно прибыла Марина въ Москву. Москва еще болѣе наводнилась поляками и иноземцами. Марина была помѣщена предварительно въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ самозванецъ ежедневно видѣлся съ нею. На соблазнъ инокинь въ ея келліяхъ раздавались музыка и пѣсни и происходили танцы. На роскошь, великолѣпныя празднества и подарки употреблялись большія суммы

изъ царской казны. Народъ это зналъ и возмущался. Наконецъ съ великолѣпіемъ была совершена и отпразднована свадьба самозванца съ Мариной. Народъ еще болѣе возмутился, когда Марина, провозглашенная царицею, не отреклась отъ латинской вѣры. Тогда Шуйскій рѣшился немедленно приступить къ дѣлу и ночью призвалъ къ себѣ своихъ единомышленниковъ и даже людей стороннихъ. На совѣтѣ съ ними Шуйскій говорилъ, что отечество и вѣра гибнутъ отъ самозванца. Положено было избыть обманщика и ляховъ, не боясь ни клятвопреступничества, ни безначалія. Лжедимитрій и ляхи спокойно проводили дни, не зная о составлявшемся заговорѣ; но въ Москвѣ особенно стрѣльцы многіе знали о томъ, что готовится въ скоромъ времени. 17 мая въ четвертомъ часу дня раздался набатъ съ колокольни Св. Иліи и потомъ быстро набатный звонъ охватилъ всю Москву. Москвичи устремились въ Кремль на Красную площадь. Во главѣ многочисленной толпы кн. В. Шуйскій въѣхалъ въ Кремль и, приложившись къ иконѣ Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, воскликнулъ къ народу: «во имя Божіе идите на злаго еретика». Самозванецъ съ удивленіемъ видитъ изъ окна вооруженную толпу, зоветъ вѣрнаго Басманова и приказываетъ ему узнать о причинѣ волненія народа. Басмановъ, встрѣтивъ на крыльцѣ бунтовщиковъ, требовавшихъ вести ихъ къ самозванцу, возвратился и объявилъ своему повелителю: «все кончено, Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей, спасайся». Басмановъ вскорѣ былъ убитъ. Народъ ворвался во дворецъ. Самозванецъ въ ужасѣ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, ища спасенія и не находя его здѣсь, выпрыгнулъ въ окно на Житный дворъ. Спускаясь по лѣсамъ, онъ не могъ удержаться, упалъ на землю и вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову и лежалъ въ крови. Неучаствовавшіе въ заговорѣ стрѣльцы привели его въ чувство и хотѣли защищать, но когда было объявлено, что царица инокиня отрекается теперь отъ него, говоря, что ранѣе признала его своимъ сыномъ только изъ за

страха; стрѣльцы выдали обманщика боярамъ и тѣ велѣли нести его во дворецъ. Здѣсь стали допрашивать его, облекши въ бѣдное рубище. На вопросъ: «кто ты злодѣй? онъ отвѣчалъ: «вы знаете, я Димитрій» и ссылался на царицу инокиню, но ему объявили, что царица отреклась отъ него и предаетъ его казни. Самозванецъ требовалъ отнести его на Лобное мѣсто къ народу, чтобы объявить ему истину. Народъ ломился въ двери и спрашивалъ: винится ли злодѣй? Отвѣчали: винится. Тогда два выстрѣла, сдѣланные дворянами: Иваномъ Воейковымъ и Григоріемъ Валуевымъ прекратили жизнь самозванца. Толпа схватила и повлекла трупъ къ Лобному мѣсту. Съ маскою, дудкою и волынкою положили его на столѣ вмѣстѣ съ трупомъ Басманова. Преданіе есть, что потомъ трупъ его сожгли, пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

Не смотря на то, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ находимъ подробную и, повидимому, не оставляющую сомнѣнія въ личности самозванца повѣсть, въ исторической наукѣ въ послѣднее время высказаны разнорѣчивыя мнѣнія объ этой загадочной личности. Карамзинъ не сомнѣвается въ тождествѣ перваго самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Этотъ взглядъ на личность перваго Лжедимитрія раздѣляетъ и г. Казанскій въ статьѣ: «изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1877 г. Доказательства г. Казанскаго въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ слѣдующія: самъ самозванецъ, кажется, не скрывалъ въ Польшѣ, что онъ подъ именемъ Отрепьева укрывался въ Россіи и разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ такъ, что въ нихъ повторялась исторія Отрепьева. Было много случаевъ, когда самозванецъ могъ и долженъ былъ для своей выгоды ясно выставить, что онъ не одно лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ онъ этого и въ граматѣ къ московскому народу и даже мимоходомъ не касается здѣсь этого предмета. Въ продолженіи одиннад-

цати мѣсячнаго правленія много разъ раздавались голоса, называвшіе царя растригой. Казнями отвѣтили на эти названія, но ни чѣмъ не доказали лживости такого обвиненія. Замѣтили, что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Смирной Отрепьевъ, дядя Григорія Отрепьева, сосланъ былъ въ Сибирь. Названный Димитрій уклонялся отъ очной ставки съ нимъ. Судъ надъ Шуйскимъ предъ выборными изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь почелъ нужнымъ оправдать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія, что онъ разстрига Отрепьевъ, и совсѣмъ не касался важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасся въ юности и гдѣ жилъ до появленія въ Польшѣ, служитъ новымъ подтвержденіемъ, что первый Лжедимитрій былъ дѣйствительно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрепьева. Послѣ гибели самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрепьевымъ, но и повторялъ въ присутствіи Романовыхъ и Черкасскаго, что Отрепьевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ. Глубокоблагочестивый человѣкъ, по общему отзыву, дьякъ Тимофей Осиповичъ публично и въ лицо самозванцу называлъ его Григоріемъ Отрепьевымъ. Его возмущало всеобщее поклоненіе Лжедимитрію, о которомъ зналъ онъ, что это разстрига Отрепьевъ, и онъ рѣшился открыто обличить его. Наконецъ въ заключеніе своихъ положеній г. Казанскій приводитъ и одно изъ доказательствъ Карамзина въ пользу тождества самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ: имѣя нѣсколько подписей самозванцевыхъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, дьякъ патріаршій. Противорѣчивыя извѣстія иностранныхъ писателей и лѣтописей г. Казанскій объясняетъ попытками самозванца заставлять другаго носить его имя Григорія Отрепьева. Г. Костомаровъ приходитъ къ тому выводу, что Гришка Отрепьевъ сдѣлался миѳомъ. О немъ

ходили сказки и легенды съ различными оттѣнками. Но Гришку Отрепьева Костомаровъ признаетъ за дѣйствительное лицо, бывшее при самозванцѣ. О личности же самозванца онъ говоритъ, что если, какъ говорится въ иностранныхъ сказаніяхъ, спасеніе Димитрія приписывалось партіи друзей его, то открывается, что личность эта должна быть орудіемъ партіи, ненавидѣвшей Бориса и тотъ самый Богданъ Бѣльскій, который такъ энергически увѣрялъ народъ въ истинности прибывшаго въ Москву Димитрія, былъ со своими друзьями и виновникомъ его самозванства. На основаніи всѣхъ обстоятельствъ г. Костомаровъ признаетъ его несознательнымъ обманщикомъ, но по нѣкоторымъ поступкамъ и чертамъ характера допускаетъ, что онъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

Г. Иконниковъ въ статьѣ: «кто былъ первый Лжедимитрій?», помѣщенной въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, группируетъ тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу самого Димитрія Царевича, спасеннаго отъ рукъ убійцъ:

1) Неизвѣстному лицу трудно было бы затѣять смуту во имя Димитрія: кто могъ быть увѣренъ, что легко будетъ разубѣдить въ убійствѣ царевича, такъ какъ никто не сомнѣвался въ этомъ до появленія Димитрія?

2) Если такъ называемый первый самозванецъ былъ подставленъ партіею бояръ и притомъ былъ убѣжденъ въ своей истинности, то рождается вопросъ: какимъ образомъ бояре успѣли воспитать его для своей цѣли? Если они взяли его еще дитятей, то что ручалось имъ въ томъ, что это дитя можетъ годиться для ихъ плана, прійдя въ возрастъ? Если они пріискали для этого пылкаго юношу и настроили его на свой ладъ, то неужели онъ сейчасъ позабылъ прошлое и не позаботился бы узнать у своихъ близкихъ, которые окружали его прежде? Положимъ боярамъ нужно было свергнуть Бориса съ престола, но въ подобной игрѣ еще представлялся вопросъ: кто выиграетъ: Борисъ или самозва-

нецъ? Для того, чтобы планъ удался, нужна была не кучка бояръ, а цѣлая партія, связанная общими интересами членовъ; но въ такомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы они всѣ устояли передъ преслѣдованіями Бориса, который, при всемъ предполагаемомъ негодованіи на него, имѣлъ очень много сторонниковъ, даже въ высшемъ сословіи. Чтобы настроить кого нибудь къ извѣстному предпріятію, бояре должны были имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, что оказывается вполнѣ невозможнымъ при постоянномъ надзорѣ Бориса.

3) Открытая жизнь Димитрія, его обыкновеніе выходить пѣшкомъ иногда только вдвоемъ и личный пріемъ просьбъ по два раза въ недѣлю показываютъ, что такъ могъ поступать только человѣкъ, по чистой совѣсти увѣренный въ своемъ достоинствѣ, не боявшійся натолкнуться на лицъ, съ которыми могъ прежде встрѣчаться и которыя могли его теперь обличить.

4) При опредѣленіи личности перваго самозванца не слѣдуетъ пренебрегать физіономическими примѣтами, о которыхъ говорятъ писатели самыхъ различныхъ мнѣній о немъ. Такъ Бореццо-Борецци свидѣтельствуетъ, что Димитрій доказывалъ свою тождественность съ сыномъ Іоанна примѣтами. Онъ имѣлъ весьма замѣтную бородавку близь праваго глаза со стороны носа и одну руку длиннѣе другой. Петрей, говоря о примѣтахъ, прибавляетъ, что самозванецъ походилъ на убитаго царевича Димитрія. Шаумъ, упоминая въ одномъ мѣстѣ, что царевичъ Димитрій имѣлъ бородавку на носу и одну руку длиннѣе другой, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что тѣже примѣты служили въ пользу и самозванцу. Наконецъ Соловьевъ говоритъ, что изъ польскихъ вельможъ можно заподозрить въ подстановкѣ самозванца только одного Сапѣгу и на него нужно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно допустить, что самозванецъ былъ человѣкъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ

русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи великороссіянина и грамотѣя. Московское правительство при Годуновѣ и послѣ постоянно утверждало, что самозванецъ былъ москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ. Что самозванецъ былъ москвичъ, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами. Изъ сказаній современныхъ видно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Нѣтъ нужды отвергнуть и участіе Сапѣги или іезуитовъ въ замыслѣ. Должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая отъ того произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, грозитъ имъ ежечасно тяжелою опалою,—это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно; оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло бы свергнуть Годунова и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легко было бы отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ хронографахъ о Годуновѣ. Иностранный писатель Буссовъ говоритъ, что самъ царь Борисъ считаетъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса кромѣ того, что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того, что высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще и то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіяхъ Григорія Отрепьева.—Мы съ цѣлію привели раньше подробную лѣтописную повѣсть о похожденіяхъ Григорія Отрепьева до его царствованія, какъ касающуюся исторіи Галича. По нашему личному мнѣнію, приведенная повѣсть обстоятельно и послѣдова-

тельно излагаетъ событія изъ жизни Григорія Отрепьева. Изъ нихъ видно, что Григорій Отрепьевъ, какъ человѣкъ даровитый, разносторонне изучалъ жизнь современную, взвѣсилъ всѣ обстоятельства, какія могли произойти и которыя вели бы къ осуществленію его плана, словомъ, онъ разносторонне готовился къ своей роли, которую задумалъ разыграть, чтобъ погубить Бориса и сѣсть самому на престолѣ русскомъ. На основаніи подробнаго и совершенно послѣдовательнаго разсказа о похожденіяхъ разстриги Отрепьева, не остается, кажется, сомнѣнія въ томъ, что первый самозванецъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, уроженецъ галицкій, дѣйствовавшій, можетъ быть, подъ тайнымъ вліяніемъ и партіи, враждебной Годунову и потомъ нашедшій дѣятельную поддержку со стороны польскаго правительства и іезуитовъ, желавшихъ произвести смуту и ввести католичество въ русскомъ государствѣ.

Князь Василій Шуйскій, главный виновникъ сверженія самозванца съ престола, по избранію боярской думы сѣлъ на престолѣ русскомъ въ 1606 г. Приверженцы самозванца подвергнуты преслѣдованію. Польскихъ пословъ, которые были присланы къ Гришкѣ Отрепьеву, царь Василій повелѣлъ отвести на посольскій дворъ и приставить къ нимъ стражей. Сендомирскаго съ дочерью Мариною и прочихъ поляковъ и ляховъ, которые пришли съ самозванцемъ, разослалъ по разнымъ городамъ; Вишневецкій былъ сосланъ въ Кострому, нѣкоторые въ Галичъ.— Царствованіе Шуйскаго не долго было спокойно. Вскорѣ является второй самозванецъ. Въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ онъ расположился лагеремъ, куда многіе служилые люди, ненавидѣвшіе Шуйскаго, стекались изъ Москвы. Не имѣя силъ овладѣть Москвою и Серг. Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобъ дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами и силою. Первый измѣнилъ Суздаль. Жители Переяславля Залѣсскаго соединились съ ляхами и при-

ступили къ Ростову. Не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане Ростова предложили своему митрополиту Филарету удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль. Но Филаретъ убѣдилъ жителей не бѣгствомъ, а кровію спасать отечество. Съ немногими усердными гражданами и воинами онъ заключился въ соборной церкви. Ляхи вломились въ храмъ, схватили митрополита и сорвали съ него святительскія ризы, одѣли въ рубище и повезли въ Тушинскій станъ. Самозванецъ, встрѣтивъ его съ наружнымъ почетомъ, заключилъ потомъ подъ крѣпкую стражу. Послѣ того городъ за городомъ началъ сдаваться самозванцу. Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе подчинились ему. Шуя и Кинешма, гдѣ защищался воевода Өедоръ Бобарыкинъ, были взяты и раззорены паномъ Лисовскимъ; взята и Тверь. Во всѣхъ этихъ городахъ, повѣствуетъ лѣтописецъ (*), было большое смятеніе и всѣ отложились отъ Москвы, только вѣрными остались: Казань, Новгородъ Великій, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ, Переяславль Рязанскій, Коломна, Сибирь. Прочіе передались Литвѣ. Измѣнникъ князь Семенъ Вяземскій, придя изъ Тушина съ литовскими людьми, осадилъ Нижній-Новгородъ Граждане единодушно ополчились и отразили враговъ; воеводу кн. Семена Вяземскаго поймали и повѣсили безъ царскаго распоряженія. Освободившись отъ осады, граждане Нижняго-Новгорода пошли на Балахну, взяли ее и жителей привели къ присягѣ на вѣрность царю Василію. Тогда во многихъ мѣстахъ, оставшихся вѣрными Василію, начали собираться люди для борьбы съ врагами: въ Юрьевцѣ Поволжскомъ собрались съ нѣкіимъ сотникомъ Өеодоромъ Краснымъ, на Решмѣ съ крестьяниномъ Григор. Лапшою, въ Балахнѣ, Гороховцѣ, Холуѣ и, соединившись, всѣ пошли къ г. Луху, побили тамъ литовскихъ людей и многихъ съ ними русскихъ воровъ, иныхъ измѣнниковъ отослали въ Нижній Новгородъ и потомъ пошли къ Шуѣ. Лисов-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 97.

скій выслалъ противъ нихъ измѣнника воеводу Ѳ. Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Есть сказаніе, что когда происходилъ бой у Данилова, ярославцы, призвавъ костромичей и галичанъ, тайно перебили пьяныхъ поляковъ, разставленныхъ на Ярославскомъ посадѣ порознь по домамъ. Между тѣмъ и Царь Василій, желая усовѣстить измѣнниковъ, разсылаетъ къ жителямъ сѣверныхъ городовъ граматы, призывая ихъ къ покорности себѣ. Въ Галичъ, Ярославль, Кострому, Вологду, Устюгъ были посланы граматы слѣдующаго содержанія: «Несчастные! Кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла и еще гнуснѣйшія увидите. Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ государство и церковь, когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая вѣра, то будете уже отвѣтствовать не намъ, а Богу. Есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы обѣщаемъ вамъ чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлиную на многія лѣта» Къ галицкимъ жителямъ 30 ноября 1608 года Царь Василій отправилъ слѣдующую грамату: «слухъ до насъ дошелъ, что вы исторопясь воровъ, не волею ворамъ крестъ цѣловали и мы о томъ поскорбѣли, какъ естя такъ учинили и чему повѣрили и на что смотря смутились и для чего душами своими погибаете? Нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва обманываетъ. И хотя они васъ и манятъ для того, чтобъ имъ тѣмъ осилити московское государство, а только по грѣхамъ что надъ московскимъ государствомъ учинятъ вашимъ преступленіемъ, и надъ вами послѣ того тожъ поруганіе сдѣлаютъ. И нынѣ надъ православною вѣрою какое злое поруганіе дѣлаютъ, церкви божіи раззоряютъ и образа обдираютъ и колютъ и раки чудотворныя разсѣкаютъ, прото вамъ самимъ подлинно вѣдомо; а впредь отъ нихъ какого добра ждати за то всѣмъ православнымъ христіанамъ? Пригоже помереть. А пишемъ мы къ вамъ вправду, о

васъ милосердовавъ. И какъ къ вамъ ся наша грамата придетъ, и вы бы попомнили православную вѣру, чтобы вашею службою и радѣніемъ московское государство отъ воровъ не раззорилося. А буде не сберетесь, своихъ мѣстъ отъ воровъ оберегати не учнете или московское госудаство ворамъ поддадите и московскому государству и православной вѣрѣ и своему отечеству вы будете предатели: что надъ Москвою учинится и то Богъ сыщетъ на васъ, вы всѣ тому повинны; да и вамъ отъ воровъ отъ Литвы никако не проминетъ, всѣхъ васъ воръ и Литва раззоритъ безъ остатка, а то вскорѣ сберетеся и свои мѣста отъ воровъ очистите и намъ помощь учините, и вы всѣ будете безпечальны и домы ваши будутъ въ тишинѣ и покоѣ. А мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ и всякія ваши раззоренья велимъ пополнить и льготой васъ пожалуемъ во всякихъ податѣхъ на многія лѣта и торговати вамъ велимъ безпошлинно и службу вашу великую учинимъ памятну». Призыву царя Василія ополчиться на враговъ прежде другихъ откликнулись земледѣльцы, а за ними и города: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина. Города спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы и разсылали граматы въ другіе города, убѣждая и ихъ вооружиться. Есть сказаніе, что нѣкто Ейлофъ, родомъ голландецъ, поселившійся въ Россіи и принявшій греческую вѣру, содержатель солеваренъ, убѣдилъ жителей Костромы, Галича и Вологды отложиться отъ Лжедимитрія, собралъ 200 человѣкъ противъ поляковъ, но попался имъ въ плѣнъ. Послѣ онъ выкупился изъ плѣна и дѣйствовалъ снова противъ самозванца (*). Паны Тишкевичъ и Лисовскій выступили усмирять мятежъ. Предмѣстье Ярославля, Юрьевецъ, Кинешма были сожжены. Лисовскій взялъ Кострому и страшно опустошилъ ее въ

(*) Карамз, въ VII т. гл. III прим. 342.

1608 г. Во время осады полчищами поляковъ Богоявленскаго Костромскаго монастыря, иноки этого монастыря явили достойный примѣръ мужества и преданности отечеству, но должны были уступить силѣ враговъ и были всѣ избиты, а имущество монастырское разграблено. Такое же раззореніе претерпѣлъ Крестовоздвиженскій монастырь, находившійся близь Успенскаго собора. Галичъ также былъ взятъ Тушинцами въ 1609 г. Въ Костромѣ и Галичѣ поляки оставили сильные гарнизоны. Въ Костромѣ стоялъ отрядъ съ большимъ нарядомъ изъ 3 проломныхъ пушекъ и полнаго сороковаго снаряда. Въ Нижній-Новгородъ прибылъ съ полками бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ къ радости нижегородцевъ, стѣсненныхъ ляхами. Шереметьевъ побилъ ихъ и очистилъ Нижній Новгородъ. Вскорѣ пришла въ Нижній вѣсть, что изъ Суздаля идетъ Лисовскій съ многочисленнымъ ополченіемъ ляховъ и русскихъ за Волгу и хочетъ воевать Костромскія, Галицкія, Унженскія и Юрьевскія мѣста. Бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ послалъ противъ него рать водою. Посланные сошлись съ ляхами подъ Юрьевцемъ Волжскимъ на о-вѣ и побили ихъ, а другіе потонули. Съ немногими людьми Лисовскій успѣлъ спастись, такъ какъ былъ еще на берегу. Посланная же рать возвратилась въ Нижній Новгородъ съ большою добычею. Дѣла земскихъ людей противъ враговъ шли успѣшно, не смотря на распри, происшедшія между городами. Полки, собранные сѣверными городами, снова заняли Галичъ и Кострому. Воеводу самозванца кн. Димитрія Мосальскаго ратные люди сѣверныхъ городовъ долго мучили въ Костромѣ и потомъ, обрубивъ ему руки и ноги, утопили его въ рѣкѣ. Послѣ жаркихъ сраженій на улицахъ Костромскихъ 28 февраля и 3-го марта, поляки скрылись въ Ипатьевскомъ монастырѣ, поджегши городъ и избивъ многихъ жителей. Когда Ярославль въ апрѣлѣ этого же года былъ освобожденъ воеводою Вышеславцевымъ отъ поляковъ, то костромичи 25 апрѣля обратились съ просьбой о помощи къ ярославцамъ въ случаѣ, если ляхи и мятежники отъ

Ярославля обратятся къ Костромѣ. Съ прибытіемъ помощи изъ Ярославля на судахъ въ іюлѣ 1609 г. началась осада Ипатьевскаго монастыря. Царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, переправившись чрезъ р. Кострому, 11 іюля напалъ на предводителя отряда поляковъ Вельяминова, осажденнаго въ монастырѣ, выбилъ его изъ становъ и побилъ много людей и лошадей. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорною стороною, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ мятежникамъ, стѣсненнымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля и не найдя лодокъ для перевоза войскъ въ монастырь, Лисовскій съ яростію устремился къ Сергіевской лаврѣ, разрушивъ на пути Нерехту. Вельяминовъ, не получивъ помощи, сдалъ Ипатьевскій монастырь Жеребцову. Когда Тушинскій станъ началъ пустѣть, гетманъ Рожинскій взялъ съ собою и митрополита Филарета, остановившись на пути въ Іосифовѣ монастырѣ. Но кн. Михаилъ Скопинъ Шуйскій послалъ вслѣдъ имъ ратныхъ люцей съ Григоріемъ Валуевымъ. Они побили на пути людей гетмана и Филарета (Никитича) со многими людьми отняли и возвратились въ Москву. Въ Москвѣ, послѣ сверженія съ престола Василія Шуйскаго, образовалась многочисленная партія, желавшая на престолъ московскій королевича Владислава, сына Сигизмунда. По городамъ были разосланы грамоты о томъ, что Москва цѣловала крестъ Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной вѣрѣ. Когда другіе города присягали Владиславу, Галичъ, Владиміръ и нѣкоторые еще города начали тайно сноситься съ самозванцемъ, изъявляя готовность отдаться ему. Патріархъ же съ общаго согласія избралъ въ посольство къ королю ростовскаго митрополита Филарета, зная его разумъ и твердость характера; избраны были и бояре и отправлены къ королю. Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ. Послы объявили ему о цѣли своего прибытія, чтобъ просить отпустить сына на царство московское. Сигизмундъ согласился на это, но

при этомъ просилъ пословъ отправить отъ себя выборныхъ въ Смоленскъ, чтобъ убѣдить жителей сдаться ему. Тогда митрополитъ Филаретъ сказалъ королю: зачѣмъ посылать намъ въ Смоленскъ? Ты намъ обѣщалъ на царство сына своего и когда онъ воцарится въ Москвѣ, тогда не только Смоленскъ, но и все московское государство будетъ во власти твоего сына. Король между тѣмъ повелъ еще сильнѣе осаду Смоленска. На помощь къ нему прибылъ отъ Москвы гетманъ Жолкѣвскій. Послы стали просить Сигизмунда отпустить ихъ теперь въ Москву, потому что они хотятъ склонить жителей московскихъ присягнуть самому королю. Король отпустилъ ихъ (*), но слыша, что митрополитъ Филаретъ не склоняется къ тому чтобъ Сигизмундъ былъ царемъ на Москвѣ, заключилъ его подъ стражу и часто увѣщевалъ покориться волѣ его, дабы и всѣ московскіе люди ему цѣловали крестъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «мы прибыли къ тебѣ затѣмъ, чтобы ты далъ намъ сына своего на царство и, если онъ оставитъ латинскую вѣру и приметъ греческую, мы всѣ съ радостію примемъ его; если же нѣтъ, то мы не просимъ его; но чтобы тебѣ самому цѣловали всѣ крестъ, этого не можетъ быть». Тогда король повелѣлъ еще болѣе томить его голодомъ и жаждою въ плѣну и заставлялъ переносить всякую скорбь. Въ то время погибъ самозванецъ. Сигизмундъ, узнавъ о томъ, писалъ боярамъ, что Владиславъ скоро будетъ въ Москву. Но Россія уже не хотѣла Владислава. Дума благодарила Сигизмунда за милость, но патріархъ объявилъ торжественно, что королевичу Владиславу не царствовать въ Москвѣ, если онъ не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ ляховъ изъ московскаго царства. По слову патріарха Гермогена,

(*) Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамату, въ которой приказывалъ вознаградить Михаила Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему. Михаилу Салтыкову были пожалованы волости: Чаранда, на Костромѣ Красное село, Рѣшма и нѣкот. др. Но эти волости, богатыя доходами, произвели зависть въ боярахъ. Ист. Солов., VII т., стр 384, 390

Россія начала ополчаться на враговъ. Городъ сносился съ городомъ; писали, что пришло время стать за вѣру и государство. Рязань, Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Романовъ, Ярославль, Кострома (*), Вологда ополчились для избавленія Москвы отъ поляковъ. Королевскія войска, засѣвшія въ Москвѣ съ Александромъ Гонсѣвскимъ, стали сильно утѣснять москвитянъ. Жители другихъ городовъ, слыша объ этихъ утѣсненіяхъ и зная доблесть рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, прислали къ нему за совѣтомъ и начали собираться ратію, чтобъ итти подъ Москву противъ королевскихъ людей. Въ Костромѣ съ воеводой кн. Волконскимъ (**), въ Галичѣ, въ Калугѣ, въ Рязани, во Владимірѣ, въ Суздалѣ, въ Ярославлѣ, въ Романовѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Собравшіяся въ городахъ рати сошлись подъ Москвой у Угрѣшскаго монастыря и, соединясь въ одно ополченіе, пошли къ Москвѣ. Королевскіе люди выступили противъ нихъ за Яузскія ворота и, послѣ непродолжительнаго боя, возвратились назадъ. Воеводы же поставили таборы близъ каменнаго города: кн. Димитрій Трубецкой и Иванъ Заруцкій стали отъ Воронцовскаго поля, Прокопій Ляпуновъ у Яузскихъ воротъ, владимірскіе, костромскіе, ярославскіе и романовскіе воеводы: кн. Ѳ. Волконскій, Ив. Волынскій, кн. Ѳ. Козловскій, Петръ Мансуровъ у Покровскихъ воротъ, окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ у Срѣтенскихъ воротъ, кн. Василій Мосальскій у Тверскихъ воротъ. Но между воеводами не было единодушія и потому рати бездѣйствовали долгое время. Тогда избранные отъ всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ и сообща положили, чтобы прекратить несогласія, избрать верхов-

---

(*) Извѣстно, что Сапѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей признать опять Владислава: «теперь вы государю измѣнили и не вѣдомо для чего и хотите на московское государство не вѣдомо кого. Знаете вы сами польскихъ и литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними битися?» Ист. Сол., VII т., стр. 405.

(**) Соловьева VII т., стр. 406

ными вождями: кн. Д. Тимофеевича Трубецкаго, Ив. Заруцкаго, Прокопія Ляпунова. Тогда начались битвы съ королевскими войсками ежедневно. Гонсѣвскій и Михаилъ Салтыковъ неоднократно обращались къ посредничеству патріарха Гермогена, чтобъ онъ убѣдилъ ратныхъ людей, пришедшихъ къ Москвѣ, отступить, угрожая въ противномъ случаѣ ему смертію, но Патріархъ отвѣчалъ, что онъ не боится мученической смерти и рѣшительно отказалъ послать къ ратнымъ людямъ съ требованіемъ отступить отъ Москвы. Тогда Салтыковъ подвергъ Патріарха разнымъ оскорбленіямъ и мукамъ. Между тѣмъ царь Василій Шуйскій, сверженный съ престола и постриженный въ монахи, былъ плѣнникомъ отправленъ въ Польшу и въ Россіи наступило междуцарствіе. Взоры всѣхъ устремились на Прокопія Ляпунова, какъ доблестнаго воеводу. Но панъ Гонсѣвскій употребилъ хитрость, чтобы погубить Ляпунова: онъ подослалъ въ станъ казаковъ подложную грамату, въ которой воеводамъ предписывались жестокія мѣры, какія надлежало употребить для прекращенія своевольствъ казаковъ, даже истребить ихъ всѣхъ. Казаки потребовали Ляпунова въ кругъ и умертвили. Какія же были слѣдствія этого злодѣянія? Передадимъ словами Карамзина: «слѣдствія были ужасны: надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали, грабительство и смертоубійство возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести и вездѣ распространяли отчаяніе. Сапѣга явился отъ Переславля, большая часть Москвы была взята, весь бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою были въ рукахъ враговъ. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей ногайскихъ и крымскихъ, пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся югозападная отъ Десны до Оки въ рукахъ ляховъ. Астрахань

отдѣлилась отъ Россіи и думала существовать въ видѣ особаго царства; шведы присваивали себѣ сѣверозападныя владѣнія, гдѣ явился третій Лжедимитрій и гдѣ держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками (*). Полки, стоявшіе подъ Москвою ради очищенія столицы отъ враговъ, постоянно умалялись: однихъ казаки отогнали, иные были избиты, другіе, изнемогая отъ ранъ, сами отъѣхали отъ Москвы; оставшіеся въ таборахъ претерпѣвали большія бѣдствія отъ казаковъ; не получая ни откуда помощи, они начали приходить въ отчаяніе (**).

(*) Этимъ повѣствованіемъ оканчивается исторія Карамзина.

(**) Новый лѣтописецъ, стр. 144.

V. Историческія свѣдѣнія о Костромѣ во время междуцарствія.

Всякая надежда на спасеніе отечества отъ гибели, казалось, изчезла; бездна, на краю которой стояла Россія, повидимому, уже готова была поглотить ее; на Руси не было царя, той основной твердыни, на которой зиждется благосостояніе земли русской, не было еще вождей и ополченій, одушевленныхъ общимъ духомъ патріотизма и рѣшимости во что бы то ни стало спасти отечество, но духъ патріотизма, присущій русскому народу, не умиралъ въ немъ, не умерла и вѣра въ Провидѣніе, спасавшее не разъ Русь отъ великихъ напастей. Эти двѣ твердыя основы, на которыхъ русское государство, при всѣхъ ударахъ и превратностяхъ судьбы, непоколебимо стоитъ, какъ могучій исполинъ, до сихъ дней, нерушимы оставались и въ то бѣдственное время. Не было царя и доблестныхъ вождей, но было духовенство, имѣвшее первостепенное значеніе въ важныхъ историческихъ событіяхъ на Руси и раньше, одушевленное твердой вѣрой въ Бога и преданностію своему отечеству. Оно то теперь и пришло на спасеніе отечества отъ грозившей гибели и возжгло въ русскомъ народѣ духъ вѣры и патріотизма. Еще лѣтомъ 1611 г., при жизни Ляпунова, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Діонисій разсылалъ по городамъ граматы, призывая гражданъ притти на спасеніе столицы, отечества и вѣры. 6 октября Троицкія власти вновь посылаютъ въ города граматы съ извѣщеніемъ, что прибыли еще польскія рати къ Москвѣ, дабы отогнать отъ Москвы ратныхъ людей, которые стоятъ за православную вѣру, дабы и насъ православныхъ христіанъ привести въ конечную погибель, что многіе люди изъ сѣверскихъ городовъ и другихъ уже пришли или идутъ къ Москвѣ и потому жители всѣхъ городовъ призываются притти на помощь ополченіямъ Трубецкаго и Заруцкаго, которые, не смотря на безчинное поведеніе казаковъ, стояли подъ

Москвою и держали въ осадѣ враговъ. Граматы имѣли могучее дѣйствіе на жителей городовъ. Города стали пересылать ихъ другу другу съ извѣстіемъ объ откровеніяхъ божіихъ разнымъ богоугоднымъ людямъ. Съ общаго совѣта въ городахъ назначенъ былъ трехдневный постъ, дабы достойно приготовиться къ великому подвигу спасенія погибавшей отчизны. Общій духъ патріотизма и горячей вѣры уже одушевилъ гражданъ; оставалось только положить начало движенію и оно не замедлило проявиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Граждане нижегородскіе сошлись на совѣтъ: «что имъ предпринять? Видимъ Московское государство совершенно смятеннымъ; многіе города въ запустѣніи, въ прочихъ смятеніе и всюду проникаютъ злодѣи, называющіе себя дѣтьми царскаго сѣмени, многіе непокорные города плѣнили латиняне и царствующимъ городомъ Москвою завладѣли. Разсудимте, какъ мы можемъ избавиться отъ латинскаго насилія и какъ можемъ оказать помощь Москвѣ?» Совѣщанія продолжались нѣсколько дней. Наконецъ одинъ изъ гражданъ Нижняго-Новгорода, по ремеслу говядарь (мясной торговецъ), именемъ Кузьма Миничъ по прозванію Сухоруковъ выступилъ на средину собранія и громкимъ голосомъ воскликнулъ: «граждане, мужи! Внемлите словамъ моимъ: великое дѣло вы хотите предпринять и если Богъ поможетъ, успѣете въ немъ, а послѣ стяжете великую славу и похвалу отъ всей страны за то, что отъ такого малаго города совершится великое дѣло. Я увѣренъ въ томъ, что по почину нашему многіе города ополчатся. Но намъ нужно для спасенія вѣры и отечества не пощадить ни женъ, ни дѣтей своихъ, не только что имущества, и, найдя честнаго и доблестнаго мужа, свѣдущаго въ ратномъ дѣлѣ, слезно просить его быть вождемъ намъ и предаться въ его волю» (*). Этою рѣчью Козьмы воодушевились всѣ граждане, какъ одинъ человѣкъ, и стали изыскивать храбраго и че-

(*) Новый лѣтописецъ, стр. 145.

стнаго мужа въ вожди себѣ. Всѣ согласились избрать наставникомъ и предводителемъ кн. Димитрія Михаиловича Пожарскаго. Къ нему отправили архимандрита Печерскаго монастыря Ѳеодосія съ лучшими избранными мужами просить притти и принять власть надъ ними. Кн. Пожарскій жилъ въ 120 верстахъ отъ Нижняго въ Суздальской области, оправляясь отъ ранъ, полученныхъ имъ ранѣе въ бояхъ. Пожарскій съ радостью принялъ это предложеніе и посовѣтовалъ гражданамъ избрать изъ среды своей лицо для завѣдованія казною, указавъ на Козьму Минича Сухорукаго, какъ на человѣка знакомаго съ этимъ дѣломъ. По слову князя Пожарскаго Козьма Миничъ былъ избранъ гражданами для завѣдованія казною. Вскорѣ прибылъ въ Нижній-Новгородъ и князь Пожарскій. Нижегородцы съ почетомъ встрѣтили его и вскорѣ начали составляться рати. Кн. Пожарскій разсылаетъ въ понизовскіе и поморскіе города граматы съ просьбой присылать помощь и денегъ ратнымъ людямъ. Скоро въ Нижній собрались ратные люди изъ многихъ мѣстъ и свезли большое количество казны. Поляки въ Москвѣ, заслышавъ о сборѣ ратей въ Нижнемъ Новгородѣ, требовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ запретилъ ратямъ идти къ Москвѣ. Но Гермогенъ напротивъ благословилъ это доброе начинаніе и поляки за то уморили его голодомъ въ темницѣ. Начался уже 1612 г. Въ концѣ января въ Костромѣ и Ярославлѣ явились граматы отъ московскихъ бояръ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными Владиславу, такъ какъ Трубецкой и Заруцкій стоятъ подъ Москвой на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное раззореніе: казаки изъ ихъ таборовъ непрестанно ѣздятъ по городамъ, грабятъ, проливаютъ кровь христіанскую и чинятъ разныя насилія. Казаки дѣйствительно враждебно отнеслись къ Нижегородскому ополченію, зная что съ прибытіемъ его должны будутъ прекратиться ихъ грабительства и разбои. Въ Нижній принесена была вѣсть, что предводитель казаковъ Заруцкій послалъ на Ярославль

многихъ казаковъ, и Андрей Просовецкій идетъ съ ратными людьми занять Ярославль, чтобы не допустить нижегородцевъ соединиться съ ярославцами и ратями другихъ городовъ. Но нижегородцы предупредили казаковъ, отправивъ воеводъ съ ратными людьми занять Ярославль прежде прибытія Андрея Просовецкаго. Между тѣмъ Пожарскій и Козьма Мининъ двинулись со всѣмъ ополченіемъ въ путь по Волгѣ. Пришедъ въ Балахну, пополнили здѣсь свою казну и пошли далѣе въ Юрьевецъ, гдѣ также были приняты съ честію и получили вспоможеніе деньгами. Изъ Юрьевца ополченіе направилось къ Рѣшмѣ. Здѣсь узнали о появленіи новаго самозванца во Псковѣ и о томъ, что ополченіе, стоявшее подъ Москвой, цѣловало ему крестъ. Заруцкій и Трубецкой прислали къ Пожарскому и Минину сказать: прельстились мы, что цѣловали крестъ самозванцу во Псковѣ, а нынѣ опять мы всѣ цѣловали крестъ, чтобъ всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единомысліи и чтобы вы шли въ Москву безъ опасенія. Пожарскій и Мининъ съ недовѣріемъ приняли это раскаяніе казаковъ и отпустили пословъ, сказавъ: «мы не имѣемъ никакого опасенія, но всю надежду возлагаемъ на Бога и вскорѣ прибудемъ къ Москвѣ». Изъ Рѣшмы ополченіе прибыло въ Кинешму и тамъ въ подмогу взяли казны. Изъ Кинешмы двинулись къ Костромѣ. Многіе жители Костромы встрѣтили рать въ Плесѣ и возвѣстили кн. Пожарскому, что воевода ихъ Иванъ Шереметьевъ не хочетъ пускать ополченіе въ городъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу. Кн. Пожарскій и Мининъ рѣшили итти въ Кострому и вскорѣ заняли посадъ города. Костромичи раздѣлились на двѣ части: иные были на сторонѣ воеводы, оставаясь вѣрными Владиславу, другіе на сторонѣ ополченія. Послѣднихъ было больше и они возстали на воеводу своего, говоря: зачѣмъ ты одинъ хочешь возмутить весь народъ? Лишивъ Шереметьева воеводства, едва не убили его; его спасъ кн. Пожарскій. Костромичи просили у Пожарскаго другаго воеводу и онъ далъ имъ кн. Романа Гагарина

и дьяка Андрея Подлѣсова. Тогда пришли въ Кострому послы изъ Суздаля просить у Пожарскаго воеводъ съ ратными людьми, дабы Просовецкій съ казаками не раззорилъ Суздаля. Кн. Пожарскій отправилъ въ Суздаль кн. Романа Пожарскаго съ нижегородскими и балахонскими стрѣльцами. Костромичи, снабдивъ ополченіе деньгами, съ честію проводили его къ Ярославлю. Сюда стали стекаться изъ разныхъ городовъ ратные люди и привозить казну. Между тѣмъ изъ Ярославля были разосланы по городамъ граматы. Граждане приглашались прислать всякаго состоянія людей, выбранныхъ по два человѣка для общаго совѣта, какъ бы намъ въ нынѣшнее бѣдственное время быть не безгосударными, выбрать бы общимъ совѣтомъ государя, чтобы московское государство въ конецъ не раззорилось, но чтобъ впередъ стояло крѣпко и неподвижно. Извѣщалось въ граматахъ и о появленіи во Псковѣ самозванца Сидорки и что казаки подъ Москвой присягнули ему. Поэтому вожди ополченія просятъ горожанъ отписать отъ себя подъ Москву въ полки, чтобъ отъ вора Сидорки отстали и съ нами и со всею землею розни не чинили. Нижегородцамъ нельзя было тотчасъ предпринять походъ изъ Ярославля къ Москвѣ, такъ какъ казаки заняли нѣкоторые окрестные города и разбойничали по областямъ. Кромѣ того шведы заняли Тихвинъ. Тогда вожди рѣшили отправить рать противъ казаковъ, а шведовъ склонить къ миру. Въ тоже время были разосланы граматы въ украинскіе города съ предложеніемъ отстать отъ самозванца и прислать выборныхъ отъ себя для общаго совѣта, какъ намъ бороться съ общими врагами и выбрать государя всею землею. Подобныя граматы были посланы и въ Сибирь. Въ то время начались переговоры со шведами. Ополченіе уже стало собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся заговоръ на жизнь кн. Пожарскаго. Подосланы были Заруцкимъ казаки съ цѣлію убить Пожарскаго. Казаки придумывали разные способы и наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ нибудь на дорогѣ въ тѣснотѣ. Въ съѣзжей избѣ у

дверей подстерегли заговорщики кн. Пожарскаго и казакъ Степанъ, пользуясь тѣснотой, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князю, но промахнулся и ударилъ по ногѣ своего соумышленника Романа. Заговоръ былъ раскрытъ и злоумышленники были разосланы въ города по тюрьмамъ. Но ополченію медлить было нельзя, такъ какъ пришла вѣсть о приближеніи пана Ходкѣвича къ Москвѣ, и Пожарскій отправляетъ передовые отряды, а чрезъ нѣсколько дней двинулось и все ополченіе изъ Ярославля, напутствуемое молитвой и благословеніемъ духовенства и гражданъ. 18 августа ополченіе выступило изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря и, не дойдя 5 верстъ до Москвы, остановилось на р. Яузѣ. Трубецкой призывалъ Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и ратные люди отвѣчали отказомъ быть вмѣстѣ съ казаками. Такимъ образомъ подъ Москвой стояли два ополченія, имѣвшія по видимому общую цѣль вытѣснить изъ столицы враговъ, между тѣмъ сами враждебныя другъ другу.

21 августа пришла вѣсть о движеніи Ходкѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ того же дня полки уже были на Поклонной горѣ. 22 августа Ходкѣвичъ напалъ на Пожарскаго; произошелъ кровопролитный бой, грозившій окончиться гибелью для Пожарскаго, такъ какъ Трубецкой съ казаками спокойно смотрѣли и не принимали участія въ бою. Но сотни ополченцевъ, отправленныхъ ранѣе Пожарскимъ въ станъ Трубецкаго, не могли оставаться спокойными и поспѣшили на помощь къ князю. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые благонамѣренные казаки. Эта помощь выручила изъ бѣды Пожарскаго; Ходкѣвичъ отступилъ. Между тѣмъ поляки сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ изъ Китая-города. Ходкѣвичъ же употребилъ всѣ усилія пробиться къ городу по Замоскворѣчью. Поляки одолѣвали русскихъ; Заруцкій и Трубецкой съ казаками ушли за рѣку. Въ виду неуспѣха, Пожарскій и Мининъ послали за келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и просили его уговорить казаковъ идти на поляковъ и не

пропускать запасовъ въ Кремль. Казаки одушевились убѣжденіями Палицына и двинулись на враговъ. Къ нимъ присоединился и Пожарскій съ своимъ ополченіемъ и враги были оттѣснены. Въ это время Мининъ съ тремя дворянскими сотнями устремился на другой отрядъ поляковъ у крымскаго двора. Поляки не выдержали натиска и отступили къ Воробьевымъ горамъ. Итакъ общими усиліями Ходкѣвичъ былъ отраженъ и къ засѣвшимъ въ Кремлѣ полякамъ не было пропущено припасовъ. Теперь нужно было очистить Кремль отъ враговъ. Но между вождями ополченій опять произошли рознь и несогласіе. Важно было удержать казаковъ подъ Москвою, которые между тѣмъ волновались и кричали, что они голодны и холодны. Въ эту рѣшительную минуту опять является на помощь духовенство. Архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій созываетъ свою братію для совѣщанія: что дѣлать? Денегъ въ монастырѣ нѣтъ, чтобы послать казакамъ и убѣдить ихъ не расходиться отъ Москвы. Рѣшили послать казакамъ сокровища церковныя, ризы и другую церковную утварь и написали имъ убѣдительную грамату. Казакамъ совѣстно показалось брать церковныя вещи и они отослали ихъ назадъ, а сами обѣщались не уходить отъ Москвы. Наконецъ и несогласія между вождями ополченій уладились и 22 октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Но въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяцъ. Доведенные голодомъ до изнеможенія, они вступили въ переговоры съ ополченіемъ, прося объ одномъ только: сохранить имъ жизнь. Началось очищеніе Кремля. Поляки сперва выпустили бояръ, томившихся съ ними въ Кремлѣ, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и матерью послѣдняго Марфою Ивановною. На другой день сдались и поляки съ предводителемъ своимъ Струсемъ. 27 ноября ополченія съ крестнымъ ходомъ вступили въ Китай городъ и сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ. Между тѣмъ изъ Кремля по-

казался другой крестный ходъ съ архіепископомъ Арсеніемъ. Послѣ общаго молебствія всѣ двинулись въ Кремль, оскверненный предъ тѣмъ врагами, и обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ кончили великое торжество спасенія столицы и Руси отъ враговъ, подобное тому, какое повторилось ровно чрезъ два вѣка, въ 1812 г.—Очистивъ Москву отъ поляковъ, приступили къ избранію новаго царя и общимъ голосомъ на соборѣ 21 февраля 1613 г. нарекли юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова.

Дополненіе къ исторіи Костромы и Галича XIV вѣка.

Благодаря любезности достопочтеннаго Павла Ивановича Андронникова, доставившаго намъ въ рукописи краткую лѣтопись Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія, мы могли подробно ознакомиться съ содержаніемъ этой лѣтописи, которую, впрочемъ, имѣлъ Карамзинъ и заподозрилъ достовѣрность ея сказаній о событіяхъ XIV в. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены въ этой лѣтописи хотя кратко, но правильно, за исключеніемъ нѣсколькихъ анахронизмовъ. Въ сказаніяхъ, относящихся къ XIV в., очевидна поздняя выдумка, напр. подъ 1355 г. уже упоминается объ огненномъ боѣ, т. е. объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ, которыя князь Андрей хотѣлъ будто бы поставить на стѣнахъ острога у Воскресенскаго монастыря, между тѣмъ огнестрѣльное оружіе употреблялось въ Россіи до 1389 г., когда вывезли къ намъ изъ земли нѣмецкой арматы и стрѣльбу огненную (*). Въ княженіе Василія Дмитріевича умѣли уже дѣлать порохъ въ Москвѣ, гдѣ отъ этого сгорѣло нѣсколько дворовъ.

Не придавая полнаго довѣрія сказаніямъ лѣтописи Воскресенскаго монастыря у Соли галицкія и не внося потому ихъ въ текстъ нашего историческаго очерка, мы тѣмъ не менѣе изложимъ подробно, въ видѣ дополненія къ предыдущей статьѣ, содержаніе ея

Въ 1332 г. пріѣхали изъ орды русскіе князья съ пожалованіемъ отъ хана удѣловъ: князь Семенъ Ивановичъ получилъ Кострому и Галичъ. Чрезъ годъ онъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Ѳеодора и Андрея. Князю Ѳеодору достался Галичъ, а Андрею Кострома. Послѣдній женился на дочери ветлужскаго и хлыновскаго князя Никиты Ивановича Байбороды. Братья разсорились между собою, ѣздили на судъ къ кн. Кіевскому и Москов-

(*) Карамз. т. V, гл. 1.

скому и затѣмъ примирились. Московскій князь особенно жаловалъ Θеодора (*). Въ это время игуменъ печерскій Даніилъ съ учениками возвратился изъ путешествія на Аθонъ, въ Іерусалимъ и во многія святыя мѣста. Кн. Θеодоръ Семеновичъ ходилъ къ Даніилу на благословеніе и просилъ у него одного изъ учениковъ старца въ свою отчину на игуменство. Игуменъ Даніилъ, благословивъ его, далъ ему ученика св. Аθанасія и съ нимъ двухъ старцевъ Романа да Тихона. Митрополитъ московскій, по просьбѣ кн. Θеодора, благословилъ Аθанасія на игуменство въ Галичъ ко св. Спасу. Аθанасій у своего двора устроилъ монастырь съ восемьюдесятью иноками и жилъ здѣсь у св. Спаса 3 года. Въ 1335 г. наканунѣ перваго дня св. Пасхи было явленіе князю Θеодору Семеновичу и игумену Афанасію. Отслушавъ Дѣянія Апостоловъ, они пошли въ свои хоромы. Едва вышли на паперть, какъ увидали необыкновенный свѣтъ съ югозападной стороны въ видѣ зари. Князь Θеодоръ сказалъ игумену Афанасію: «отецъ мой духовный! Что значитъ это знаменіе?» Слышенъ былъ и голосъ съ неба: «дерзай, княже! Богъ знаетъ желаніе твое». Князь и бывшіе съ нимъ пришли въ неописанный страхъ. Игуменъ такъ истолковалъ это видѣніе: «Богъ хочетъ это мѣсто осѣнить благодатію своею». Когда видѣніе изчезло, всѣ разошлись; князь ушелъ въ свой дворецъ, а игуменъ въ церковь. Въ четвергъ на святой недѣлѣ, когда князь шелъ въ церковь св. Спаса, былъ громъ и потомъ явился столбъ на той же югозападной сторонѣ неба. Князь, пришедъ въ церковь, началъ со слезами молиться предъ образомъ господнимъ и по окончаніи божественной службы повѣдалъ о видѣніи духовнику своему игумену Афанасію. Князь Θеодоръ, по-

---

(*) Карамзинъ, въ примѣчаніи 327 къ IV т., гл. IX, всю эту повѣсть считаетъ за позднюю сказку, князей, здѣсь упомянутыхъ, считаетъ не дѣйствительными, а выдуманными лѣтописцемъ. Кромѣ того не допускаетъ возможности враждующимъ князьямъ ѣхать на судъ особенно къ Кіевскому князю. Дѣйствительно, въ полныхъ спискахъ лѣтописей мы не встрѣчали ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь князей.

совѣтовавшись съ духовникомъ, князьями и боярами, рѣшилъ отправиться въ ту сторону, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ и повелѣлъ созывать окрестныхъ жителей. Но ему сказали, что страна та необитаема и покрыта лѣсомъ. Князь отправился туда и встрѣтилъ на пути озеро Чудское, потому что около него жило племя Чудь. Въ лѣсу князь съ своими спутниками встрѣтилъ нѣкоего человѣка, именемъ Гавріила Давидова изъ Твери. Князь спросилъ его: почему онъ пришелъ сюда изъ Твери? Гавріилъ отвѣчалъ, что его хотѣлъ убить князь тверской и домъ его разграбилъ, тогда онъ ушелъ въ этотъ лѣсъ, оставивши семью изъ 8 сыновей и 16 дочерей. Князь разсказалъ Гавріилу о своемъ видѣніи. Гавріилъ же сказалъ, что онъ живетъ въ 4 верстахъ отъ сего мѣста, на что князь сказалъ ему: живи ты тамъ и до вѣка. Князь Θеодоръ прибылъ на то мѣсто, гдѣ жилъ Гавріилъ, на рѣку, имени которой онъ не зналъ. Князь послалъ своихъ людей внизъ по рѣкѣ и они прибыли къ городу Костромѣ. По возвращеніи они сказали князю, что имя рѣки той Кострома. Тогда кн. Θеодоръ, по совѣту духовника, князей и бояръ, рѣшилъ построить на томъ мѣстѣ церковь Воскресенія Христова, такъ какъ онъ видѣлъ свѣтъ въ Воскресенье (*) Здѣсь князь Θеодоръ устроилъ монастырь; самъ и всѣ бояре его начали рубить и готовить лѣсъ. Они 6 іюля начали строить церковь, а къ Ильину дню она уже была воздвигнута высотою въ 33 сажени, такъ что видна была издалека. Украсивъ церковь св. иконами, кн. Θеодоръ поставилъ надъ новымъ монастыремъ игуменомъ Афанасія, а келаремъ Романа. Вскорѣ князь Θеодоръ сталъ населять окрестность монастыря крестьянами изъ своихъ вотчинъ и изъ иныхъ. Самъ жилъ здѣсь 5 слишкомъ мѣсяцевъ и потомъ часто пріѣзжалъ на богомолье въ новую Воскресенскую обитель, даровалъ ей села и волости, далъ ей двѣ трети Чудскаго озера, четверть Галицкаго озера,

(*) Раньше упоминалось, что явленіе свѣта князю и игумену было наканунѣ перваго дня св. Пасхи.

рыбныя ловли въ окрестныхъ рѣкахъ и богато дарилъ иноковъ. Въ 1341 г. князь Ѳеодоръ Семеновичъ скончался въ обители св. Воскресенья, принявъ предъ кончиной монашество и имя Ѳеодосія. Послѣ него остался сынъ Андрей 12 лѣтъ. Князя Ѳеодора Семеновича отвезли во Владиміръ, гдѣ и похоронили въ соборномъ храмѣ. Кн. Ѳеодоръ завѣщалъ сыну своему Андрею давать Воскресенской обители села и волости. Князь Андрей часто ѣздилъ въ святую обитель, благотворилъ ей всяческими дарами и приношеніями. Въ 1350 г. у князя Андрея родился сынъ Іоаннъ, нареченный въ св. крещеніи Василіемъ. Въ 1351 г. неожиданно напалъ на галицкаго кн. Андрея кн. Никита Ивановичъ. Богъ помогъ князю Андрею и онъ прогналъ Никиту въ дремучіе лѣса за р. Унжу. Въ 1352 г. князь Андрей Ѳеодоровичъ отправилъ пословъ на Ветлугу къ князю Никитѣ Ивановичу и на Кострому къ дядѣ своему кн. Андрею Семеновичу, чтобы тѣ возвратили ему его вотчины. Кн. Никита и кн. Андрей Семеновичъ пословъ его ограбили и ему велѣли сказать: не видать тебѣ своихъ вотчинъ во вѣки. Кн. Андрей Ѳеодоровичъ съ большой ратію ходилъ и выжегъ тѣ вотчины.

Въ 1354 г. кн. Никита Ивановичъ приходилъ съ луговою Черемисою на галицкаго князя Андрея Ѳедоровича и кн. Андрей Никиту прогналъ, а Черемисъ побилъ на голову.

Въ 1355 г. пріѣзжалъ кн. Андрей Ѳеодоровичъ въ Воскресенскій монастырь молиться и совѣтовался съ игуменомъ и иноками, чтобы поставить около монастыря острогъ для воинскихъ людей и *снарядъ далъ огненный бой* и всякія воинскія принадлежности; начальникомъ поставили боярина Ивана Васильевича Золотарева. Обитель Воскресенія была снабжена всякими благами. Всѣхъ иноковъ было 324 человѣка. Монастырю было дано много угодій и мельницъ. Слава о св. обители привлекла къ ней многихъ изъ далекихъ странъ и приходили и постригались въ ней. Но врагъ діаволъ по зависти и злобѣ вложилъ въ сердце князей

Никиты и Андрея желаніе раззорить эту обитель.

Въ 1358 г. приходилъ князь Андрей Семеновичъ на галицкаго князя Андрея Θеодоровича войною, а кн. Никита неожиданно напалъ на Воскресенскую обитель. Кн. Никита былъ разбитъ, кн. Андрей костромской былъ прогнанъ, а людей избили до 3 тысячъ.

Въ 1360 г. кн. галицкій Андрей Θеодоровичъ собралъ большую рать и пошелъ войною на костромскаго князя, пожегъ посады около Костромы и людей побилъ.

На помощь костромскому князю пришелъ кн. Никита Ивановичъ. Враги сошлись въ Суздалѣ, гдѣ произошелъ бой. Кн. Андрей разбилъ Никиту.

Въ 1362 г. кн. Никита приходилъ войною на кн. Андрея на Галичъ и воевали три недѣли. Сынъ князя Никиты Гавріилъ былъ убитъ, другой—Юрій былъ взятъ въ плѣнъ. У костромскаго князя Андрея сынъ Димитрій былъ убитъ. Всѣхъ людей было избито и взято въ плѣнъ до 400 человѣкъ.

Въ 1366 г. приходили суздальскіе воеводы Даніилъ Борисовичъ, кн. Юрій Васильевичъ, кн. Михаилъ Дмитріевичъ, племянникъ князя Никиты Хлыновскаго и бились съ княземъ Андреемъ галицкимъ на р. Векащѣ на устьи у св. Николы. Кн. Даніилъ былъ убитъ, а князь Михаилъ раненъ. Всѣхъ людей было убито 1300 человѣкъ.

Въ 1372 г. пришли на галицкаго князя Андрея Θеодоровича многіе удѣльные князья: кн. Никита Ивановичъ съ Ветлуги, кн. Андрей съ двумя сыновьями, суздальскій князь Юрій Васильевичъ съ большою силою, казанскій воевода Айбердъ Зернозѣевичъ, да луговая черемиса; кн. Андрей Семеновичъ и кн. Юрій пришли подъ Галичъ. Кн. Никита пришелъ съ ногайскими воеводами и съ луговою черемисою на рубежъ, потомъ пошелъ Унжею вверхъ, изъ Унжи Вагою вверхъ и подступилъ неожиданно къ Воскресенскому монастырю. Три дня бились здѣсь и поганые стали одолѣвать. Слуги и крестьяне того монастыря, увидавъ, что острогъ

ихъ будетъ взятъ и они будутъ побиты, послали къ врагамъ подарки. Кн. Никита и ногайскіе воеводы дары отъ нихъ приняли, но велѣли имъ изъ острога съ женами и дѣтьми выйти. Тогда игуменъ съ братіею призвалъ ихъ въ церковь и началъ увѣщавать словами свящ. писанія защищаться; если, присовокупили иноки, мы умремъ, то мученическою смертію. Кн. Никита и Ногайцы, убѣдившись, что слуги и крестьяне рѣшили мученически умереть за истинную вѣру и за св. обитель, требовали, чтобъ они оставили острогъ. Но когда они вышли, то были всѣ избиты. Враги зажгли острогъ. Иноки, возложивъ на себя схиму и причастивъ мірскихъ людей, приготовились къ смерти. 18 Августа враги зажгли обитель и всѣхъ людей въ обители избили, захвативъ большое богатство. Волости и села около монастыря пожгли, а жителей поплѣнили. Кн. Андрей Семеновичъ съ кн. Юріемъ Андреевичемъ погнались на Ветлугу подъ Хлыновъ. Въ то время пришелъ кн. Никита и его невыдалъ, а Андреевы воины поймали языковъ и привели ихъ въ станъ къ князю Андрею галицкому, мучили ихъ и пытали: что у васъ за прибылые люди появились? Языки сказали: кн. Никита Воскресенскій монастырь вывоевалъ и выжегъ. Услыхавъ о томъ, кн. Андрей Өеодоровичъ пріѣхалъ на мѣсто Нагорское и не увидѣлъ церкви Воскресенія Христова; повалившись съ коня, началъ плакать и рыдать и понесли его на носилкахъ. Послали къ Спасу за игуменомъ Иларіономъ. Игуменъ пріѣхалъ съ священниками и дьяконами. Собравъ мертвыхъ, они погребли ихъ. Съ того времени запустѣлъ монастырь Воскресенскій. Богъ наказалъ князя Никиту: пришла на его землю болѣзнь корчевная; жители всѣ вымерли и уничтожился Хлыновъ городъ. Далѣе въ лѣтописи съ 1429 г. по 1461 г. излагаются тѣже событія, которыя содержатся и въ полныхъ спискахъ лѣтописей, только вь болѣе краткомъ видѣ. Въ концѣ лѣтописи подъ 1663 и 1664 г. гг. изложены событія, относящіяся къ исторіи Воскресенской обители, именно объ обрѣтеніи здѣсь мощей.

Вотъ все содержаніе этой кратенькой лѣтописи Воскресенскаго монастыря, что у Соли галицкія. Очевидно, что цѣль составителя этой лѣтописи была та, чтобы составить повѣсть о началѣ Воскресенской обители и вотъ составлена такая повѣсть съ небывалыми князьями галицкими и костромскими. Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что въ началѣ второй половины XIV в въ Галичѣ княжилъ не Андрей Θеодоровичъ, какъ говорится въ этой лѣтописи, а одинъ изъ потомковъ Константина Ярославича, перваго галицкаго князя, кн. Димитрій, который былъ вскорѣ изгнанъ изъ Галича Димитріемъ Донскимъ. Раньше этого Галичъ былъ купленъ Калитою у одного изъ потомковъ Константина. Ветлужскихъ или хлыновскихъ князей не было. Хлыновъ былъ владѣніемъ новгородскимъ. Костромскихъ князей: Семена, Андрея не было, такъ какъ въ полныхъ спискахъ лѣтописей ни разу о нихъ не упомянуто. Тѣмъ не менѣе событія XV в. изложены согласно съ сказаніями о нихъ остальныхъ лѣтописей. Повѣствованія о событіяхъ XIV в. въ этой лѣтописи составляютъ по нашему мнѣнію любопытную позднѣйшую поддѣлку подъ лѣтописныя сказанія, что изобличается указаннымъ нами ранѣе анахронизмомъ относительно огненнаго боя.

Дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв.

Въ дополненіе къ исторіи Костромы XVI и начала XVII вв. приводимъ копіи съ княжескихъ и царскихъ жалованныхъ граматъ:

Жалованная и судная грамата Великаго Князя Василія III-го отъ 1533 г. (*), данная Михаилу Ильину Гиневлеву.

„Мы великій государь Василій, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ есмь Михаила Ильина сына Гиневлева въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети своего великаго князя деревнями черными: деревнею Дьяконовымъ, деревнею Полежаевымъ, что сѣли тѣ деревни на лѣсу на черномъ послѣ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости тянули, да въ Троицкой же трети деревнями черными новыми жъ, что садились на лѣсѣхъ послѣжъ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости не тянули, деревнею Осиновцою, деревнею Вѣлчиковымъ, деревнею Θеодориковою на рѣчкѣ на Хмѣлевицѣ, деревнею (**), деревнею Якуни Еремина, деревнею Сосновскою, деревнею Взглядною на рѣчкѣ на Ковжѣ, деревнею Раменскою, деревнею Добрѣйцовымъ, деревнею Яковцевымъ, деревнею Ловковымъ Займищемъ верхъ рѣчки Соти, деревнею Зыбалцевымъ Заболотьемъ, деревнею Хмѣлевицей, деревнею Слудой на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Буделцовымъ, деревнею Сусоловымъ, деревнею Зарѣчнымъ, пустошью Пѣшинскою, пустошью Охлябинымъ съ помѣстьемъ со всѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и пустошамъ потягло.

(*) Послѣдній годъ княженія Василія III-го.

(**) Названіе не разборчиво въ рукописи.

Отдѣлъ граматы судный: «И кто у него въ тѣхъ деревняхъ и на пустошахъ учнетъ жити людей и намѣстницы наши костромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричъ душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми или съ волостными и намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михаилъ и его приказчикъ съ ними же судитъ, а присудомъ (*) дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искать на Михаилѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ лѣта $\frac{7041}{1533}$ августа 2 дня“.

Жалованная и судная грамата, данная Великимъ Княземъ Иваномъ IV-мъ Васильевичемъ въ 1546 г. Михаилу Ильину Гиневлеву.

„Мы великій государь Иванъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій. Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь всея Руси и великій князь пожаловалъ есмь Михаила Ильина сына Гиневлева въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троицкой трети сельцемъ Дьяковымъ, деревнею Овинищемъ, деревнею Ѳедорковымъ Захарова на Хмелевицѣ, деревнею Суслецовымъ, деревнею Хмельвицею, деревнею Слудою на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Вырванцовою, деревнею Буделцовымъ, деревнею

(*) Присудъ стар. слово въ значеніи—пошлина за рѣшеніе дѣла.

Яковцевымъ, деревнею Кобылиною, починкомъ Вешнековымъ, деревнею Заболотьемъ, деревнею Полежаевою на рѣчкѣ на Соти, починкомъ.... (неразборчиво), починкомъ Кривцовымъ, починкомъ Сосновкомъ, деревнею за рѣчкою на Соти, деревнею Холмцомъ, деревнею Барановымъ починкомъ, деревнею Добродѣйцовымъ, починкомъ Копейкинымъ, деревнею Велчуковою на рѣчкѣ на Хмѣльницѣ, починкомъ Черницынымъ, починкомъ Ѳотѣйковымъ, починкомъ Попковымъ, что тѣ починки даны Михайлу въ обмѣнъ противъ его деревень, деревнею Сѣновицею, да деревнею Куниковою, да пустоши Прокшины съ помѣстьемъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому сельцу и къ деревнямъ и къ починкамъ изстари потягло.

И кто у него въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жити людей и наши намѣстницы костромскіе и волостели и ихъ тіуни, тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ его людямъ съ городскими людьми, или съ волостными и наши намѣстницы костромскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михайло или его приказчикъ съ ними же судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искать на Михайлѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу я князь великій или мой бояринъ введенный. Писана на Москвѣ лѣта 7054—1546 г. Генваря въ 29 день".

При граматѣ печать съ надписью на лицевой сторонѣ съ изображеніемъ двухглаваго орла: Иванъ князь Володимерскій, Московскій, Новгородскій и иныхъ; на оборотной сторонѣ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца: Иванъ Божіею милостію Государь всея Россіи.

Се азъ царь и великій князь Өеодоръ Іоанновичъ всея Россіи пожаловалъ есми соборныя церкви Өеодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексѣя, да поповъ, попа Максима, попа Фалалея, попа Поліевкта, дьяконовъ Тихона да Григорія, или кто по нихъ у Өеодора святаго иные протопопы, попы и дьяконы будутъ: что вы били челомъ и старую жалованную грамату дѣда нашего в. кн. Василія Ивановича всея Россіи съ подписью на отца нашего царя и в. кн. Ивана Васильевича всея Россіи имя подали, для того, что та старая жалованная грамата ветха: и намъ бы Феодоровскаго протопопа Алексѣя съ братіею или кто по немъ иный протопопъ и попы и дьяконы у тое церкви будутъ, пожаловати та дѣда нашего старая жалованная грамата велѣти переписати на свое царево и великаго князя имя. И азъ царь и в. кн. Феодоръ Ивановичъ всея Россіи тое ихъ граматы слушалъ и велѣлъ имъ ту ихъ старую жалованную грамату переписати на свое царево и в. князя имя, и далъ имъ сю свою жалованную грамату такову же, какъ у нихъ въ старой жалованной граматѣ было написано: наши намѣстницы Костромскіе и ихъ тіуны того протопопа и поповъ и дьяконовъ и пономаря и проскурницу и сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ опричъ душегубительства и разбоя съ поличнымъ; ни кормовъ своихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто, а праветчики и доводчики не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, ни поборовъ своихъ у нихъ ни иныхъ пошлинъ ни которыхъ не берутъ, а вѣдаетъ и судитъ пономаря и проскурницу сторожей церковныхъ и ихъ людей и крестьянъ протопопъ Алексѣй съ братіею сами во всемъ, или кому прикажутъ, а случится судъ смѣсный ихъ людемъ и крестьянамъ съ городскими людьми и становыми или съ волостными или съ сельскими и наши намѣстницы и волостели и ихъ тіуны и посадскіе судятъ, а протопопъ Алексѣй съ братіею или ихъ приказчикъ съ ними же судятъ, а правъ будетъ или виноватъ ихъ

крестьянинъ, и онъ въ правдѣ или въ винѣ, протопопу Алексѣю съ братіею или ихъ приказчику. А намѣстницы наши и волостели или тіуни или посадскіе у протопопа съ братіею въ ихъ крестьянина ни въ праваго ни въ виноватаго не вступаются, а правъ будетъ или виноватъ городской человѣкъ и становой и волостной или сельской и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ или волостелемъ и ихъ тіунамъ: а протопопъ съ братіею или ихъ приказчикъ городскаго человѣка или волостнаго и въ сельскаго въ праваго ни въ виноватаго не вступаются: а кому будетъ чего искати на протопопѣ съ братіею или на ихъ приказчикѣ то ихъ сужу азъ царь и вел. князь или мой дворецкой, а чего будетъ протопопу съ братіею и ихъ людемъ и крестьянамъ на комъ искать, или кому будетъ чего искати на протопопѣ и на попахъ и на дьяконахъ и на проскурницѣ и на пономарѣ и на сторожахъ церковныхъ и на ихъ людѣхъ и на крестьянѣхъ, и азъ имъ далъ своего пристава даннаго пѣвчего дьяка Василія Потапова, и онъ бы ихъ и по нихъ ѣздить съ моею царя и велик. князя приставною, даваетъ ихъ на поруки, да чинитъ имъ сроки стать предо мною царемъ и вел. княземъ, а опричь того даннаго моего пристава Василія Потапова инымъ приставамъ ни которымъ ѣздити есми по нихъ не велѣлъ, а кто по нихъ пріѣдетъ иной приставъ опричь того моего даннаго пристава Василія Потапова, и азъ имъ тѣмъ приставомъ на поруку давать не велѣлъ, а кто на нихъ накинетъ срокъ сильно опричь того моего даннаго пристава Василія Потапова, и азъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣлъ а кто и безсудную на нихъ дастъ и та безсудная не въ безсудную а боярскіе люди и намѣстничьи и тіуньи люди на пиры и на брачнины не званы къ нимъ не ѣздятъ, а кто къ нимъ на пиръ и на братчину пріѣдетъ не званъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно, а не пойдетъ вонъ, а учнетъ у нихъ пити сильно, а учинится у нихъ тутъ какова гибель, и тому та гибель платить безъ суда и безъ правды: и кто на Костромѣ

и въ Костромскомъ уѣздѣ во всѣхъ станѣхъ въ Плоскининѣ и въ Чижевѣ и въ Логиновѣ и въ Ондронниковѣ и въ Дуплеховѣ и въ Соти и въ Кулигѣ и въ Осеку и въ Корбодамѣ и въ Сушевскомъ и въ Вятскомъ и въ Минскомъ и въ Хорутиковѣ и въ Иванчюшковѣ и въ Дмитрецовѣ и въ Ормяновѣ и въ Никольской слободѣ и въ волостяхъ и въ Костромскихъ въ Корегѣ и на Иледемѣ въ трети и въ Троицыной трети и въ служнѣ трети и въ Кодоварной трети и въ Чашницѣ пути и въ столничѣ пути въ Немстѣ и въ Сорохтѣ и въ Нерехтѣ и въ Борщинѣ и во Владычнѣ и въ волостяхъ въ Великой Соли, и въ Малой Соли и въ Подольскомъ дворцѣ и въ Шачеболи и въ Андомѣ и въ Немдѣ и въ Сидоровскомъ и въ Куекши и въ Писмѣ и въ Желѣзномъ Борку и въ новыхъ городкахъ въ Киружской волости, въ Буѣ, Выдамьѣ въ трехъ станѣхъ въ Любимѣ, въ Кобордамѣ, въ Судиславлѣ, въ моихъ царя и вел. князя селѣхъ (*) въ дворцовыхъ и въ митрополичьихъ селѣхъ и во владычныхъ и въ боярскихъ и монастырскихъ, учнутся женить дѣти боярскія и городскіе люди и боярскіе люди и крестьяне мои царя и вел. князя черные и митрополичьи и владычни и боярскіе и монастырскіе и они емлютъ знамена у протопопа Алексія съ братіею по старинѣ а даютъ съ холостаго человѣка десять денегъ, а со вдовца два алтына, а которой игуменъ или попъ на Костромѣ и въ Костромскомъ уѣздѣ во всемъ вѣнчаетъ безъ ихъ знаменъ или которые дѣти боярскія городскіе люди и ихъ люди и крестьяне учнутъ вѣнчатися иныхъ городовъ въ уѣздѣхъ и азъ царь и великій князь протопопа Алексѣя съ братіею пожаловалъ далъ есми на тѣхъ игуменовъ и на поповъ и на дѣтей боярскихъ и на городскихъ людей и на боярскихъ людей и на крестьянъ на Кострому и во весь Костромской уѣздъ пристава пѣвчаго своего дьяка Василія Потапова, а велѣлъ есми ихъ давати на

(*) Отсюда видимъ что въ Костромской области были собственныя села царя вел. кн. Ѳеодора Іоанновича.

поруку да ставити передъ Костромскими городовыми приказчики и на кого передъ приказчики протопопъ Алексѣй съ братіею доведутъ и приказчики наши велятъ приставу Василію Потапову на томъ доправить заповѣди рубль, полтину на меня царя и великаго князя, а полтина протопопу съ братіею, а что на Костромѣ на посадѣ Настасеина монастыря у игуменьи съ сестрами отца нашего жалованная грамата велѣно вѣнчать ихъ Ризположенскому попу своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ явивъ митрополичью десятильнику да соборнымъ попамъ и безнамени а опричь ему своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ не вѣнчати никого: а въ Судиславлѣ у Преображенскаго попа и у дьякона наша жалованная грамата, а велѣно тому Преображенскому попу вѣнчати безъ десятильнича и безъ протопопова знамени городскихъ людей и сельскихъ свой приходъ, а отъ знаменъ имъ имати по соборному уложенью съ холосца по алтыну а со вдовца по два алтына, да отдавать имъ тѣ вѣнечныя пошлины митрополичью десятильнику или Костромскому протопопу и соборнымъ попамъ по ихъ граматѣ жалованной, а любимскіе и буегородскіе попы вѣнчаютъ свои же приходы и Настасеина монастыря попъ по нашей жалованной граматѣ вѣнчаетъ своихъ монастырскихъ людей и крестьянъ Настасеина монастыря, а опричныхъ людей не вѣнчаетъ, а преображенскіе что въ Судиславлѣ и любимскіе и буегородскіе попы вѣнчаютъ свои же приходы явивъ Костромскому протопопу съ братіею, а отъ знаменъ емлютъ по соборному уложенью съ холосца по алтыну, а со вдовца по два алтына, да тѣ вѣнечныя пошлины отдаютъ Костромскому пречистенскому протопопу съ братіею: а учнутъ Настасеина монастыря и преображенскіе что въ Судиславлѣ и буегородскіе и любимскіе попы и дьяконы вѣнчати опричныхъ людей, или судиславскіе и любимскіе и буегородскіе попы и дьяконы не учнутъ вѣнечныя пошлины на Кострому протопопу съ братіею платить и на тѣхъ далъ есмы пристава того же своего пѣвчаго дьяка Василья Потапова, а велѣлъ

на нихъ заповѣди доправливать по рублю на человѣка, да тое заповѣди емлютъ на меня царя и великаго князя полтину а Костромскія соборныя церкви протопопу съ братіею по ихъ жалованной грамата полтина же.—Дана грамата на Москвѣ лѣта 7094 сентября въ 15 день (т. е. 1586 г. по Р. Х.) Лѣта 7108 (1600 по Р. Х.) октября въ 6 день государь царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ все Россіи сее граматы слушалъ а выслушавъ сію грамату соборныя церкви Ѳеодора Стратилата что на Костромѣ протопона Алексія съ братіею, или кто по немъ у той церкви иной протопопъ и попы будутъ пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамату подписати на свое государево царево и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи имя и сей у нихъ граматы рудити не велѣлъ ни кому ни въ чемъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано. Лѣта 7115 (1607 по Р. Х.) сентября въ 20 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи сее граматы слушалъ, а выслушавъ сю грамату соборныя церкви Ѳеодора Стратилата что на Костромѣ протопопа Алексѣя съ братіею, или кто по нихъ у тое церкви иный протопопъ и попы будутъ, пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамату подписати на свое государево царево и вел. князя Василія Іоанновича всея Россіи имя и сее у нихъ грамату рудити не велѣлъ ни чѣмъ никому, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ писано.

Приведенная нами грамата царя Ѳеодора Іоанновича во 1-хъ содержитъ въ себѣ точное опредѣленіе судопроизводства надъ людьми церковными и мірскими, опредѣляетъ случаи суда совмѣстнаго духовныхъ и мірскихъ властей, во 2-хъ касается бытовыхъ чертъ и опредѣляетъ порядокъ совершенія браковъ и взиманія пошлинъ за нихъ.

Какъ видно изъ начала, эта грамата была в. кн. Василія Іоанновича, потомъ переписанная на имя царя Іоанна Васильевича Грознаго и теперь вновь переписанная на имя царя Ѳеодора.—

Прежде всего опредѣляется, что надъ духовными лицами намѣстники царскіе и ихъ тіуны производятъ судъ только въ случаяхъ смертоубійствъ и разбоя, если разбойники будутъ пойманы съ поличнымъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ людей церковныхъ и крестьянъ ихъ судитъ самъ протопопъ съ братіею, а мірскія власти не могутъ съ нихъ взыскивать никакихъ пошлинъ и поборовъ. Если случится судъ у людей или крестьянъ церковныхъ съ городскими или волостными или сельскими, тогда судъ совмѣстный: судятъ намѣстникъ и волостели или ихъ тіуны и посадскія власти совмѣстно съ протопопомъ съ братіею или его приказчикомъ; но ни тѣ ни другіе не вступаются ни въ праваго, ни въ виноватаго противныхъ сторонъ, т. е. оправдываютъ или обвиняютъ каждый своихъ отвѣтчиковъ. Въ случаѣ иска на протопопѣ съ братіею или на ихъ приказчикѣ, судитъ ихъ самъ царь или его дворецкій. Если протопопъ съ братіею и ихъ люди и крестьяне будутъ на комъ изъ мірскихъ искать или кто изъ мірскихъ будетъ искать на людяхъ церковныхъ и ихъ крестьянахъ, то назначается приставъ пѣвчій дьякъ Василій Потаповъ, который и отдаетъ отвѣтчиковъ на поруки и назначаетъ сроки стать предъ судомъ царскимъ. Кромѣ назначеннаго дьяка пристава Василія Потапова никому не ѣздить къ отвѣтчикамъ, ни сроковъ имъ не назначать, ни освобождать отъ суда. Запрещается людямъ боярскимъ, намѣстничьимъ и тіуньимъ ѣздить незванными на пиры или на свадьбы къ людямъ церковнымъ. Въ случаѣ же если кто пріѣдетъ незванный на пиръ и будетъ высылаемъ вонъ, да не пойдетъ, а начнетъ насильно пить и причинитъ ущербъ хозяевамъ, то онъ долженъ безъ суда заплатить за убытокъ. Далѣе опредѣляется порядокъ совершенія браковъ.

Въ Костромѣ или въ Костромскомъ уѣздѣ и во всѣхъ станахъ (города, села и станы перечислены въ граматѣ подробно) если будутъ жениться боярскія дѣти, боярскіе или городскіе люди и крестьяне мои (царскіе) и митрополичьи и владычни и боярскіе и монастырскіе, то они должны брать отъ протопопа о себѣ свѣ-

дѣнія и платить пошлины съ холостаго десять денегъ, а со вдовца два алтына. Если же какой игуменъ или священникъ къ Костромѣ или Костромскомъ уѣздѣ перевѣнчаетъ безъ документовъ отъ протопопа, или кто перевѣнчается въ иномъ городѣ или уѣздѣ, то для суда надъ тѣмъ назначается приставъ дьякъ Василій Потаповъ, который отдаетъ отвѣтчиковъ на поруки и ставитъ на судъ предъ городовыми приказчиками нашими. По доведеніи на кого либо со стороны протопопа съ братіею, дьякъ взимаетъ съ того штрафъ рубль: полтину на царя и полтину протопопу съ братіею.—По жалованной грамате Настасьину монастырю крестьянъ мірскихъ велѣно вѣнчать Ризположенскому священнику, заявивъ только десятильнику митрополичьему да соборному причту, но безъ документовъ, но кромѣ своихъ крестьянъ ему никого не вѣнчать. Въ Судиславлѣ преображенскому священнику вѣнчать своихъ прихожанъ безъ десятильничьяго или безъ протопопова увѣдомленія, взимая пошлины съ холостаго по алтыну и со вдовца по два алтына; пошлины эти отдавать митрополичьему десятильнику или Костромскому протопопу съ причтомъ. Также вѣнчаютъ своихъ прихожанъ и любимогородскіе и буегородскіе священники, заявивъ Костромскому протопопу и взимая пошлины съ холостаго по алтыну, а со вдовца по два алтына и эти пошлины отдаютъ Костромскому пречистенскому протопопу съ братіею. Если эти священники будутъ нарушать постановленія или не платить пошлины Костромскому протопопу, то для суда надъ ними назначенъ приставъ дьякъ Василій Потаповъ, который взимаетъ съ отвѣтчиковъ штрафъ по рублю съ человѣка, на царя полтину и на Костромскаго протопопа съ братіею полтину же по ихъ жалованной грамате.—Судебныя постановленія, заключающіяся въ этой грамате, составлены примѣнительно къ статьямъ судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV-го. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ граматъ, приведенная грамата переписывалась потомъ на имя царей Бориса Годунова и Василія Шуйскаго.

Костромской каѳедральный соборъ съ окрестностями.

Ипатьевскій монастырь.

